

6168

Р

Рибо Т. $\frac{616.8}{Р-490}$

Болезни
памяти

1881

112

К. Каравушев.

и Шмидт.

БОЛЪЗНИ ПАМЯТИ

М. Г. Рубин
2.11.1871
М. Г. Рубин

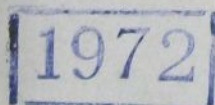
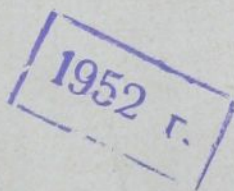
Т. РИВО.

Переводъ съ французскаго

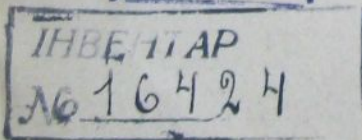
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. ЧЕРЕМШАНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1881.

Предисловіе автора.

Я поставилъ себѣ цѣлю—дать въ этой работѣ психологическую монографію болѣзней памяти и попытаться придти къ нѣкоторымъ бошимъ заключеніямъ по этому предмету, соотвѣтственно современному состоянію нашихъ свѣдѣній о немъ. Физиологія памяти издавна служила предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій, но патологическая сторона вопроса мало останавливала на себѣ вниманіе ученыхъ. Мнѣ казалось полезнымъ пополнить пробѣлъ, существующій въ этомъ отношеніи. Въ настоящей работѣ физиологической части вопроса отведено самое скромное мѣсто и о нормальной памяти говорится весьма сжато.

Казуистическая часть разработана мною подробно и хотя этотъ пріемъ менѣе льститъ авторскому самолюбію но за то онъ чрезвычайно поучителенъ. Безполезно было бы, по моему мнѣнію, описывать въ общихъ чертахъ разстройства памяти, безъ ссылокъ на соотвѣтствующіе конкретные случаи; я полагаю, что всѣ мои толкованія должны быть изложены такъ, чтобъ допускали тщательный контроль.

Позволю себѣ напомнить читателямъ, что предлагаемое вниманію ихъ сочиненіе представляетъ опытъ описательной психологіи, т. е. не болѣе какъ одну изъ главъ естественной исторіи, и что если моя работа и не отличается никакими особыми заслугами, за то въ ней собрано большое число наблюденій и любопытныхъ фактовъ, которые еще ни разу не были вмѣстѣ сопоставлены.

Январь 1881 г.

БОЛѢЗНИ ПАМЯТИ.

Глава первая.

ПАМЯТЬ, КАКЪ БІОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКТЪ.

Описательная сторона процесса воспоминанія прекрасно разработана многими авторами, особенно шотландскими, поэтому я и не буду распространяться о ней въ этой работѣ. Моя цѣль — выяснитъ природу памяти, опираясь на новѣйшій психологическій методъ изслѣдованія, и показать, что данныя фізіологіи, въ связи съ фактами нашего сознанія, позволяютъ поставить подобную задачу гораздо шире, — что ходячія понятія о памяти и общепринятые описанія ея въ трактатахъ психологіи далеко не обнимаютъ собою всей совокупности этого процесса, а обращаютъ вниманіе лишь на одну его сторону, наиболѣе развитую и сложную, которая, будучи изучаема въ отдѣльности, легко приводитъ къ ошибочному представленію о всемъ процессѣ. На самомъ дѣлѣ память представляетъ послѣднюю ступень длиннаго періода развитія, какбы расцвѣтъ явленій, корни которыхъ скрываются глубоко въ предшествовавшихъ процессахъ органической жизни; словомъ, память, по существу, представляетъ фактъ біологическій, случайно же можетъ являться и психологическимъ фактомъ.

Понимаемая такимъ образомъ, наша задача должна состоять въ изученіи общей фізіологіи и общей психологіи памяти и въ то же время — патологіи этого процесса. Разстройства и заболѣванія памяти, будучи надлежащимъ образомъ сгруппированы и истолкованы, перестаютъ служить сборникомъ курьезныхъ фактовъ и занимательныхъ анекдотовъ, о которыхъ говорится мимоходомъ. Мы убѣждаемся тогда, что всѣ эти факты подчинены извѣстнымъ законамъ, которые составляютъ сущность процесса памяти и позволяютъ опредѣлить его механизмъ.

I.

Въ обыкновенной рѣчи подь словомъ «память» всѣ разумѣютъ слѣдующія три свойства субъекта: 1) сохраненіе имъ извѣстныхъ состояній, 2) воспроизведеніе ихъ и 3) локализацию ихъ (т. е. отведеніе имъ надлежащаго мѣста въ прошломъ). Между тѣмъ совокупностью этихъ свойствъ характеризуется только извѣстный видъ памяти, такъ назы-

ваемая полная память. Значеніе же этихъ трехъ элементовъ памяти въ отдѣльности весьма различно: первые два элемента имѣютъ существенную важность, третій же который мы привыкли называть „узнаваніемъ“ предмета, такъ сказать, завершаетъ память, но не составляетъ ее. Отнимите первые два элемента, — исчезаетъ и память, а отнимите одинъ третій элементъ—память перестанетъ существовать для самой себя, но все еще будетъ существовать въ самой себѣ. Этотъ третій элементъ, будучи исключительно психологическимъ, является какъ бы добавочнымъ къ двумъ остальнымъ, первые два элемента—постоянны, третій—непостояненъ, онъ можетъ быть и не быть; онъ представляетъ ничто иное, какъ извѣстную степень участія сознанія въ дѣлѣ памяти и ничего больше.

Если мы будемъ считать память, какъ это дѣлалось до нашихъ дней, за „отдѣльную способность души“ и будемъ изучать ее при помощи одного только самонаблюденія, то неизбежно придемъ къ заключенію, что весь процессъ памяти состоитъ въ совершенной и сознательной формѣ проявленія его, но въ такомъ случаѣ мы, благодаря дурному методу наблюденія, примемъ часть за цѣлое или, лучше сказать, видъ будемъ считать родомъ. Современные ученые (Гексли, Клиффордъ, Маудсли и пр.), признавая, что сознаніе только сопутствуетъ извѣстнымъ нервнымъ процессамъ и что оно „также неспособно воздѣйствовать на эти процессы, какъ тѣнь на шаги пѣшехода“, проложили путь для новой теоріи, которую мы и попытаемся примѣнить въ настоящей работѣ. Оставимъ въ сторонѣ на время психическій элементъ, чтобы вернуться къ нему впоследствии; сведемъ пока нашу задачу къ наиболѣе простымъ даннымъ и посмотримъ: какъ, въ условій сознанія, какое-нибудь новое состояніе воспринимается организмомъ, сохраняется въ немъ и воспроизводится; другими словами, — посмотримъ, какимъ образомъ, помимо сознанія, образуется память.

Прежде чѣмъ мы займемся собственно органической памятью, мы должны упомянуть о нѣкоторыхъ фактахъ, которые иногда сравнивались съ нею. Такъ, извѣстныхъ аналогій памяти искали въ явленіяхъ неорганической природы, именно „въ способности свѣтовыхъ колебаній сохраняться на листѣ бумаги въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени въ скрытномъ состояніи, изъ котораго ихъ можно вновь заставить проявиться подъ вліяніемъ извѣстныхъ реагентовъ. Гравюры, подвергнутыя вліянію солнечныхъ лучей и затѣмъ сохраняемыя въ темнотѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, при обработкѣ специальными реактивами, обнаруживаютъ слѣды фотографическаго вліянія солнца на ихъ поверхность ¹⁾“. Положите ключъ на листъ бѣлой

(¹) *Luys, Le cerveau et ses fonctions, стр. 106.*

бумаги, подвергните послѣдній дѣйствию солнечныхъ лучей, потомъ—спрячьте въ темный ящикъ: вы увидите, что, даже по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, изображеніе ключа на этомъ листѣ сохранится ¹⁾. На нашъ взглядъ, эти и многіе подобные имъ факты имѣютъ аналогію съ памятью, слишкомъ отдаленную, чтобъ можно было настаивать на ней. Здѣсь мы находимъ только первое условіе всякаго воспоминанія—сохраненіе полученнаго состоянія, воспроизведеніе же послѣдняго въ данномъ случаѣ настолько пассивно, настолько зависитъ отъ вмѣшательства посторонняго агента, что отнюдь не имѣетъ никакого сходства съ естественнымъ воспроизведеніемъ воспоминаній. Кромѣ того въ нашемъ вопросѣ никогда не должно терять изъ виду, что мы имѣемъ дѣло съ жизненными, а не физическими, законами и что основы памяти должно искать не въ чемъ либо иномъ, какъ въ свойствахъ организованной матеріи. Позже мы увидимъ, къ какимъ ложнымъ выводамъ можетъ привести игнорированіе этого основнаго положенія.

Я не буду останавливаться также на такъ называемыхъ привычкахъ растений, которыя сравнивали съ памятью, и перейду прямо къ фактамъ болѣе доказательнымъ.

Въ животномъ царствѣ, мышечная ткань представляетъ намъ первый намекъ на способность приобрѣтенія матеріею новыхъ свойствъ, ихъ сохраненія и автоматическаго воспроизведенія. „Ежедневный опытъ,“ говоритъ Герингъ, „учитъ насъ, что всякій мускулъ становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще онъ работаетъ. Мышечное волокно, которое первоначально слабо отвѣчаетъ на раздраженія, передаваемыя двигательнымъ нервомъ, реагируетъ впослѣдствіи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще оно возбуждается, конечно, при томъ условіи, чтобы работа смѣнялась паузой и мышца могла отдыхать. Вслѣдъ за всякой работой, данный мускулъ становится болѣе пригоднымъ къ этой работѣ; повторить какое нибудь движеніе легче, чѣмъ сдѣлать его въ первый разъ, другими словами—подъ влияніемъ упражненія облегчается воспроизведеніе органическихъ процессовъ. Дѣятельность для мышцы—важнѣе долгаго покоя. Такимъ образомъ данное явленіе представляетъ, въ формѣ наиболѣе простой и скорѣе всего подходящей къ физическимъ условіямъ, ту способность воспроизведенія, которая выражена столь сложнымъ образомъ въ нервномъ веществѣ. И тоже самое, что хорошо извѣстно по отношенію къ мышечному веществу, болѣе или менѣе замѣчается и въ тканяхъ другихъ органовъ. Повсюду съ возрастаніемъ дѣятельности, прерываемой достаточными промежутками отдыха, возрастаетъ и функціональная способность соответствующаго

¹⁾ G. H. Lewes, Problems of life and mind, third series, стр. 57.

органа“¹⁾ Наибо́лѣе совершенная тканьъ животнаго организма—нервное вещество—обладаетъ въ высшей степени этимъ двойнымъ свойствомъ—сохраненія и воспроизведенія. Однако же типа органической памяти мы не будемъ искать въ простѣйшей формѣ нервной дѣятельности,—въ рефлекторномъ актѣ. Въ самомъ дѣлѣ, рефлексъ, будетъ ли онъ состоять изъ одного или нѣсколькихъ сокращеній, вызванныхъ соотвѣтствующимъ раздраженіемъ, представляетъ результатъ извѣстнаго анатомическаго расположенія. Разумѣется, можно допустить, и не безъ вѣроятности, что это анатомическое расположеніе, прирожденное въ настоящее время животному, представляетъ ничто иное, какъ результатъ наслѣдственности, т. е. какбы особаго вида памяти,—что нѣкогда оно было приобрѣтено, затѣмъ укоренилось и сдѣлалось существеннымъ свойствомъ организма, благодаря безчисленнымъ повтореніямъ, т. е. передачѣ изъ рода въ родъ. И такъ, мы не будемъ ссылаться на этотъ аргументъ въ защиту нашего положенія, которое можетъ быть поддержано другими менѣе спорными основаніями.

Истинный типъ органической памяти,—здѣсь мы касаемся самой сути нашего дѣла,—должно искать въ той группѣ фактовъ, которые весьма удачно названы Гартлеемъ вторичными автоматическими движеніями (*secondarily automatic*), въ противоположность прирожденнымъ или первичнымъ автоматическимъ движеніямъ. Эти вторичныя (приобрѣтенныя) автоматическія движенія составляютъ главную сущность нашей повседневной жизни. Такъ напр. способность къ передвиженію (*Locomotio*), будучи у многихъ низшихъ животныхъ прирожденною, у человѣка вырабатывается постепенно, въ особенности—способность координаціи движеній, которая, помощью сочетанія осязательныхъ и зрительныхъ впечатлѣній, поддерживаетъ на всякомъ шагѣ равновѣсіе нашего тѣла. Вообще можно сказать, что члены взрослага человѣка и его органы чувствъ функционируютъ съ такою легкостью только благодаря всей совокупности приобрѣтенныхъ и координированныхъ движеній, которыми опредѣляется для всякой отдѣльной части тѣла своя особая память, своего рода капиталъ, которымъ организмъ существуетъ и распоряжается, подобно тому какъ разумъ живетъ и дѣйствуетъ сообразно пережитому опыту. Къ той же категоріи принадлежатъ тѣ группы движеній, имѣющихъ болѣе искусственный характеръ, которыми опредѣляется техника извѣстнаго ремесла, гимнастическая ловкость, ловкость въ игрѣ и пр.

Если будемъ изслѣдовать, какимъ образомъ вырабатываются, фиксируются и воспроизводятся эти вторичныя автоматическія движенія, то окажется, что первоначально работа сводится къ образова-

(²) *Hering*, Ueber das Gedächtniss als allgemeine Function der organisirten Materie. Vortrag. etc. 2-e Aufl. Wien. Gerold's Sohn, 1876. p. 13.

нію ассоціацій. Первый матеріалъ доставляется первичными, простыми рефлексами: они группируются извѣстнымъ образомъ и комбинируются путемъ исключенія. Первоначально, въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени, дѣло идетъ какбы оцупью. Движенія, которыя впоследствии представляются намъ самыми натуральными, первоначально вырабатывались съ величайшими усиліями. Когда солнечный лучъ ударяетъ въ первый разъ въ глаза новорожденнаго, то замѣчается цѣлый рядъ нестройныхъ движеній; спустя нѣсколько недѣль устанавливается нѣкоторая координація движеній, глаза могутъ устремляться въ извѣстномъ направленіи, фиксировать свѣтящійся предметъ и слѣдить за его движеніями. Когда ребенокъ учится писать, замѣчаетъ Льюисъ, онъ рѣшительно не въ состояніи сосредоточить движенія только въ рукѣ, онъ двигаетъ при этомъ и языкомъ, и мускулами лица, и даже ногой. Съ теченіемъ времени онъ научается подавлять эти бесполезныя движенія. Когда мы въ первый разъ производимъ какое нибудь мышечное движеніе, мы всегда расходуемъ большей излишекъ энергіи, который только постепенно научаемся сберегать впоследствии. Благодаря упражненію, пригодныя движенія усваиваются, а ненужныя, излишнія, исключаются.

Въ нервныхъ элементахъ, соотвѣтственно двигательнымъ органамъ, вырабатываются вторичныя, динамическія ассоціаціи, болѣе или менѣе стойкія (т. е. память), которыя комбинируются съ первичными и постоянными анатомическими ассоціаціями.

Если читатель броситъ внимательный взглядъ на эти вторичныя автоматическія движенія, столь многочисленныя и всеѣмъ извѣстныя, то онъ согласится, что эта органическая память весьма сходна съ памятью психологической, за исключеніемъ одного пункта: въ органической памяти сознаніе отсутствуетъ.

Резюмируемъ указанныя нами свойства; полное сходство обоихъ видовъ памяти обнаружится при этомъ само собою. Процессъ усвоенія совершается то быстро (внезапно), то медленно. Повтореніе извѣстнаго движенія для этого процесса необходимо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ другихъ—бесполезно. Органическая память колеблется сообразно индивидуальности: у однихъ она отличается быстрымъ усвоеніемъ, у другихъ—медленнымъ и даже совсѣмъ отсутствуетъ (неловкость есть результатъ плохой органической памяти). У однихъ, разъ образовавшіяся двигательныя ассоціаціи крѣпко запечатлѣваются, у другихъ онѣ легко утрачиваются и забываются. Подобно сознательнымъ воспоминаніямъ, эти двигательныя акты группируются въ одновременныя или послѣдовательныя ряды. И здѣсь особенно замѣчательно, что каждымъ членомъ ряда вызывается послѣдующій за нимъ членъ: это именно наблюдается напр. при машиналь-

ной ходьбѣ, когда мы идемъ, вовсе не обращая вниманія на наши шаги. Пѣхотный солдатъ и кавалеристъ верхомъ на лошади могутъ въ полуснѣ подвигаться впередъ и все время сохранять равновѣсіе тѣла. Эта органическая способность послѣдовательнаго вызыванія мышечныхъ актовъ еще болѣе поразительна въ случаѣ, рассказанномъ Карпентеромъ ¹⁾, гдѣ одинъ искусный пианистъ исполнялъ во снѣ фортепіанную пьесу, — фактъ, который объясняется не столько участіемъ чувства слуха, сколько участіемъ мышечнаго чувства, опредѣляющаго послѣдовательный ходъ движеній. Не стараясь доискиваться какихъ нибудь необыкновенныхъ случаевъ, мы можемъ указать въ нашей обиходной жизни ряды движеній весьма сложныхъ и опредѣленныхъ, т. е. начало и конецъ которыхъ точно фиксированы и сроки которыхъ, весьма различные между собою, чередуются въ извѣстномъ постоянномъ порядкѣ: напр., восхождение и нисхождение по давно знакомой намъ лѣстницѣ. Наша психологическая память игнорируетъ при этомъ число ступенекъ; наша органическая память распознаетъ это обстоятельство на свой ладъ, также какъ распредѣленіе этажей, расположеніе площадокъ и др. детали: она въ этомъ случаѣ не ошибается. Не должно ли признать, что эти строго опредѣленные ряды органической памяти вполне аналогичны тѣмъ ассоціаціямъ памяти психологической, которыя обуславливаютъ воспоминаніе цѣлой фразы, куплета стиховъ или какой нибудь музыкальной аріи.

И такъ, въ способѣ усвоенія, сохраненія и воспроизведенія органическая память вполне тождественна съ психологическою памятью. Единственное отличіе состоитъ въ отсутствіи сознанія при первой. Первоначально, сознаніе сопровождаетъ и двигательную функцію, впоследствии же оно постепенно изглаживается. Иногда — и эти случаи особенно поучительны — исчезновеніе сознанія совершается внезапно. Одинъ субъектъ (башмачникъ), подверженный приступамъ временной потери сознанія, обыкновенно продолжалъ и во время такого приступа начатое до того движеніе: такъ, однажды, идя все впередъ, онъ упалъ въ воду. Зачастую онъ поранивалъ свои пальцы шиломъ, воображая, что работаетъ сапоги ²⁾. При эпилептическомъ головокруженіи, называемомъ „petit mal“, аналогичные факты наблюдаются сплошь и рядомъ. Одинъ скрипачъ, играя свою партію въ оркестрѣ, часто подвергался эпилептическимъ головокруженіямъ (мгновенной потерѣ сознанія) во время исполненія пьесы. „Не смотря на это, онъ продолжалъ играть, соблюдая тактъ, хотя рѣшительно

¹⁾ Mental Physiology, стр. 75, § 71.

²⁾ Карпентеръ, Mental Physiology, стр. 75.

ничего не сознавалъ изъ окружающаго и не видѣлъ и не слышалъ тѣхъ, кому аккомпанировалъ“¹⁾).

Кажется, что эти случаи какбы нарочно созданы для того, чтобы выяснитъ истинное значеніе сознанія въ этомъ дѣлѣ и показать, что въ механизмѣ памяти сознаніе является элементомъ добавочнымъ.

Отсюда естественно является вопросъ, какія модификаціи организма необходимы для образованія памяти и какія измѣненія претерпѣваетъ нервная система, когда окончательно организуется извѣстная группа движеній?

Такимъ образомъ мы пришли къ послѣднему вопросу, который можно теперь поставить, основываясь на фактахъ, и именно къ вопросу относительно органическихъ основъ памяти; если органическая память составляетъ общее свойство животной жизни, а память психологическая служитъ только однимъ изъ частныхъ проявленій этого свойства, то понятно, что все, что мы будемъ въ состояніи открыть или угадать относительно конечныхъ условій органической памяти можетъ быть примѣнено и къ психологической (полной) памяти.

Въ нашемъ изслѣдованіи намъ нельзя обойтись безъ гипотезы. Но, уклоняясь отъ всякихъ апіористическихъ заключеній, строго придерживаясь фактовъ и опираясь на твердо установленныя данныя изъ области нервной физиологіи, мы, надѣюсь, въ значительной мѣрѣ избѣгнемъ всякихъ грубыхъ ошибокъ. Къ тому же, предлагаемая нами гипотеза способна къ безпрестаннымъ видоизмѣненіямъ. Наконецъ, взамѣнъ неясной фразы о процессахъ сохраненія и воспроизведенія, свойственныхъ памяти, гипотеза эта дастъ намъ нѣкоторое болѣе определенное представленіе о весьма сложномъ процессѣ, который обуславливаетъ и поддерживаетъ существованіе памяти.

Прежде всего должно порѣшить съ вопросомъ относительно локализациі (мѣстонахожденія) памяти. Этотъ вопросъ въ настоящее время не можетъ служить предметомъ серьезныхъ споровъ: „Должно считать почти доказаннымъ, говоритъ Бэнъ, что возобновленное (воспроизводимое) впечатлѣніе локализуется въ томъ же самомъ мѣстѣ и точно такимъ же образомъ, какъ и впечатлѣніе первоначальное“. Убѣдительнымъ доказательствомъ этого служитъ тотъ опытъ, что настойчивое представленіе (воображеніе себѣ) какого-нибудь яркаго цвѣта утомляетъ зрительный нервъ. Извѣстно, что зрительное воспріятіе какого-нибудь окрашеннаго предмета зачастую сопровождается послѣдовательнымъ ощущеніемъ, при которомъ тотже предметъ представляется намъ въ прежнихъ своихъ очертаніяхъ, но окрашеннымъ въ допол-

¹⁾ Труссо, *Leçons cliniques*, t. II, XLI, § 2. Тамъ же приведено нѣсколько примѣровъ подобнаго рода. Мы вернемся къ нимъ при изложеніи патологіи памяти.

нительный прежнему цвѣтъ. Тоже самое, можетъ быть, имѣетъ мѣсто и въ дѣлѣ воспоминанія. И воспоминаніе оставляетъ за собою, хотя и не такой яркій, послѣдовательный образъ. Если, закрывъ глаза, живо представить себѣ въ воображеніи какой-нибудь ярко окрашенный предметъ и за тѣмъ, быстро открывъ ихъ, устремить на бѣлую поверхность, то мы увидимъ на ней въ продолженіи весьма короткаго времени, тотъ же воображаемый нами предметъ, но только — въ дополнительномъ цвѣтѣ. Это явленіе, говоритъ Вундтъ, отъ котораго мы заимствуемъ данный примѣръ, доказываетъ, что процессъ нервной дѣятельности одинаковъ въ обоихъ случаяхъ: и при воспріятіи ощущеній, и при воспоминаніи о нихъ ¹⁾.

Число фактовъ и наведеній въ пользу этого положенія такъ велико, что это послѣднее можно считать почти достовѣрнымъ и нужны были бы весьма солидные доводы, чтобы поколебать подобный тезисъ.

Въ самомъ дѣлѣ, единичной памяти не существуетъ, а существуетъ память множественная; не существуетъ одного какого либо опредѣленнаго мѣста нахождения памяти вообще, а существуютъ множество различныхъ мѣстъ для различныхъ отдѣльныхъ видовъ памяти. Воспоминаніе вовсе не пребываетъ, какъ это принято говорить, „въ душѣ“: оно укореняется въ мѣстѣ своего рожденія, въ той или другой изъ частей нервной системы.

Установивъ этотъ фактъ, мы разсѣиваемъ нѣсколько туманъ, покрывающій фізіологическія условія происхожденія памяти. Эти условія, по нашему мнѣнію, слѣдующія:

- 1) Особенное измѣненіе, запечатлѣвающееся на нервныхъ элементахъ.
- 2) Существованіе особой ассоціаціи, взаимнаго сочетанія между извѣстнымъ числомъ этихъ элементовъ.

Послѣднему условію не придавали до сихъ поръ того значенія, какого оно въ дѣйствительности заслуживаетъ, какъ мы это постараемся доказать.

Имѣя въ виду пока только органическую память, возьмемъ для примѣра одно изъ тѣхъ вторичныхъ автоматическихъ движеній, которыя разсматривались нами, какъ извѣстный типъ, и посмотримъ, что происходитъ въ періодъ организаціи этого движенія: обратимся на этотъ разъ къ движеніямъ нижнихъ конечностей при ходьбѣ.

Всякое движеніе требуетъ игры извѣстнаго числа поверхностныхъ или глубокихъ мышцъ, сухожилій, сочлененій, связокъ и пр. Эти перемѣны — по крайней мѣрѣ большая ихъ часть — передаются мозгу. Какого бы кто ни держался мнѣнія относительно анатомическихъ условій

---

¹⁾ См. подробности: Bain, Les sens de l'intelligence, trad. Cazelles, стр. 304 и добавленіе Д.

мышечной чувствительности, бесспорно во всякомъ случаѣ, что она существуетъ, что съ помощью ея мы узнаемъ, какая часть нашего тѣла заинтересована въ извѣстномъ движеніи, и можемъ регулировать это движеніе.

Что же предполагаетъ это явленіе?

Оно предполагаетъ, что извѣстная, опредѣленная группа нервныхъ элементовъ получаетъ и сохраняетъ извѣстные измѣненія, модификаціи. „Очевидно, говоритъ Маудсли (который такъ тщательно изслѣдовалъ роль движеній у человѣка), что въ нервныхъ центрахъ получаютъ отпечатки двигательныхъ реакцій. Движенія, направляемые или опредѣляемые извѣстнымъ нервнымъ центромъ, оставляютъ, подобно идеямъ, отпечатки по себѣ, которые, повторяясь много разъ, организуются и такъ воплощаются въ строеніи даннаго центра, что соотвѣтствующія имъ движенія могутъ возникать совершенно автоматически. . . Когда мы говоримъ: слѣдъ, отпечатокъ или остатокъ, то желаемъ этимъ показать, что элементъ подвергся извѣстному вліянію, чему то такому, что сохраняется въ немъ и что располагаетъ его функционировать снова въ томъ же направленіи ¹⁾. Благодаря организациіи этихъ остатковъ, вслѣдъ за періодомъ, въ которомъ движенія совершаются какбы оцущью, наступаетъ періодъ, когда эти движенія начинаютъ выполняться легко, точность ихъ постоянно возрастаетъ и наконецъ они становятся автоматическими.

Анализируя это весьма обыкновенное проявленіе органической памяти, мы видимъ, что оно необходимо предполагаетъ существованіе двухъ вышеуказанныхъ нами условій.

Первое условіе состоитъ въ особенномъ измѣненіи, запечатлѣваемомъ въ элементахъ нервной системы. Такъ какъ объ этомъ обстоятельстве достаточно уже было говорено, то мы остановимся на немъ недолго. Во первыхъ, сохраняетъ ли нервная нить, получающая впервые какое-нибудь новое раздраженіе, постоянный отпечатокъ этого раздраженія? Это — вопросъ спорный. Одни рассматриваютъ нервное волокно, какъ простой проводникъ, причемъ вещество этого проводника, будучи выведено изъ состоянія равновѣсія, снова возвращается къ нему, какъ только исчезло раздраженіе. Будемъ-ли мы однако выяснять передачу раздраженія по длинѣ нерва колебательными движеніями осевого цилиндра, или химическимъ разложеніемъ протоплазмы этого послѣдняго, во всякомъ случаѣ трудно допустить, что эти процессы исчезаютъ безслѣдно. Покрайней мѣрѣ, нервную клѣтку мы имѣемъ нѣкоторое право считать элементомъ, ко-

---

¹⁾ Maudsley, *Physiologie de l'esprit*, trad. Herzen стр. 233 и 252. Физиологія и патологія души Г. Маудсли, перев. Исаина. Спб. 1871 г. стр. 214—232.

торый, согласно общему мнѣнію, способенъ получать измѣненія, удерживать ихъ въ себѣ и, при случаѣ, вновь реагировать ими. Разъ полученное впечатлѣніе оставляетъ, по всей вѣроятности, въ нервной клѣткѣ слѣдъ. Благодаря этому „получается извѣстное обособленіе, элемента хотя мы не имѣемъ никакихъ основаній полагать, что первоначально этотъ элементъ чѣмъ нибудь отличался отъ однородныхъ съ нимъ нервныхъ клѣтокъ“ (Маудсли, loco cit). „Всякое ощущеніе оставляетъ послѣ себя неизгладимый отпечатокъ, т. е. молекулы, однажды выведенные изъ прежняго своего положенія и вынужденные колебаться на иной ладъ, никогда не возвращаются вполне къ своему первоначальному состоянію. Если слегка провести по зеркальной поверхности воды перомъ, то жидкость никогда уже не приметъ той формы, какую она имѣла раньше; поверхность ея можетъ сдѣлаться вновь спокойной, какъ зеркало, но отдѣльные молекулы перемѣнили уже свое мѣсто и если бы взглядъ могъ до нихъ проникнуть, онъ бы, конечно, открылъ, слѣдъ прикосновенія пера къ жидкости. Расположенные случайно на новый ладъ, животные молекулы пріобрѣтаютъ уже этимъ самымъ большую или меньшую степень способности къ удержанію именно этого расположенія. Разумѣется если тоже самое внѣшнее вліяніе не повторится болѣе и не подѣйствуетъ опять на тѣ же молекулы, то послѣдніе будутъ стремиться принять вновь свое естественное положеніе; но далеко не то происходитъ, если молекулы подвергаются многократнымъ вліяніямъ (толчкамъ) все въ одномъ и томъ же направленіи. Въ такомъ случаѣ молекулы мало по малу утратятъ способность возвращаться къ своему естественному движенію и новый распорядокъ ихъ все болѣе будетъ отождествляться съ движеніемъ, запечатлѣвающимся на нихъ, такъ что наконецъ этотъ новый распорядокъ дѣлается, въ свою очередь, естественнымъ для молекулъ и они будутъ стремиться къ нему при малѣйшей причинѣ, выводящей ихъ изъ состоянія равновѣсія“¹⁾).

Трудно сказать, въ чемъ именно состоитъ подобная модификація молекулъ. Ни гистологія при помощи микроскопа, ни гистохимія при помощи различныхъ реактивовъ не выясняютъ намъ сущности этого процесса; но что онъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто, это доказываютъ намъ, и факты и логика.

На второе условіе, т. е. на образованіе прочной связи (ассоціацій) между различными группами нервныхъ элементовъ, до сихъ поръ не было обращено вниманія. Даже современные авторы не придаютъ, повидимому, особаго значенія этому обстоятельству. А между тѣмъ это условіе является необходимымъ выводомъ изъ положенія о локализациіи памяти.

Нѣкоторые изъ ученыхъ, повидимому, допускаютъ, хотя и выражаются намеками, что всякое воспоминаніе, органическое или со-

¹⁾ Delboeuf, Theorie générale de la sensibilité, crp. 60,

ное, отпечатлѣвается въ одной какой нибудь клѣткѣ, которая, вмѣстѣ съ своими нервными волокнами, какъ бы монополизируетъ сохраненіе и воспроизведеніе этого воспоминанія. Я полагаю, что образованію этой иллюзіи содѣйствовала неточность разговорнаго языка, который разсматриваетъ движеніе, воспріятіе, идею, образъ, чувство, какъ явленія единичныя, законченныя въ себѣ. Однако размышленіе показываетъ, что каждая изъ этихъ единицъ въ сущности состоитъ изъ многочисленныхъ и разнородныхъ элементовъ, образуетъ ассоціацію, группу, союзъ, словомъ — представляется не единствомъ, а совокупностью, множественностью. Вернемся къ старому примѣру, возьмемъ актъ ходьбы. Этотъ актъ можно разсматривать, какъ весьма сложный рефлексъ, начальнымъ возбужденіемъ котораго въ каждый данный моментъ служитъ ощущеніе соприкосновенія ноги съ землею.

Разсмотримъ это движеніе сначала въ полномъ его составѣ. Пусть исходнымъ пунктомъ его служитъ произвольный актъ. Въ такомъ случаѣ двигательный импульсъ, зарождающійся, по Феррье, въ области коркового слоя, распространяется черезъ бѣлое вещество, достигаетъ полосатыхъ тѣлъ, проходитъ по мозговымъ ножкамъ, Варолліеву мосту, продолговатому мозгу, переходитъ здѣсь на другую сторону тѣла, спускается вдоль передне-боковыхъ столбовъ спиннаго мозга вплоть до поясничной области и оттуда по двигательнымъ волокнамъ доходитъ до мышцъ. Эта передача сопровождается возвратомъ къ центрамъ по заднимъ столбамъ спинаго мозга и его сѣрому веществу, по продолговатому мозгу, четверохолмію, зрительнымъ буграмъ и бѣлому веществу головного мозга вплоть до коркового вещества. Возьмемъ это-же самое движеніе въ простѣйшей формѣ, имѣющей характеръ автоматизма.

Въ этомъ случаѣ, согласно общепринятой гипотезѣ, путь рефлекса идетъ отъ периферіи только до центральныхъ узловъ, а отсюда снова направляется къ периферіи, такъ что выше лежащая часть головного мозга не принимаетъ участія въ рефлексѣ.

Такимъ образомъ центральное распространеніе возбужденія при актѣ ходьбы, намѣченное нами лишь въ общихъ чертахъ и далеко неизвѣстное въ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ самымъ свѣдущимъ анатомамъ, предполагаетъ дѣятельность весьма многихъ нервныхъ элементовъ, крайне разнообразныхъ въ качественномъ отношеніи. Такъ, принимающіе здѣсь участіе двигательные и чувствительные нервы отличаются, по своему гистологическому строенію, отъ нервныхъ волоконъ спиннаго и головного мозга. Узловыя клѣточки отличаются другъ отъ друга своимъ объемомъ, формой (вертенообразныя, гигантскія, пирамидальныя и пр.), числомъ своихъ отростковъ и положеніемъ въ различныхъ частяхъ cerebro-спинальной оси, такъ какъ онѣ распространены отъ нижняго конца спиннаго мозга вплоть до корковыхъ

словъ головного. Всѣ эти элементы играютъ извѣстную роль въ разсматриваемомъ нами актѣ. Если читатель обратится къ анатомическому атласу и къ нѣкоторымъ гистологическимъ препаратамъ, онъ составитъ себѣ приблизительное понятіе о томъ безсчетномъ количествѣ нервныхъ элементовъ, какое оказывается здѣсь необходимымъ для произведенія движенія, а слѣдовательно и для запоминанія и воспроизведенія его.

Мы считаемъ въ высшей степени важнымъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: органическая память предполагаетъ не только извѣстную модификацію нервныхъ элементовъ, но особенную группировку, ассоціацію ихъ, опредѣленную для каждаго особаго случая, т. е. возникновеніе извѣстныхъ динамическихъ ассоціацій, которыя, благодаря упражненію, становятся настолько же устойчивыми, какъ и примитивныя (прирожденные) анатомическія группы. На нашъ взглядъ, основаніемъ памяти служатъ не только тѣ измѣненія, которыя отпечатлѣваются на всякомъ элементѣ, но и самый способъ, какимъ элементы группируются между собой.

Въ виду крайней важности этого обстоятельства, мы особенно настаиваемъ на немъ. Прежде всего легко замѣтить, что наша гипотеза, представляющая необходимое слѣдствіе предположенія о локализациі памяти, упрощаетъ многія трудности, хотя на первый взглядъ и кажется, что она только осложняетъ ихъ. Задавали вопросъ: можетъ-ли одна и та же нервная клѣтка сохранять въ себѣ нѣсколько различныхъ отпечатковъ (модификацій) или она, разъ на всегда, вслѣдъ за образованіемъ отпечатка, становится поляризованной (неспособной къ воспринятію другихъ модификацій). Разумѣется, дѣло здѣсь сводится къ догадкамъ. Во всякомъ случаѣ, можно думать, что если одна и та же клѣтка способна сохранять нѣсколько отпечатковъ, то все же количество ихъ должно быть ограничено. Можно даже допустить, что каждая клѣтка сохраняетъ только одинъ отпечатокъ. По вычисленію Мейнерта количество мозговыхъ клѣтокъ доходитъ до 600.000.000 (по мнѣнію Ліонеля Биля это число гораздо больше) и, слѣдовательно, гипотеза объ единичномъ отпечаткѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Но этотъ вопросъ имѣетъ для насъ второстепенное значеніе; ибо, принимая эту гипотезу, наименѣе благопріятную для объясненія числа и сложности организованныхъ воспоминаній,—мы должны замѣтить, что вѣдъ и единичный отпечатокъ, вступая въ различныя комбинаціи, можетъ обусловить различнаго рода результаты. Не должно имѣть въ виду одно только индивидуальное значеніе каждаго отдѣльнаго фактора, но также и взаимное отношеніе факторовъ между собою и тѣ комбинаціи, которыя изъ этого отношенія вытекаютъ. Клѣтку съ отпечаткомъ на ней можно сравнить съ буквой азбуки; буква эта, оставаясь все одною и тою же, способствуетъ образованію милліоновъ различныхъ словъ въ живыхъ и мер-

твыхъ языкахъ. Благодаря различной группировкѣ меньшаго числа элементовъ, рождаются самыя многочисленныя и сложныя комбинаціи.

Возвращаясь къ акту ходьбы, мы видимъ, что органическая память, которая положена въ основаніи этого акта, состоитъ въ своеобразной модификаціи большаго числа нервныхъ элементовъ. Но многіе изъ этихъ элементовъ, измѣненные такимъ образомъ, могутъ служить и для другой цѣли, входятъ въ составъ другихъ комбинацій, составляють часть другой памяти. Вторичныя автоматическія движенія, которыми опредѣляется плаваніе или пляска, предполагають опять извѣстныя измѣненія тѣхъ же мускуловъ и сочлененій, которыя служатъ и для акта ходьбы и которыя уже зарегистрированы, т. е. имѣють уже на этотъ конецъ свои отпечатки въ нервныхъ элементахъ, — словомъ, вышеупомянутыя новыя вторичныя автоматическія движенія имѣють въ такомъ случаѣ дѣло съ организованной уже памятью, причѣмъ обращаютъ въ свою пользу нѣкоторые элементы ея, вынуждая ихъ войти въ новую группировку и содѣйствовать образованію новой памяти.

Замѣтимъ еще, что необходимость большаго числа нервныхъ клѣточекъ и волоконъ для сохраненія и воспроизведенія извѣстнаго, даже относительно простаго, движенія предполагаетъ еще большую возможность устойчивости и живучести этихъ элементовъ; благодаря количеству послѣднихъ и существующей между ними солидарности, увеличиваются и шансы большей живости возбужденія, такъ какъ всякій дѣйствующій въ данную минуту элементъ тѣмъ самымъ способствуетъ возбужденію отпечатковъ во всѣхъ остальныхъ, связанныхъ съ нимъ, элементахъ.

Наконецъ наша гипотеза согласуется съ двумя слѣдующими фактами, взятыми изъ области повседнежнаго наблюденія:

1) Приобрѣтенное движеніе, будучи хорошо усвоено организмомъ, хорошо заучено, съ трудомъ замѣняется другимъ движеніемъ, имѣющимъ приблизительно ту же локализацию, но предполагающимъ въ основѣ своей иной механизмъ памяти. И дѣйствительно, въ данномъ случаѣ дѣло очевидно идетъ о нарушеніи уже существующей ассоціаціи элементовъ и объ образованіи изъ нихъ же ассоціаціи иного рода, т. е. о разрывѣ старыхъ, крѣпко установившихся связей и о завязкѣ новыхъ отношеній.

2) Случается иногда, что вмѣсто какого нибудь привычнаго движенія, мы непроизвольно совершаемъ другое, привычное же, движеніе; это объясняется тѣмъ, что одни и тѣ же элементы находятся въ различныхъ комбинаціяхъ другъ съ другомъ и могутъ направлять возбужденіе то въ ту, то въ другую сторону; часто бываетъ достаточно самыхъ ничтожныхъ поводовъ, чтобы пришла въ дѣятельность одна груп-

ИНВЕНТАР 2
№ 16424

па вмѣсто другой и получился результатъ, совершенно отличный отъ ожидаемаго. По крайней мѣрѣ мы объясняемъ себѣ такимъ образомъ слѣдующій фактъ, сообщаемый Льюисомъ (Loc. cit. стр. 128).

„Разсказывая однажды о моемъ осмотрѣ больныхъ въ лечебницѣ для эпилептиковъ и желая назвать имя одного изъ моихъ друзей, сопровождавшаго меня, именно д-ра Бастіана, я назвалъ д-ра Бринтона, тотчасъ же спохватившись я назвалъ фамилію д-ра Бриджа, и наконецъ таки сказалъ, какъ слѣдуетъ: д-ръ Бастіанъ“.

„Всѣхъ этихъ трехъ лицъ я ничуть не смѣшивалъ, вся ошибка произошла только отъ того, что я неудачно принаровилъ группы мышцъ, необходимыя для произнесенія извѣстнаго имени. Одного только элемента, общаго всѣмъ тремъ группамъ, и именно—буквы Б, было въ этомъ случаѣ достаточно, чтобы привести на память всѣ три фамиліи“. Это объясненіе мы считаемъ совершенно вѣрнымъ и можемъ вмѣстѣ съ авторомъ указать еще на одинъ хорошо извѣстный фактъ который подтверждаетъ справедливость нашего тезиса: „кому неизвѣстно, что когда намъ, при желаніи припомнить какое нибудь имя, кажется, что оно начинается вотъ именно съ такой-то буквы, то, въ случаѣ удачной догадки, мы воспроизводимъ подъ конецъ въ памяти всю группу, правильно называемъ имя, при чемъ вовсе не необходимо, чтобы начальная буква имени постоянно ясно представлялась нашему сознанію“. Аналогичное замѣчаніе можетъ быть сдѣлано по отношенію къ привычнымъ движеніямъ, употребляемымъ при письмѣ. Когда мнѣ приходится писать скоро и голова занята чѣмъ нибудь постороннимъ, то часто случается дѣлать незначительныя ошибки, которыя легко исправляются и также легко забываются; поэтому, чтобы не забыть, я долженъ былъ тотчасъ же записать нѣкоторыя изъ нихъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Желая написать: „ne pas faire une part“, я написалъ „ne part faire“, въ другой разъ, желая написать: „doit de bonnes“, я написалъ „donne“, и пр. Очевидно, что въ первомъ случаѣ буква Р, а во второмъ D (я понимаю подъ буквой психофизиологическое состояніе, которое служить основаніемъ представленія о буквѣ и ея графическаго воспроизведенія) вызвали взаимно одной группы—другую, причемъ ошибка была тѣмъ легче, что остатки группъ *onne*, *art* были уже возбуждены въ сознаніи. Я не сомнѣваюсь, что всякій изъ нашихъ читателей, наблюдая надъ самимъ собой, подтвердитъ, что подобное явленіе и съ нимъ случается весьма часто.

Не забудемъ, что всѣ вышеуказанныя нами соображенія составляютъ не болѣе, какъ гипотезу; но эта гипотеза соотвѣтствуетъ научнымъ даннымъ и имѣющимъ на лицѣ фактамъ. Помощью этой гипотезы выясняются главнѣйшія основы органической памяти и приобрѣтенныхъ движеній, составляющихъ память различныхъ органовъ нашего тѣла: рукъ, глазъ, ногъ и пр. Эти основы не состоятъ въ однѣхъ только

механическихъ отмѣтокъ на элементахъ, простыхъ „отпечаткахъ“ или „слѣдахъ“, неизвѣстно гдѣ сохраняющихся и подобныхъ образу ключа, о которомъ было говорено выше. Все это—метафоры въ физическомъ смыслѣ и здѣсь онѣ были бы неумѣстны. Память представляетъ фактъ біологическій. Богато одаренная память вовсе не есть какая-то разнообразная коллекція отпечатковъ, а является подвижною группировкою элементовъ, совокупностью динамическихъ ассоціацій, отличающихся своею стойкостью и быстротою своего перехода въ дѣятельное состояніе.

II.

Теперь перейдемъ къ изученію болѣе сложной формы памяти, къ памяти сознательной; въ обыкновенной рѣчи, и даже въ психологическихъ трактатахъ, только эта форма и разсматривается какъ память въ собственномъ смыслѣ слова. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ примѣнимо сюда все сказанное нами объ органической памяти и что вносить съ своей стороны въ дѣло памяти сознание.

Переходя отъ простаго къ сложному, отъ низшаго къ высшему, отъ стойкой формы памяти къ неустойчивой, мы не можемъ обойти предварительнаго вопроса объ отношеніяхъ безсознательнаго къ сознанию. Эта проблема до такой степени окутана естественными затрудненіями и искусственнымъ мистицизмомъ, что по поводу ея, повидимому, трудно сказать что нибудь положительное и ясное. Однако попытаемся.

Разумѣется, мы не имѣемъ въ виду заняться метафизикой безсознательнаго въ смыслѣ Гартманна и другихъ философовъ. Мы даже начнемъ съ признанія, что мы рѣшительно не въ состояніи выяснить себѣ переходъ безсознательнаго въ сознательное. На этотъ счетъ можно строить болѣе или менѣе остроумныя, заманчивыя гипотезы, но не болѣе того. Въ добавокъ психологія, какъ наука о фактахъ, и не должна тревожиться подобными недомолвками. Она разсматриваетъ состоянія сознания, какъ готовые факты, не заботясь объ условіяхъ происхожденія этихъ состояній. Все, что она можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, это—выяснить нѣкоторыя условія существованія данныхъ фактовъ.

Первое изъ этихъ условій заключается въ томъ способѣ дѣятельности нервной системы, который физиологи обозначаютъ именемъ освобожденія или разряженія нервной энергіи (*decharge nerveuse*). Но большая часть нервныхъ состояній вовсе не сопровождается сознаниемъ или же онѣ бывають сознательными только изрѣдка и косвеннымъ путемъ, напр.: возбужденія и импульсы, исходящіе изъ сферы симпатической нервной системы; нормальная дѣятельность сосудодвигатель-

ныхъ нервовъ; большая часть рефлексовъ, и пр. Нѣкоторые изъ этихъ состояній сопутствуются сознаниемъ только по временамъ; или, будучи сознательными въ первый періодъ жизни, становятся безсознательными въ дальнѣйшемъ возрастѣ (примѣръ: вторичныя автоматическія движенія, о которыхъ мы говорили). Сфера нервной дѣятельности гораздо шире сферы дѣятельности психической: всякій психическій актъ предполагаетъ нервную дѣятельность, но не наоборотъ. Между нервной дѣятельностью, которая никогда (или почти никогда) не сопровождается сознаниемъ и нервной дѣятельностью, которая оказывается всегда (или почти всегда) сознательною, стоитъ еще третья, переходная форма дѣятельности, въ которой сознание проявляется по временамъ. Безсознательное и должно быть изучаемо именно на этой послѣдней группѣ фактовъ.

Прежде чѣмъ глубже вникнуть въ этотъ предметъ, отмѣтимъ еще два условія существованія сознания: интенсивность и продолжительность нервной дѣятельности.

1) Интенсивность (напряженность) представляетъ условіе, характеръ котораго весьма различенъ.

Состоянія нашего сознания находятся въ непрерывной борьбѣ за обладаніе, но побѣда, какъ извѣстно, можетъ равно обусловливаться какъ силою побѣдителя, такъ и слабостью его противниковъ. Мы знаемъ, — это обстоятельство прекрасно выяснено школой Гербарта, — что самое живое возбужденіе можетъ постепенно ослабѣть до того, что наконецъ скрывается „за рубежомъ сознания“, т. е. становится безсознательнымъ, потому что уничтожается одно изъ условій его существованія (необходимая степень напряженности). Мы имѣемъ полное основаніе говорить, что сознание имѣетъ всевозможныя ступени: слабѣйшія проявленія его суть тѣ состоянія, которыя Маудсли называетъ полусознательными (subconscient); но ничто не даетъ намъ права отрицать, что постепенное уменьшеніе проявленій сознания имѣетъ всетаки свой предѣлъ, хотя и неуловимый для насъ.

2) Вопросъ о продолжительности состояній нервной дѣятельности, какъ о необходимомъ элементѣ сознания, мало останаэливаль на себѣ вниманіе ученыхъ. А между тѣмъ оцъ имѣетъ капитальную важность. Здѣсь мы можемъ вполне оставаться на почвѣ точныхъ даныхъ. Благодаря работамъ, произведеннымъ въ послѣднія 30 лѣтъ, опредѣлено время, необходимое для различнаго рода сознательныхъ воспріятій: для звука = 0'',16 — 0'',14; для осязанія = 0'',21 до 0'',18; для свѣта = 0'',20 — 0'',22; для самой простой психической работы (различеніе предметовъ, discernement), почти приближающейся къ рефлексу = 0'',02 — 0'',04.

Хотя полученные результаты различны у разныхъ экспериментаторовъ, смотря по субъектамъ, взятымъ для этихъ опытовъ, наконецъ

смотря по обстоятельствамъ и характеру изслѣдуемыхъ психическихъ актовъ, во всякомъ случаѣ установлено, что любой психическій актъ требуетъ извѣстнаго, опредѣлимаго промежутка времени и что кажущаяся безконечная быстрота мысли представляетъ не болѣе какъ метафору. Установивъ этотъ фактъ дѣлается яснымъ, что всякая нервная дѣятельность, продолжительность которой короче времени, нужнаго для образованія психическаго акта, не можетъ быть сознательной. Съ этой точки зрѣнія весьма поучительно сравнить нервный сознательный актъ съ чистымъ рефлексомъ.

По Экснеру ¹⁾ физиологическое время, необходимое для рефлекса, равняется отъ 0'',0662 до 0'',0578, что составляетъ гораздо меньшую цифру, сравнительно съ физиологическимъ временемъ, указаннымъ нами выше для различнаго рода воспріятій. Если, какъ говоритъ Гербертъ Спенсеръ, крыло мошки дѣлаетъ въ секунду ²⁾ 10 или 15 тысячъ колебаній, и каждое колебаніе соотвѣтствуетъ отдѣльному нервному акту, то надо согласиться, что скорость послѣдняго—невообразимо мала и, сравнительно съ нею, нервное состояніе, сопровождаемое сознаниемъ, представляется безконечно продолжительнымъ. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что всякое сознательное состояніе необходимо имѣетъ извѣстную продолжительность и коль скоро продолжительность нервнаго процесса падаетъ ниже этого требуемаго минимума ³⁾, то этимъ самымъ тотчасъ же уничтожается существенное условіе сознательности даннаго акта.

Ограничимся этими замѣчаніями и резюмируемъ сказанное нами. Вопросъ о безсознательномъ потому только такъ запутанъ, невыясненъ и загроможденъ противорѣчіями, что его неправильно ставятъ. Если разсматривать сознание, какъ особую сущность, какъ основное свойство души, то весь вопросъ крайне затемняется; если же разсматривать сознание, какъ явленіе, существованіе котораго опредѣляется извѣстными условіями, то дѣло становится для насъ вполне яснымъ

---

¹⁾ *Pflüger's Archiv* VIII (1874), стр. 562. Продолжительность рефлексовъ измѣняется смотря по силѣ раздраженія и по тому, распространяется ли это послѣднее въ продольномъ или поперечномъ направленіи спиннаго мозга. Впрочемъ этотъ вопросъ далеко еще не вполне выясненъ.

²⁾ *Principes de psychologie*, 1: 200. Согласно изслѣдованіямъ Марей крыло мухи колеблется въ секунду всего только 3330 разъ. Это рознагласіе мнѣній неизмѣняетъ однако значенія нашего разсужденія.

³⁾ Изслѣдованія относительно продолжительности психическихъ актовъ могутъ освѣтить инымъ образомъ нѣкоторые факты нашей умственной жизни. Такъ, на мой взглядъ, они содѣйствуютъ выясненію того, какъ совершается переходъ отъ сознательнаго къ безсознательному въ дѣлѣ привычки. Сначала извѣстный актъ выполняется медленно и съ сознаниемъ; благодаря упражненію онъ становится болѣе легкимъ и болѣе быстрымъ, слѣдовательно, нервный процессъ, лежащій въ его основаніи, находясь вполне готовый для себя пути, совершается все скорѣе и скорѣе и наконецъ продолжительность его падаетъ ниже того минимума, который необходимъ для сознательнаго воспріятія.

и область бессознательнаго теряетъ всю свою таинственность. Никогда не должно забывать, что процессъ сознанія представляетъ весьма сложное явленіе, которое предполагаетъ прежде всего наличность особеннаго состоянія нервной системы; что это состояніе не является здѣсь чѣмъ то побочнымъ, а составляетъ необходимую часть явленія, его основу и непремѣнное условіе; что лишь только наступило это состояніе, явленіе уже существуетъ въ самомъ себѣ, а лишь только къ этому присоединилось сознаніе, — явленіе начинаетъ существовать и для самого себя; что такимъ образомъ сознаніе дополняетъ явленіе, завершаетъ его, но не обуславливаетъ. Если существуетъ одно изъ условій сознанія, — необходимая напряженность или продолжительность даннаго нервнаго состоянія или какое нибудь условіе изъ числа намъ неизвѣстныхъ, — то одна часть всего комплекса явленія — сознаніе — исчезаетъ, другая же часть — нервный процессъ — остается. Отъ всего явленія уцѣлѣваетъ тогда одна только фаза — чисто органическая. Что же удивительнаго, если въ послѣдствіи обнаружатся результаты подобной мозговой работы: вѣдь эта работа дѣйствительно существовала, хотя ничѣмъ (сознательнымъ) и не проявлялась.

Уяснивъ себѣ это, мы тѣмъ самымъ уничтожаемъ мистическій характеръ всего того, что касается бессознательной дѣятельности и что на самомъ дѣлѣ объясняется довольно просто, напр. внезапныя пробужденія воспоминаній, повидимому не обусловленныя никакимъ подходящимъ сочетаніемъ воспріятій, возникающія у насъ на каждомъ шагу ежедневно; внезапное припоминаніе школьникомъ прочитаннаго наканунѣ урока; неожиданное рѣшеніе задачи, до того долго не дававшееся; поэтическія, научныя и механическія изобрѣтенія; тайныя симпатіи и антипатіи и проч. и проч.

Бессознательная мозговая работа (бессознательная церебрація) дѣлаетъ свое дѣло безъ шума и вноситъ порядокъ въ смутныя, колеблющіяся идеи. Карпентеръ приводитъ слѣдующій любопытный случай, гдѣ человѣкъ самъ смутно сознавалъ ту работу, которая совершилась у него въ мозгу, не достигая степени яснаго сознанія: „Одинъ Бостонскій адвокатъ говорилъ мнѣ, что, будучи занятъ весьма важнымъ дѣломъ, онъ оставилъ его на цѣлую недѣлю, видя, что оно превышаетъ его силы. Но въ то же время онъ сознавалъ, что въ мозгу его совершается какой то процессъ, который былъ такъ необычаенъ и тягостенъ, что невольно заставлялъ опасаться, не предвѣстникъ-ли это паралича или чего нибудь подобнаго; послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ этомъ мучительномъ состояніи, тревога улеглась и рѣшеніе искомага вопроса предстало сознанію естественно, са-

мо собой: очевидно, что оно выработалось ¹⁾ во время предшествовавшего темного и тревожного промежутка времени.

Резюмируя все нами сказанное, мы должны представить себѣ, что въ нервной системѣ происходятъ, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, постоянныя освобожденія живыхъ силъ, постоянныя разряженія (de-charges). Одни изъ этихъ нервныхъ актовъ соотвѣтствуютъ безостановочному ритму жизненныхъ функцій; другіе—въ гораздо меньшемъ количествѣ—проявленію сознательныхъ состояній; наконецъ третьи—громадное большинство—составляютъ собою сферу безсознательнаго (безсознательную церебрацію). Изъ 600 милліоновъ (или 1200 милліоновъ) клѣточекъ и 4 или 5 милліардовъ нервныхъ волоконъ,—даже откидывая тѣ изъ этихъ элементовъ, которые находятся въ состояніи временнаго покоя или остаются незанятыми всю свою жизнь,—безъ всякаго сомнѣнія окажется всегда прекрасный контингентъ и дѣятельныхъ элементовъ. Мозгъ подходит на лабораторію, полную движенія, гдѣ тысяча различныхъ работъ совершается разомъ. Безсознательная мозговая дѣятельность, не подчиняясь условіямъ времени и совершаясь какбы только въ пространствѣ, можетъ проявляться во многихъ мѣстахъ за разъ. Сознаніе же представляетъ, такъ сказать узенькую дверь, черезъ которую до насъ крохотная частица этой работы.

И такъ, мы видѣли, въ чемъ состоитъ отношеніе сознательнаго къ безсознательному, этимъ выясняется для насъ и отношеніе психической памяти къ памяти органической: первая есть частный случай второй. Вообще говоря, все сказанное нами о физиологической памяти прилагается и къ памяти сознательной; въ послѣднемъ случаѣ въ явленіе входитъ только однимъ факторомъ больше. Вернемся однако снова къ тому же вопросу и рассмотримъ его подробнѣе.

Намъ остается еще изслѣдовать два обстоятельства: слѣды и ихъ группировку.

I. Прежнія теоріи рассматривали память исключительно съ психологической точки зрѣнія и въ основу всего явленія клали понятіе о „слѣдахъ“, „отпечаткахъ“ или „остаткахъ“, при чемъ эти термины,

¹⁾ Carpenter, *Mental Psysiology*, стр. 533. Вся XIII-ая глава содержитъ много интересныхъ фактовъ, относящихся къ безсознательной церебраціи. „Одинъ математикъ, другъ автора, занимался геометрической задачей, рѣшеніе которой и вертѣлось у него на умѣ.“ Онъ нѣсколько разъ тщетно пытался уловить его. Много лѣтъ спустя, искомое рѣшеніе такъ внезапно представилось его уму, что „невольная дрожь охватила все тѣло, какъ будто кто-то другой сообщилъ этому человѣку его же собственную тайну“ (стр. 536). Нужно прочесть замѣчательный этюдъ сэра Вилльяма Гамильтона о „скрытномъ состояніи“ (*Latency*), чтобы понять тѣ заблужденія, въ которыя можетъ впасть могучій и проницательный умъ, благодаря дурному методу изслѣдованія (*Lectures on metaphysics, t, I, lect. XVIII*). Съ своей теоріей объ отдѣльныхъ способностяхъ души и умышленнымъ игнорированіемъ физиологіи, Гамильтономъ не могъ справиться ни съ однимъ затрудненіемъ.

понимавшіеся различными наблюдателями въ различномъ смыслѣ, часто вели къ недоразумѣніямъ. Въ одномъ случаѣ рѣчь шла о матеріальныхъ отпечаткахъ въ мозгу, въ другомъ о—скрытныхъ измѣненіяхъ, сохраняющихся въ „душѣ“. Ученые, придерживавшіеся послѣдняго воззрѣнія, собственно говоря, оставались еще на почвѣ логики. Но подобный тезисъ, хотя и имѣетъ много сторонниковъ между учеными, игнорирующими физиологію, не можетъ быть поддерживаемъ. Состояніе безсознательнаго сознанія, представленія, перестающаго быть представленіемъ, это—чистая *flatus vocis*. Отнять етъ какого нибудь предмета то, что опредѣляетъ его реальность, — значить: низвести его до степени одной только возможности, — значить: сказать, что если условія его существованія возобновятся, то и оно возобновится; это просто на просто приводитъ насъ снова къ положенію о безсознательномъ, высказанному нами выше.

Для насъ вопросъ о „психологическихъ остаткахъ“ рѣшенъ напередъ: если всякое состояніе сознанія подразумѣваетъ однимъ изъ интегрирующихъ своихъ элементовъ нервную дѣятельность и если эта дѣятельность постоянно измѣняетъ нервные центры, то уже этимъ самымъ запечатлѣвается въ нихъ и состояніе сознанія. Можно, конечно, возразить, что состояніе сознанія подразумѣваетъ кромѣ нервной дѣятельности еще нѣчто. Можетъ быть, но это не измѣняетъ дѣла. Если первоначальное нервное состояніе, соотвѣтствующее воспріятію, оказывается достаточнымъ для порожденія этого нѣчто, то и вторичное нервное состояніе, соотвѣтствующее воспоминанію, также обусловливаетъ это нѣчто. Въ обоихъ случаяхъ условія остаются одни и тѣ же и разгадка этого затрудненія, если она только возможна, касается теоріи воспріятія, а не теоріи памяти.

Этотъ психофизиологическій „остатокъ“ мы можемъ назвать вмѣстѣ съ Вундтомъ расположеніемъ (*disposition*) и указать, въ чемъ онъ отличается отъ „отпечатка“. Сравненія заимствованныя изъ области физиологіи, лучше всего объясняютъ намъ эту разницу. Въ глазу, который былъ подвергнутъ дѣйствию сильнаго свѣта, полученное впечатлѣніе сохраняется въ формѣ послѣдовательнаго образа. Глазъ, который ежедневно сравниваетъ и измѣряетъ разстоянія и пространственныя отношенія, пріучается опредѣлять ихъ все точнѣе и точнѣе. Послѣдовательный образъ представляетъ собою отпечатокъ; аккомодация же глаза, его способность къ измѣренію, представляетъ функціональное расположеніе.

Возможно, что въ глазу, который мало упражнялся, сѣтчатка и мускулы устроены также какъ и въ глазу, который упражнялся много, но въ этомъ послѣднемъ расположеніе выражено рѣзче, чѣмъ въ первомъ. Конечно, можно сказать, что физиологическая привычка орга-

новъ не столько зависитъ отъ перемѣнъ въ собственномъ ихъ состояніи, сколько отъ отпечатковъ, которые остаются въ нервныхъ центрахъ этихъ органовъ. Но всѣ физиологическія изслѣдованія относительно привычки, приспособленія къ даннымъ условіямъ и пр. показываютъ, что именно отпечатки существеннымъ образомъ состоятъ въ функциональномъ расположеніи ¹⁾.

II. Эти соображенія приводятъ насъ къ одному обстоятельству, которое мы считаемъ весьма важнымъ: динамическія ассоціаціи нервныхъ элементовъ играютъ еще гораздо болѣе важную роль въ сознательной памяти, чѣмъ въ памяти органовъ. Мы могли бы здѣсь повторить то, что сказано выше, но въ этой формѣ вопросъ былъ такъ мало изслѣдованъ, что мы попытаемся разсмотрѣть его съ другой точки зрѣнія.

Всякій изъ насъ сохраняетъ въ сознаніи извѣстное количество воспоминаній: образы людей, животныхъ, городовъ, деревень, свѣдѣнія научныя, историческія, лингвистическія и пр. Эти воспоминанія возникаютъ у насъ въ формѣ болѣе или менѣе длинныхъ рядовъ. Образование этихъ рядовъ прекрасно объясняется законами ассоціаціи между различными состояніями сознанія и къ этому намъ не остается ничего прибавить. Насъ интересуютъ въ этомъ вопросѣ не ряды, а ихъ предѣлы. Для этого мы изслѣдуемъ на примѣрахъ простѣйшія, повидимому, состояніе сознанія, дабы выяснитъ какую они въ сущности предполагаютъ сложность.

Возьмемъ одинъ изъ этихъ предѣловъ: память о яблокѣ. Если вѣрить приговору нашего сознанія, то этотъ фактъ—весьма простъ.

Физиологія же показываетъ намъ, что этотъ приговоръ—не болѣе, какъ иллюзія.

Воспоминаніе о яблокѣ необходимымъ образомъ есть ослабленная форма воспріятія яблока. Что предполагаетъ это воспріятіе? Измѣненіе сѣтчатки, т. е. нервного концеваяго снаряда весьма сложной формы, затѣмъ—передачу возбужденія по зрительному нерву, вплоть до четверохолмія, отсюда къ мозговымъ узламъ (зрительный бугоръ?), далѣе по бѣлому веществу въ корковый слой (въ область кривой складки [pli couché] по Феррье). Все это предполагаетъ дѣятельное состояніе множества различныхъ элементовъ, разсѣянныхъ по столь длинному пути. Но это еще не все. Дѣло идетъ не о простомъ цвѣтовомъ ощущеніи. Смотримъ ли мы на яблоко, или представляемъ себѣ его, оно всегда рисуется намъ въ видѣ твердаго тѣла сферической формы. Это сужденіе опредѣляется крайней тонкостью мышечной чувствительности и движеній нашего зрительнаго аппарата. Движенія же глазнаго яблока регулируются нѣсколькими нервами: отводящимъ (n.v.

¹⁾ Grundzüge der physiologischen Psychologie, стр. 791.

abducens), общимъ нервомъ глазныхъ мышцъ (n. oculomotorius) и блоковымъ (n. trochlearis s. patheticus). Каждый изъ этихъ нервовъ оканчивается въ известномъ пунктѣ продолговатаго мозга, связанномъ длиннымъ путемъ съ корковымъ слоемъ мозга, гдѣ образуются такъ называемыя, по Маудсли, двигательныя воззрѣнія (intuitions). Мы говоримъ въ общихъ чертахъ, относительно мелочей можно справиться въ любомъ сочиненіи по анатоміи и физиологіи. Тогда сдѣлается очевиднымъ замѣчательно громадное количество нервныхъ волоконъ и клѣтокъ, разсыпанныхъ въ видѣ островковъ и архипелаговъ въ различныхъ частяхъ cerebro-спинальной оси и служащихъ основой разсматриваемому нами психическому состоянію—памяти о яблѣ, состоянію, которое нами заурядъ считается явленіемъ простымъ, благодаря двойной иллюзіи, даваемой сознаниемъ и разговорнымъ языкомъ.

Можетъ быть намъ скажутъ, что зрительныя воспріятія вообще слишкомъ сложны и слишкомъ говорятъ въ пользу нашего положенія? Возьмемъ память какого нибудь слова. Если дѣло идетъ о написанномъ словѣ, то это также будетъ зрительная память—примѣръ, подходящій къ предъидущему. Если же дѣло идетъ о произнесенномъ словѣ, то и тутъ сложность явленія остается также велика. Членораздѣльная рѣчь предполагаетъ участіе гортани, глотки, рта и носа, а слѣдовательно многихъ нервовъ, центры которыхъ лежатъ въ продолговатомъ мозгу: блуждающаго, личнаго, подъязычная и пр. Если признать известное значеніе слуховыхъ впечатлѣній для памяти словъ, то сложность усилится еще болѣе. Наконецъ центры продолговатаго мозга, въ свою очередь, должны быть связаны съ извилиной Брокъ и съ областью insula, которыя обыкновенно считаются психическимъ центромъ рѣчи. Очевидно, что этотъ случай не отличается отъ предъидущаго ни по существу, ни по сложности и что память cadaго слова непременно зависитъ отъ опредѣленной ассоціаціи многихъ нервныхъ элементовъ ¹⁾.

Но довольно примѣровъ. Изъ всего сказаннаго очевидно значеніе этихъ ассоціацій, которыя я называю динамическими основами памяти, считая измѣненія, запечатлѣвающіяся въ элементахъ,—ея статистическими основами. Можетъ быть намъ возразятъ, что можно предположить гораздо болѣе простые примѣры, чѣмъ наши. Это—правда, но мы не станемъ ими заниматься; память сохраняетъ и воспроизводитъ конкретныя реальныя состоянія сознанія: слѣдовательно, мы дол-

¹⁾ Форбесъ Винслоу (On the obscure Diseases of the Brain and Disorders of the Mind, стр. 257, изданіе) рассказываетъ объ одномъ солдатѣ, который вслѣдствіе трепанаціи утратилъ часть мозгового вещества. Черезъ нѣсколько времени было замѣчено, что онъ забылъ одни только слова пять и семь. Спустя известное время память этихъ двухъ чиселъ вернулась у него.

жны разсматривать ихъ такими, какъ они есть въ дѣйствительности, и избирать наши примѣры изъ этого разряда фактовъ. Пусть анализъ физиологическій и анализъ идеологическій, каждый съ своей стороны, доходятъ до конечныхъ элементовъ явленія: это—полезно для выясненія условій происхожденія состояній сознанія, мы же разсматриваемъ здѣсь эти состоянія уже въ законченномъ, готовомъ ихъ видѣ.

Когда мы начинаемъ говорить, то употребляемъ всего нѣсколько простыхъ словъ. Долгое время мы вовсе не знаемъ, что эти слова сами составлены еще изъ болѣе простыхъ элементовъ, а многіе не знаютъ этого всю жизнь. Въ дѣлѣ сознанія — этой внутренней рѣчи нашей — мы находимъ тоже самое. То, что просто для сознанія, сложно для анализа. Но бесспорно, что для сохраненія и воспроизведенія этихъ простыхъ состояній, служащихъ азбукой сознанія, опять оказываются необходимыми извѣстныя сложныя нервныя состоянія. Факты, цитированные нами раньше относительно буквъ и слоговъ (см. стр. 18), служатъ тому доказательствомъ. А вотъ еще болѣе любопытный примѣръ: «Одинъ очень образованный человѣкъ, говоритъ Форбесъ Винсловъ, велѣдъ за приступомъ острой лихорадки, рѣшительно не могъ вспомнить букву F“¹⁾.

И такъ, чтобы выразить физиологическими терминами понятіе о хорошей памяти, мы должны представить себѣ огромное количество нервныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый измѣненъ особеннымъ образомъ, каждый принимаетъ участіе въ извѣстной ассоціаціи и пригоденъ входить въ соединеніе, со многими другими ассоціаціями, а каждая изъ этихъ послѣднихъ, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ условія существованія состояній сознанія. И такъ, память имѣетъ основы статическія и динамическія. Сила ея прямо зависитъ отъ количества и устойчивости этихъ основъ.

III.

Теперь перейдемъ къ изученію собственно свойствъ психической памяти, т. е. къ изученію того, что принадлежитъ исключительно ей и что, не измѣняя ни въ чемъ ея сущности и органическихъ условій, образуетъ изъ нея наиболѣе сложную, наиболѣе высокую и, въ тоже время, самую измѣнчивую форму памяти. Отличительное свойство психической памяти на языкѣ школы называется „узнаваніемъ“ (reconnaissance). Я назову его „локализацией во времени“, ибо этотъ тер-

---

¹⁾ I. с. стр. 258. Авторъ съ сожалѣніемъ не объясняетъ, шло ли тутъ дѣло только о произношеніи буквы или объ изображеніи ея на письмѣ или о томъ и другомъ обстоятельствѣ вмѣстѣ; онъ не сообщаетъ также, выздорѣвалъ-ли больной.

минь не предполагаетъ никакой гипотезы и служить простымъ выраженіемъ фактовъ.

Немного найдется вопросовъ, которые были бы до такой степени запутаны, благодаря теоріи о „способностяхъ души“. Потому не мѣшаетъ сначала высказать въ немногихъ словахъ, какимъ образомъ, по нашему мнѣнію, этотъ вопросъ долженъ бы быть поставленъ и рѣшаемъ.

Локализациа во времени (напр. припоминаніе, что такое-то обстоятельство случилось съ нами тогда-то и въ такомъ-то мѣстѣ) далеко не составляетъ примитивнаго (первичнаго) акта. Она предполагаетъ, кромѣ главнаго состоянія сознанія, еще другія, вторичныя состоянія, измѣнчивыя по числу и степени. На нашъ взглядъ, механизмъ видѣнія предметовъ лучше всего выясняетъ локализацию во времени.

Различеніе зрительныхъ воспріятій первичныхъ отъ приобрѣтенныхъ сдѣлалось въ наукѣ общепринятымъ со временъ Берклея. Извѣстно, что первичнымъ считается воспріятіе цвѣтной поверхности, вторичными же — воспріятія направленія, разстоянія, формы предметовъ и пр.; — что первичное воспріятіе здѣсь зависитъ главнымъ образомъ отъ чувствительности сѣтчатки, а упомянутыя вторичныя воспріятія обуславливаются преимущественно мышечною чувствительностью глаза, — что, благодаря привычкѣ, первичное съ приобрѣтеннымъ такъ тѣсно сливаются, что всякій думаетъ въ началѣ, будто бы въ этомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою простой, непосредственный актъ видѣнія, однако же анализъ, опыты и патологическіе факты доказываютъ противное. То же самое относится и къ памяти. Первичное состояніе сознанія въ началѣ представляется намъ не болѣе какъ существующимъ фактомъ; вторичныя же проявленія сознанія, которыя присоединяются затѣмъ уже и состоятъ въ опредѣленіи соотношеній между понятіями и въ сужденіяхъ, относятъ этотъ фактъ на извѣстное разстояніе во времени (локализуютъ его во времени), такъ что мы можемъ опредѣлить память какъ актъ видѣнія во времени.

Имѣя въ виду лучшее выясненіе этой операціи, мы изложили ее въ общихъ чертахъ, теперь займемся ближайшимъ и болѣе подробнымъ ея изученіемъ.

Теоретическое объясненіе локализации во времени опирается на законъ, открытый Дюгальдомъ Стюартомъ и разработанный Тэномъ: „Акты воображенія всегда сопровождаютъ (хотя бы мгновеннымъ) вѣрованіемъ въ реальное существованіе соотвѣтственнаго объекта“ ¹⁾. Это вѣрованіе, существующее въ высшей своей

¹⁾ Dugald Stewart, Philosophie de l'esprit humain, trad. Heisse; томъ 1, стр. 177. — Тэнь, „Объ умѣ и позн.“ 1 часть, книга 11, гл. 1, § 3. Въ этомъ трудѣ собранъ цѣлый рядъ фактовъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ этомъ обстоятельствѣ.

степени въ галлюцинаціи, головокруженіи и сонной грезѣ (благодаря отсутствію здѣсь реальныхъ корригирующихъ воспріятій), существуетъ также, хотя и въ меньшей степени, для всѣхъ состояній сознанія. Я не буду распространяться о механизмѣ, помощью котораго сознаніе отрывается отъ объективной реальности и низводится до степени чисто внутренняго (мнимаго) воспріятія. Желających ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ я отсылаю къ сочиненію Тэна ²⁾.

Во всякомъ случаѣ дѣло тутъ идетъ не о воспоминаніи. До тѣхъ поръ, пока какой нибудь образъ, каково бы ни было его содержаніе (будетъ-ли это образъ дома или какое нибудь механическое изобрѣтеніе, или какое нибудь чувствованіе) остается изолированнымъ и какъ-бы плавающимъ (*suspendue*) въ сознаніи, не—входя въ соотношеніе съ другими состояніями послѣдняго, имѣющими для насъ опредѣленное (фиксированное) мѣсто, куда мы могли бы отнести и этотъ образъ,— до тѣхъ поръ мы видимъ предъ собою только дѣйствительное состояніе сознанія (т. е. отдаемъ всецѣло занимающему насъ образу. Ред.). Но нѣкоторые изъ этихъ образовъ имѣютъ свойство, только что достигнувъ сознанія, развѣтвляться въ различныхъ направленіяхъ, возбуждать состоянія въ сознаніи, которыя связываютъ ихъ съ настоящимъ и благодаря которымъ они являются намъ, какъ составная часть болѣе или менѣе длиннаго ряда представленій, заканчивающагося даннымъ моментомъ, другими словами—они, эти образы, тотчасъ же локализируются во времени.

Я не стану здѣсь разбирать вопросовъ о томъ, память-ли дѣлаетъ для насъ возможною идею о времени или сама обусловливается этою идеею, — составляетъ-ли время форму мышленія априористическую или объяснимую эмпирическими условіями происхожденія. Эти вопросы относятся къ критикѣ чистаго разума, а не къ опытной психологіи. Эта послѣдняя не можетъ пускаться въ подобныя критическія и онтологическія пренія. Во имя фактовъ она констатируетъ, что время предполагаетъ память и что память предполагаетъ время: этого и достаточно.

Теперь перейдемъ къ вопросу: какъ совершается локалізація во времени?

Съ теоретической точки зрѣнія, единственный путь, возможный для этого,—слѣдующій. Мы опредѣляемъ положенія вещей во времени, точно также какъ и пространственныя ихъ положенія, по отношенію къ извѣстному, строго опредѣленному пункту, которымъ для времени служитъ состояніе нашего самосознанія въ данную минуту. Замѣтимъ, что это наше „настоящее“ есть реальное состояніе, которое характе-

²⁾ «Объ умѣ и познаніи,» особенно 2 часть, книга I, глава II.

ризуется известной продолжительностью. Какъ бы оно ни было коротко все же это не есть простая вспышка, ничто, какая-то абстракція, подобная математической точкѣ, какъ это можно было бы думать, основываясь на разговорныхъ метафорахъ, нѣтъ, оно имѣетъ свое начало и конецъ. Кромѣ того, начало настоящаго не представляется намъ чѣмъ то абсолютнымъ, оно всегда соприкасается и образуетъ одно непрерывное цѣлое съ чѣмъ нибудь предъидущимъ. Когда мы читаемъ (или слышимъ) какую нибудь фразу, то, напримѣръ, на пятомъ словѣ ея всегда остается нѣчто отъ четвертаго. Всякое состояніе сознанія исчезаетъ только постепенно: оно оставляетъ за собою какбы слѣдъ, аналогичный тому, что физиологическая оптика называетъ послѣдовательнымъ образомъ, *image consecutive* (слѣдомъ ощущенія, *after-sensation*, *Nachempfindung*). Такимъ образомъ четвертое и пятое слова фразы представляютъ нѣчто цѣлое, конецъ одного касается начала другаго. Это обстоятельство имѣетъ огромную важность. Смежность двухъ состояній не происходитъ здѣсь неопредѣленнымъ образомъ и состоитъ не въ томъ, что какія нибудь двѣ точки ихъ взаимно соприкасаются, а въ томъ, что непремѣнно начальная точка настоящаго состоянія соприкасается съ конечной точкой состоянія предъидущаго. Если этотъ простой фактъ хорошо усвоить себя, то чрезъ это станетъ понятнымъ и теоретическій механизмъ локализаціи во времени, такъ какъ ясно, что подобный описанному восходящій переходъ можетъ имѣть мѣсто также отъ четвертаго слова къ третьему и такъ далѣе. Такъ какъ всякое состояніе сознанія характеризуется известной, опредѣленной продолжительностью, то это даетъ намъ возможность дѣлать восходящій осмотръ различныхъ предшествовавшихъ сознательныхъ состояній, и оцѣнять ихъ продолжительность, въ результатѣ чего и получается положеніе даннаго состоянія по отношенію къ настоящему или удаленіе его во времени. Таковъ теоретическій механизмъ локализаціи: регрессивный ходъ состояній сознанія, который, начинаясь отъ настоящаго, пробѣгаетъ вверхъ (въ прошедшее) болѣе или менѣе длинный рядъ сроковъ.

Практически, мы прибѣгаемъ, въ дѣлѣ подобной оцѣнки къ болѣе простымъ и скорымъ способамъ. Чрезвычайно рѣдко дѣлаемъ мы регрессивный обзоръ всѣхъ промежуточныхъ членовъ и довольно рѣдко разсматриваемъ большинство изъ нихъ. Наше упрощеніе состоитъ прежде всего въ томъ, что мы пользуемся известными примѣтными или опорными точками (*points de repère*). Беру для доказательства самый обыкновенный примѣръ. 30-го Ноября я ожидаю получить одну весьма нужную мнѣ книгу. Она придетъ издалека и пересылка ея требуетъ покрайней мѣрѣ 20 дней. Во время-ли сдѣланъ мною заказъ? Послѣ нѣкотораго колебанія, я вспоминаю, что мой заказъ былъ сдѣланъ наканунѣ небольшого путешествія, предпринятаго мною, какъ я

знаю это навѣрное, 9-го Ноября. Припомнивъ это, я разъяснилъ себѣ весь вопросъ. Если анализировать этотъ случай, то мы увидимъ, что главное состояніе сознанія — заказъ книги — первоначально отодвигается въ прошедшее неопредѣленнымъ образомъ. Затѣмъ оно тотчасъ же возбуждаетъ вторичныя состоянія и будучи сравниваемо съ ними, помѣщается то прежде, то послѣ ихъ. „Образъ скользитъ по линіи прошедшаго то взадъ, то впередъ и всякая фраза, произносимая нами при этомъ въ умѣ, представляетъ какъ бы размахъ коромысла въ-совѣ“¹⁾.

Послѣ болѣе или менѣе долгихъ колебаній, образъ занимаетъ наконецъ свое мѣсто: теперь онъ фиксированъ, онъ узнавъ нами.

Въ приведенномъ мною примѣрѣ воспоминаніе о путешествіи и составляетъ то, что я называю опорной точкой (*point de repère*).

Подъ этимъ названіемъ я разумѣю такое событіе или такое состояніе сознанія, положеніе котораго во времени, т. е. отношеніе къ данному моменту, намъ хорошо извѣстно и служитъ намъ для измѣренія удаленія во времени, т. е. для опредѣленія мѣста въ прошедшемъ, другихъ состояній. Эти опорныя точки сами представляютъ ничто иное, какъ состоянія сознанія, которыя, благодаря своей интенсивности, сильнѣе противостоятъ забвенію, а, благодаря своей сложности, способны вступать въ многочисленныя соотношенія съ другими состояніями и тѣмъ увеличивать шансы для своего оживленія. Онѣ не избираются нами по произволу, а представляются нашему уму сами собою. Цѣнность ихъ — чисто относительная. Онѣ — пригодны на часъ, на день, на недѣлю, на мѣсяцъ, затѣмъ, оставаясь безъ употребленія, забываются. Обыкновенно характеръ ихъ — чисто индивидуальный: иногда мы встрѣчаемъ одинаковыя опорныя точки въ воспоминаніяхъ, напримѣръ, какого нибудь семейства, или небольшого общества, даже цѣлой націи. Если я не ошибаюсь, эти точки образуютъ для каждого изъ насъ различные ряды представленій, смотря по различнымъ событіямъ, изъ которыхъ слагается наша жизнь: напр. нашимъ ежедневнымъ занятіямъ, семейнымъ происшествіямъ, профессиональнымъ занятіямъ, научнымъ изысканіямъ и т. п.; эти ряды бываютъ тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ разнообразнѣе жизнь даннаго индивидуума. Опорныя точки воспоминаній походятъ на верстовыя столбы или значки на дорогѣ, которые, начинаясь отъ одного пункта, расходятся въ разныя стороны. Особенность однако же заключается въ томъ, что ряды опорныхъ точекъ могутъ до нѣкоторой степени противопоставляться другъ другу и сравниваться между собой.

¹⁾ Тэнъ. Объ умѣ и позн., 2 томъ, книга I-ая, глав. II. § 7. Тамъ читатель найдетъ, по поводу примѣра, аналогичнаго нашему, превосходный анализъ, который освобождаетъ насъ отъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія этого вопроса.

Намъ остается показать, какимъ образомъ эти точки упрощаютъ механизмъ локализаціи. Событіе, которое служитъ подобной точкой, очень часто возстановляясь въ сознаниі, также часто сравнивается съ настоящимъ относительно своего положенія во времени, т. е. промежуточные состоянія; отдѣляющія опорную точку отъ настоящаго, безпрестанно пробуждаются съ большей или меньшей ясностью. Отсюда и происходитъ, что положеніе опорной точки мало по малу узнается нами все лучше и лучше, или по крайней мѣрѣ намъ такъ кажется (позже мы увидимъ, что всякое воспоминаніе заключаетъ въ себѣ иллюзію). Благодаря упражненію локализація точки становится непосредственной, мгновенной, автоматической. Аналогичное явленіе происходитъ, когда мы усваиваемъ себѣ какую-нибудь привычку. Промежуточные члены исчезаютъ, ибо они бесполезны: весь рядъ сводится къ двумъ предѣльнымъ срокамъ и этого совершенно достаточно, потому что положеніе этихъ сроковъ во времени намъ отлично извѣстно.

Безъ этого сокращеннаго способа, безъ исчезанія огромнаго количества промежуточныхъ членовъ локализація во времени была бы слишкомъ продолжительна, тяжела и ограничена. Благодаря же подобному способу, наоборотъ, какъ только извѣстный образъ возникаетъ въ сознаниі, онъ тотчасъ же локализуется и помѣщается между двумя главными вѣхами: настоящимъ и какой-нибудь опорной точкой въ прошломъ. Послѣ нѣсколькихъ колебаній вся операція оканчивается; зачастую она бываетъ утомительна, бесплодна и, можетъ быть, никогда не бываетъ вполне точна.

Если читатель пожелаетъ тщательно вникнуть въ свои собственные воспоминанія, то я не думаю, чтобы онъ представилъ серьезныя возраженія противъ всего сказаннаго. Онъ не преминетъ замѣтить сверхъ того, что описанный нами механизмъ очень походитъ на тотъ, помощью котораго совершается локализація въ пространствѣ. И для этой послѣдней у насъ есть также опорныя точки и сокращенные способы, а именно—извѣстныя намъ разстоянія, которыя мы употребляемъ какъ единицы мѣры.

Считаю не лишнимъ упомянуть о томъ, что локализація въ будущемъ совершается при помощи аналогичнаго механизма. Наши свѣденія о будущемъ являются не болѣе, какъ копіей съ прошедшаго. Здѣсь возможны только двѣ категоріи фактовъ: одни факты представляютъ чистое и простое воспроизведеніе того, что имѣло мѣсто гдѣ нибудь въ подобную же эпоху, при тѣхъ же обстоятельствахъ; другіе факты состоятъ въ индукціи, дедукціи и выводахъ изъ прошлаго, сдѣланныхъ путемъ логической умственной работы. Въ этихъ двухъ категоріяхъ, все—возможно, но все—неизвѣстно для насъ.

Очевидно, что первый родъ фактовъ больше всего приближается

къ памяти, такъ какъ онъ состоитъ въ простомъ воспроизведеніи того, что было въ дѣйствительности.

Нѣкто, положимъ, имѣеть привычку ежегодно проводить сентябрь мѣсяцъ въ деревнѣ. Онъ и въ глухую зиму можетъ представить себѣ свое будущее пребываніе въ ней, окрестности этой деревни и своихъ односельчанъ съ ихъ обычною жизненною обстановкою. Этотъ образъ сначала неопредѣленно колеблется въ сознаниі; онъ одинаково служитъ матеріаломъ и для воспоминанія, и для будущихъ ожиданій. Прежде всего онъ удаляется отъ настоящаго момента, скользитъ по представленіямъ о зимѣ, объ осени, о лѣтѣ и наконецъ локализируется. Послѣдовательная смѣна временъ года, праздниковъ, однѣхъ работъ другими и т. п. представленія служатъ при этомъ опорными пунктами для сознанія. Этотъ механизмъ отличается отъ механизма памяти прошедшаго лишь въ одномъ: мы переходимъ здѣсь отъ окончнаго предѣла настоящаго къ начальному предѣлу слѣдующаго состоянія, т. е. поступаемъ наоборотъ тому, что имѣеть мѣсто при воспоминаніи. Теоретически мы пробѣгаемъ при этомъ мыслью все промежуточныя состоянія, практически—опять только нѣкоторыя опорныя точки. Слѣдовательно, механизмъ остается собственно тотъ же, что и при памяти, только функционируетъ онъ въ противоположномъ смыслѣ.

Въ концѣ концовъ, оставивъ въ сторонѣ голословныя объясненія, мы убѣдимся, что „узнаваніе“ не составляетъ „способности“, но является фактомъ, и что этотъ фактъ вытекаетъ изъ суммы извѣстныхъ условій. Вліяніемъ этихъ условій опредѣляются всевозможныя оттѣнки „узнаванія“ или локализациі во времени. Рѣзче всего обрисовываются въ сознаниі опорныя точки, ниже ихъ стоятъ живыя и точныя воспоминанія, почти также быстро относимыя на свое настоящее мѣсто, еще ниже — такія воспоминанія, которыя вызываютъ уже сомнѣніе и для пробужденія которыхъ требуется замѣтный промежутокъ времени; за ними слѣдуютъ тѣ утомительныя узнаванія или припоминанія, которыя даются только при помощи различныхъ взвѣшиваній, попытокъ, уловокъ, наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа памяти не приводитъ ни къ чему и наша неувѣренность выражается фразами такого рода: „мнѣ кажется, я видалъ это лицо“—или: „съ чего же мнѣ это пришло въ голову?“ Еще одинъ шагъ и локализациа равняется нулю: образъ, лишенный всѣхъ своихъ опорныхъ точекъ, остается совершенно неузнаваемымъ. Существуетъ масса примѣровъ подобнаго рода и они встрѣчаются зачастую тамъ, гдѣ ихъ можно было ожидать, повидимому, всего менѣе. Благодаря вліянію болѣзни или старости, знаменитые люди не узнавали своихъ собственныхъ твореній. Подъ конецъ своей жизни, Линней съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ свои собственныя произведенія и, увлекаясь этимъ чтеніемъ, въ забывчивости восклицалъ: „какъ это хорошо написано! какъ бы

миѣ хотѣлось быть авторомъ подобныхъ сочиненій!“ Аналогичный случай разсказываютъ про Ньютона относительно открытаго имъ дифференціального исчисленія. И Вальтеръ Скоттъ въ старости страдалъ такою же забывчивостью. Однажды ему прочли вслухъ поэму, которая ему очень понравилась; онъ спросилъ имя автора, оказалось, что это была пѣсня изъ его „Пирата“. Боллантайнъ, служившій у него секретаремъ и написавшій его біографію, сообщаетъ съ мелочными подробностями, какимъ образомъ романъ Айвенго былъ большею частію продиктованъ Вальтеръ Скоттомъ въ теченіи острой болѣзни. Книга была окончена и напечатана раньше, чѣмъ авторъ поправился и всталъ съ постели. Онъ не сохранилъ о своемъ сочиненіи ни малѣйшаго воспоминанія, за исключеніемъ основной идеи романа, которая была задумана еще до болѣзни.

Иногда, какъ это было въ одномъ случаѣ, цитируемомъ Форбесомъ Винсловомъ, образъ не узнается и не локализуется, потому что находится близъ рубежа сознанія, но не вырисовывается на этомъ рубежѣ: для этого недостаетъ, повидимому, самой ничтожной опоры. „Поэтъ Роджерсъ, 90 лѣтъ отъ роду, прогуливался въ коляскѣ съ одной дамой. Та спросила его объ одной его знакомой, которую онъ никакъ не могъ вспомнить. Онъ приказалъ остановить лошадей и обратился къ лакею: развѣ я знаю госпожу М.? Отвѣтъ получился утвердительный. Это была тяжелая минута для насъ обоихъ, разсказывала потомъ дама. Тогда Роджерсъ взялъ мою руку и сказалъ: „не беспокойтесь, мой другъ, я еще не дошелъ до того, чтобы остановить карету и спросить: знаю ли я васъ ¹⁾“.

Гораздо болѣе поучительный случай сообщаетъ Маколей въ одномъ изъ своихъ опытовъ, посвященныхъ жизнеописанію Уичерлея. Его память, говоритъ онъ, была на склонѣ его жизни въ одно и тоже время и поразительно сильна, и поразительно слаба. Если вечеромъ ему что нибудь читали вслухъ, то поутру онъ просыпался съ головою, полной мыслей и выраженій, слышанныхъ имъ наканунѣ, онъ садился и записывалъ ихъ, ни мало не подозрѣвая, что это — чужія мысли. Здѣсь механизмъ памяти ясно раздвояется; патологія анализируетъ намъ это измѣненіе механизма. Разсматривая же данный случай на основаніи всего вышеизложеннаго нами, мы должны понимать его такъ: измѣненіе, запечатлѣвающееся на мозговыхъ клѣткахъ, здѣсь продолжаетъ существовать; динамическія ассоціаціи нервныхъ элементовъ остаются стойкими; состояніе сознанія, связанное съ каждою изъ этихъ

1) Lausock, A chapter on some organic laws of personal and ancestral memory, стр. 19; Carpenter, Mental Physiology, 444; Ballantyne, Life of Walter Scott, rs. XL IV; Spring, Symptomatologie, t. II, стр. 530; Forbes Winslow, l. c. стр. 247.

ассоціацій, пробуждается; эти состоянія сознанія, въ свою очередь, ассоціируются снова между собой и возстановляются въ видѣ рядовъ (фразъ или строфъ). Вслѣдъ же за этимъ умственная операція быстро прерывается. Эти ряды не пробуждаютъ никакого вторичнаго состоянія; они остаются изолированными, безъ всякихъ отношеній, которыя соединяли бы ихъ съ настоящимъ или удаляли отъ него, безъ всего того, что могло бы помѣстить ихъ во времени. Они кажутся новыми образами, потому что никакое сопутствующее состояніе не кладетъ на нихъ печати прошедшаго. Локалізація во времени — далеко не простой, первичный мгновенный актъ, она очень часто требуетъ промежутка времени, замѣтнаго даже для сознанія субъекта. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она, повидимому, совершается мгновенно, быстрота ея является только слѣдствіемъ привычки. Также точно глазъ судитъ о разстояніи предметовъ, и весьма вѣроятно, что для тѣхъ или другихъ проявленій памяти, также какъ и для приспособленій глаза, въ началѣ никакая локалізація не бываетъ мгновенною¹⁾.

И такъ, въ самой высшей формѣ памяти мы могли найти только одну новую операцію, это — локалізацію во времени. Чтобы покончить съ этимъ, намъ остается еще показать относительно иллюзорный характеръ этой операціи.

Въ настоящее время я весьма живо припоминаю себѣ посѣщеніе, сдѣланное мною годъ тому назадъ, одного стариннаго замка въ Богеміи. Осмотръ замка продолжался два часа. Я и теперь легко возстановляю въ моемъ воображеніи всѣ подробности этого посѣщенія: какъ я вошелъ черезъ громадныя ворота, прошелъ по нѣсколькимъ внутреннимъ дворамъ, галереямъ, заламъ, часовнямъ; предо мною снова живо рисуются фрески на стѣнахъ и все остальное оригинальное убранство комнатъ; я довольно хорошо мысленно ориентируюсь въ закоулкахъ этого стараго замка вплоть до моего выхода изъ него; но я рѣшительно не въ состояніи представить себѣ, что это посѣщеніе было также продолжительно, какъ тѣ часы, которые только что истекли передъ моимъ воспоминаніемъ о немъ. Оно мнѣ представляется гораздо болѣе короткимъ и разница эта выступаетъ еще болѣе рѣзко, если только что истекшіе два часа были употреблены на какое нибудь по-

1) Замѣтимъ еще одно обстоятельство, имѣющее мѣсто для событій часто повторяющихся. Мнѣ пришлось добрую сотню разъ путешествовать изъ Парижа въ Брестъ. Всѣ полученныя мною при этомъ представленія перепутались другъ съ другомъ, образовали какую-то неясную массу или, лучше сказать, — одно общее смутное состояніе сознанія. Изъ этихъ поѣздокъ предо мною являются воспоминаніями только тѣ, которыя были связаны съ какими нибудь важными событіями, счастливыми или несчастными: только ими одними и пробуждаются вторичныя состоянія сознанія, позволяющія локализовать ихъ во времени, узнать ихъ. Читатели замѣтятъ, что объясненіе, предложенное нами для механизма „локалізаціи“, вполне согласно съ объясненіемъ, даннымъ въ сочиненіи Тэна «объ умѣ и познаніи», 2 часть, книга I, глава II § 6.

добное же посвященіе или проведены въ пріятномъ обществѣ. Если мы въ такихъ случаяхъ и считаемъ оба періода времени равными, то опираемся при этомъ вовсе не на внутреннее свидѣтельство нашего сознанія, а на внѣшнее свидѣтельство мѣры времени — часовъ.

Всякое воспоминаніе, какъ бы отчетливо оно ни было, является въ нашемъ сознаніи гораздо короче, чѣмъ дѣйствительность. Этотъ фактъ—неоспоримъ и встрѣчается на каждомъ шагѣ. Научныя изслѣдованія случаевъ отличающихся наибольшей простотой, гдѣ вѣроятность ошибки—весьма мала, подтверждаютъ этотъ законъ. Фирордтъ показалъ, что если мы желаемъ представить себѣ доли секунды, то наше представленіе о продолжительности ихъ всегда будетъ слишкомъ велико; совершенно обратное происходитъ, если дѣло идетъ о нѣсколькихъ минутахъ или нѣсколькихъ часахъ. Для того, чтобы изучить оцѣнку продолжительности этихъ маленькихъ интерваловъ, онъ заставлялъ наблюдать въ теченіи извѣстнаго времени за ударами метронома и затѣмъ наблюдатель долженъ былъ самъ воспроизвести эти удары съ такой же скоростью, какъ онъ ихъ слышалъ. Всегда подражаемые интервалы оказывались слишкомъ длинными, если въ дѣйствительности передъ тѣмъ были слишкомъ коротки, и наоборотъ — слишкомъ короткими, если въ дѣйствительности были довольно длинны ¹⁾. При болѣе сложныхъ состояніяхъ сознанія ошибка увеличивается еще больше. Всего страннѣе то, что укороченіе воспоминанія не слѣдуетъ, повидимому, никакому уловимому закону. Нельзя, напр., сказать, что оно — пропорціонально удаленію событія во времени. Если я представляю себѣ мои послѣдніе 10 лѣтъ въ видѣ линіи величиною въ метръ, то послѣдній годъ займетъ пространство въ 3 или 4 дециметра, пятый—богатый событіями— займетъ 2 дециметра, а все остальные 8 лѣтъ уложатся на 5—6 дециметрахъ.

Въ исторіи повторяется таже иллюзія. Извѣстные вѣка тянутся, повидимому, дольше, чѣмъ другіе, и, если я не ошибаюсь, періодъ, лежащій между нашими днями и взятіемъ Константинополя, представляется намъ болѣе длиннымъ, чѣмъ тотъ, который отдѣляетъ взятіе Константинополя отъ первыхъ крестовыхъ походовъ, хотя хронологически оба періода—почти одинаковы. Это зависитъ, вѣроятно, отъ того, что первый періодъ извѣстенъ намъ лучше, и что мы примѣшиваемъ къ нему наши личныя воспоминанія.

По мѣрѣ того, какъ настоящее превращается въ прошедшее, состоянія сознанія, соотвѣтствовавшія этому настоящему, исчезаютъ и

¹⁾ Vierordt, Der Zeitsinn nach Versuchen, 36—111. Аналогичные опыты Н. Вебера съ зрительными воспріятіями: Tastsinn und Gemeingefühl, 87. См. также Handbuch der Physiologie, hrsgb. v. Hermann, 1879, т. II, 2-ая ч., стр. 282.

изглаживаются: черезъ нѣсколько дней отъ многихъ изъ нихъ не остается или ровно, или почти ничего; большая часть ихъ меркнетъ въ забвеніи, откуда они уже не выходятъ болѣе и куда они уносятъ съ собой и представленіе о присущей имъ продолжительности; такъ что утрата состояній сознанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ утрата представленія о времени. Если бы для возстановленія отдаленнаго воспоминанія намъ необходимо было всякій разъ мысленно проходить цѣлый рядъ промежуточныхъ сроковъ (состояній), отдѣляющихъ наше настоящее отъ этого воспоминанія, то память была бы невозможна по причинѣ длинноты подобной операціи ¹⁾.

И такъ, мы пришли къ тому парадоксальному результату, что одно изъ условій памяти состоитъ въ забвеніи. Безъ полнаго забвенія огромной массы различныхъ состояній сознанія, безъ мгновеннаго забвенія большаго числа ихъ, мы не могли бы ни о чемъ вспоминать. Забвеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, не представляетъ, слѣдовательно, расстройства памяти, но составляетъ одно изъ условій ея существованія и цѣлости. Здѣсь мы наталкиваемся на поразительную аналогію между двумя важнѣйшими жизненными процессами. Жить значитъ пріобрѣтать и расходовать; жизнь организма настолько же обуславливается дезассимиляціей, т. е. удаленіемъ негодныхъ продуктовъ изъ тканей, сколько и усвоеніемъ послѣдними новыхъ веществъ. Забвеніе, это — своего рода процессъ дезассимиляціи.

Второй результатъ (приводящій насъ снова къ сравненію съ зрительными функціями) состоитъ въ томъ, что познаніе прошедшаго напоминаетъ собою картину съ отдаленной перспективой, въ одно и тоже время и обманчивую, и точную; самая точность такой картины зависитъ именно отъ иллюзіи. Если бы мы могли сравнить наше реальное прошедшее въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было въ дѣйствительности, съ субъективнымъ представленіемъ, которое создается объ этомъ прошедшемъ нашей памятью, мы бы убѣдились, что эта копія состоитъ въ особой системѣ проэкціи (т. е. въ мысленномъ вынесеніи образовъ, прошедшаго наружу. Ред.): всякій изъ насъ легко ориентируется въ подобной системѣ, потому что самъ ее создаетъ.

---

¹⁾ Аберсромбіе, Essay on intellectual powers, стр. 101, представилъ тому слѣдующее доказательство: д-ръ Лейденъ имѣлъ замѣчательную способность къ изученію языковъ, онъ могъ напр. повторить почти слово въ слово длинный парламентскій актъ или какой нибудь подобный документъ, который былъ имъ прочитанъ всего только одинъ разъ. Одинъ пріятель поздравилъ его съ этимъ замѣчательнымъ даромъ, но Лейденъ отвѣтилъ, что этотъ даръ не составляетъ преимущества, а скорѣе тягостенъ для него. При этомъ онъ объяснилъ, что если ему хотѣлось иногда вспомнить какой-нибудь отрывокъ изъ прочитаннаго, онъ могъ это сдѣлать, только повторяя въ умѣ подъ рядъ всю статью съ самаго начала до воспоминаемаго мѣста.

IV.

Мы обозрѣли процессъ памяти, начиная съ низшихъ ея проявленій и кончая самою высокою ея ступенью; теперь намъ надобно будетъ слѣдовать обратному порядку и постепенно спуститься опять къ нашей точкѣ отправления. Возвратъ этотъ необходимъ, чтобъ доказать еще разъ, что память состоитъ въ различныхъ степеняхъ процесса организациі, заключенныхъ между двумя крайними предѣлами: 1) состояніемъ новымъ и 2) органическимъ прочнымъ усвоеніемъ прежнихъ состояній (органическимъ запечатлѣніемъ, enregistrement organique).

Нѣтъ ни одной формы умственной дѣятельности, которая бы болѣе ясно свидѣтельствовала въ пользу теоріи постепеннаго развитія. Единственно только съ этой точки зрѣнія дѣлаются для насъ понятными какъ природа памяти, такъ и то обстоятельство, что изученіе послѣдней не можетъ ограничиваться только ея физиологіей; изученіе это должно касаться еще болѣе морфологіи памяти, т. е. исторіи постепенныхъ преобразованій (трансформаций) этого процесса.

Вернемся же къ нашему вопросу съ того пункта, на которомъ мы остановились. Положимъ, что какое нибудь новое приобрѣтеніе нашего ума припоминается нами одинъ или два раза. Воспоминанія эти суть самые непрочные элементы памяти, до такой степени непрочные, что многіе изъ нихъ исчезаютъ вскорѣ навсегда: такова, напр., большая часть фактовъ, представляющихся намъ ежедневно и ежечасно. Какъ бы ясны и интенсивны ни были эти воспоминанія, организациія ихъ крайне слаба. Но съ каждымъ новымъ, произвольнымъ или непроизвольнымъ возвращеніемъ ихъ, они все болѣе и болѣе выигрываютъ въ своей прочности: стремленіе къ организациі дѣлается болѣе рѣзкимъ.

Ниже этой группы воспоминаній, вполнѣ сознательныхъ и вовсе неорганизованныхъ, стоитъ группа воспоминаній сознательныхъ и полуорганизованныхъ, напр. представленія, относящіяся къ языку, который мы еще только изучаемъ, или къ научной теоріи какой нибудь или ремеслу, которыми мы владѣемъ пока только въ половину. Здѣсь крайне индивидуальный характеръ первой группы изглаживается; воспоминаніе дѣлается все болѣе и болѣе безличнымъ; оно объективируется. Локализациія во времени исчезаетъ, потому что она—безполезна. Правда, нѣкоторыя изолированныя состоянія сознанія еще и здѣсь сопровождаются личными впечатлѣніями, которыми и локализируются. Я вспоминаю, напр., что заучилъ такое-то нѣмецкое или англійское слово въ такомъ-то городѣ, при такомъ-то обстоятельстве. Это — какбы условіе оживленій, ярлыкъ того прежняго состоянія, своеобразная печать на немъ. Мало по малу однако же ярлыкъ стирается и дан-

ное состояніе принимаетъ заурядный и безличный характеръ всѣхъ другихъ состояній.

Но вотъ знакомство мое съ наукой, съ языкомъ или какимъ нибудь искусствомъ крѣпнеть все больше и больше. Постепенно оно отодвигается изъ психической сферы и приближается къ памяти органической.

Такова, напр., для взрослого—память роднаго языка.

Ступеню ниже мы встрѣчаемъ память вполне организованную и почти бессознательную, примѣры: память музыкальной игры у талантливаго артиста, память ремесла у опытнаго работника, память танцевальныхъ пріемовъ у балерины. И однако же все это было когда-то обыкновенною памятью въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. памятью вполне сознательной.

Можно спуститься еще ниже. Работа каждаго изъ нашихъ вѣшнихъ чувствъ (видѣніе, ощущеніе, хожденіе и проч.) предполагаетъ память вполне организованную. Она такъ воплощается въ насъ, что большинство изъ насъ никогда и не подозреваетъ, въ какой мѣрѣ въ сущности все это пріобрѣтено нами, а не врождено намъ. То же самое относится къ множеству нашихъ обиходныхъ сужденій. „Никто не говоритъ, что онъ припоминаетъ себѣ, что у разсматриваемаго предмета есть и противоположная сторона, или что такое-то измѣненіе зрительнаго впечатлѣнія внушаетъ идею объ извѣстномъ разстояніи, или что движеніе ногъ заставляеть насъ подвигаться впередъ, или что предметъ, который двигается передъ нашими глазами есть живое существо. Можно было бы считать бесполезной тратой словъ вопросы, обращенные къ другому человѣку: припоминаетъ-ли онъ себѣ, что солнце свѣтитъ, что огонь горитъ, что желѣзо—твердо, что ледъ—холоденъ?“¹⁾ И однако же, повторяемъ, все это въ первыхъ проявленіяхъ сознанія было памятью въ тѣсномъ смыслѣ.

Нѣтъ нужды прибавлять, что все вышесказанное представляетъ совершенно идеальный очеркъ, одну только схему. Было бы вдвойнѣ ошибочно стремиться расчленивъ на ясныя отдѣлы постепенность развитія, которая совершается нечувствительными переходами и сверхъ того различается у каждаго индивидуума.

Можемъ-ли мы идти въ нашемъ вопросѣ дальше? Да, можемъ. Ниже рефлексовъ сложныхъ, представляющихъ органическую память въ формѣ самыхъ непосредственныхъ ея проявленій, стоятъ рефлексы простые. Можно думать, что эти рефлексы, вытекающіе изъ прирожденнаго анатомическаго расположенія, нѣкогда сами были пріобрѣтенными и укоренились вслѣдствіе безчисленныхъ упражненій (повтореній)

¹⁾ Гербертъ Спенсеръ, Основы психологіи, т. I, ч. 4, гл. VI. Главу эту очень полезно прочитать для уясненія себѣ вопроса о памяти, разсматриваемой съ точки зрѣнія постепеннаго развитія (эволюціи).

при постепенномъ развитіи видовъ. Такимъ образомъ мы сдѣлали бы переходъ отъ индивидуальной памяти къ наследственности, которая есть память специфическая. Но на эту гипотезу достаточно указать мимоходомъ.

И такъ, мы видимъ, что невозможно опредѣлить въ точности, гдѣ кончается память, психическая или органическая—все равно. Въ томъ, что мы обозначаемъ собирательнымъ именемъ памяти, существуютъ ряды состояній, имѣющихъ всѣ степени организаціи, начиная съ состоянія зарождающагося (*status nascens*) и кончая состояніемъ совершеннымъ. Существуетъ безпрестанный переходъ отъ неустойчиваго къ прочному, отъ сознательнаго состоянія, приобрѣтенія шаткаго, къ органическому состоянію, приобрѣтенію укоренившемуся. Благодаря этому безостановочному движенію къ организаціи, устанавливается извѣстное упрощеніе, порядокъ въ матеріалахъ, дѣлающій возможными болѣе высокія проявленія мышленія. Память, предоставленная самой себѣ, не имѣющая никакого внѣшняго противовѣса, должна была бы повести къ постепенному исчезновенію сознанія, она сдѣлала бы человѣка автоматомъ.

Предположимъ неосуществимое на дѣлѣ, и именно, что взрослый человѣкъ очутился въ такихъ условіяхъ, гдѣ никакія новыя состоянія сознанія—новыя воспріятія, идеи, образы, чувствованія, желанія—не могутъ у него проявляться. Дѣло кончилось бы тѣмъ, что прежніе ряды сознательныхъ состояній, присущихъ каждой формѣ психической дѣятельности, съ теченіемъ времени такъ глубоко организовались бы у этого человѣка, что онъ превратился бы въ едва сознающаго автомата.—Гипотеза эта осуществляется впрочемъ до нѣкоторой степени на людяхъ умственно ограниченныхъ и рутинерахъ. Замкнувшись въ свой узкій кругъ идей и дѣйствій, изъ котораго они удаляютъ, по возможности, все новое и непредвидимое, люди эти стремятся къ состоянію полной умственной неподвижности; они дѣлаются „машинами во всемъ“; для большей части ихъ жизни сознаніе является какбы ненужной роскошью.

Разсмотрѣвъ занимающій насъ предметъ со всѣхъ сторонъ, мы опять приходимъ къ нашему начальному предложенію: сознательная память есть только частный случай біологической памяти. При помощи другаго ряда соображеній мы можемъ еще разъ показать, что память связана съ основными условіями жизни.

Всѣ формы памяти, отъ самой высокой до низшей, поддерживаются динамическими ассоціаціями между нервными элементами и особенными измѣненіями этихъ элементовъ, по крайней мѣрѣ—нервныхъ клѣтокъ. Эти измѣненія сохраняются не въ инертной матеріи и не походятъ на отпечатокъ, наложенный на воскъ. Происходятъ они въ матеріи живой. Извѣстно, что всѣ живыя ткани претерпѣваютъ непрерывное молекулярное обновленіе и между ними нервная ткань —

болѣе, чѣмъ всякая другая, а въ нервной ткани, въ свою очередь, сѣрое вещество—болѣе, чѣмъ бѣлое, какъ это доказывается и чрезвычайнымъ обиліемъ кровеносныхъ сосудовъ въ первомъ. Такъ какъ упомянутыя измѣненія элементовъ сохраняются постоянно, то необходимо допустить, что приносъ новыхъ матеріаловъ и размѣщеніе новыхъ молекулъ воспроизводятъ въ точности типъ предшествовавшаго распредѣленія ихъ. Память, стало быть, зависитъ непосредственно отъ питанія.

Но вѣдь клѣточки обладаютъ не однимъ только свойствомъ усвоенія питательныхъ веществъ. Онѣ одарены, по крайней мѣрѣ въ теченіи нѣкоторой части ихъ жизни, способностью размноженія (воспроизведенія себѣ подобныхъ) и мы увидимъ позже, какимъ образомъ этотъ фактъ объясняетъ намъ нѣкоторые случаи возстановленія памяти. По мнѣнію всѣхъ физиологовъ, размноженіе это — также ничто иное, какъ одинъ изъ видовъ процесса питанія. Слѣдовательно, питаніе, т. е. процессъ жизненный по преимуществу, служитъ главною основою памяти.

Пока отлагаю этотъ вопросъ въ сторону. Когда мы будемъ говорить о разстройствахъ памяти, о случаяхъ ея возбужденія и угнетенія, мгновенныхъ отсутствій ея, внезапныхъ исчезаній и такихъ же возвратовъ и о постепенномъ ослабленіи ея, тогда мы можемъ съ большею пользою вернуться къ этому вопросу; тогда капитальная роль процесса питанія въ дѣлѣ памяти откроется сама собою.

До сихъ поръ мы ограничивались вступительными замѣчаніями о нашемъ предметѣ: мы разсматривали память въ здоровомъ ея состояніи. Время—приступить къ изученію ея и въ состояніи болѣзненномъ. Патологія памяти дополняетъ ея физиологію; посмотримъ, подтверждаетъ-ли она эту послѣднюю.

Глава вторая.

ОБЩИЯ АМНЕЗИИ.

Матеріаль для изученія болѣзней памяти—весьма обилень. Онъ—разсѣянъ въ медицинскихъ книгахъ, въ сочиненіяхъ о душевныхъ болѣзняхъ и въ работахъ различныхъ психологовъ. Конечно, не представляется особыхъ затрудненій—собрать этотъ матеріаль, слѣдовательно, мы всегда можемъ имѣть подъ руками достаточный запасъ наблюденій. Но за то—весьма трудно классифицировать эти наблюденія, трудно дать имъ надлежащее толкованіе и сдѣлать изъ нихъ правильныя заключенія относительно механизма памяти. Въ этомъ отношеніи собраныя факты обладаютъ далеко не одинаковою цѣнностью; наиболѣе необычайныя изъ нихъ не всегда оказываются самыми поучительными, а наиболѣе курьезныя страдаютъ нерѣдко недостаточной ясностью. Врачи, которымъ мы обязаны сообщеніемъ этихъ фактовъ, большею частію описывали и изучали ихъ съ исключительно медицинской точки зрѣнія. Для нихъ всякое разстройство памяти—не болѣе, какъ симптомъ, которымъ они, при случаѣ, пользуются для распознаванія и предсказанія. Тоже можно сказать и относительно классификаціи этихъ фактовъ: врачи ограничиваются тѣмъ, что каждый случай амнезии приводятъ въ связь съ тѣмъ болѣзненнымъ состояніемъ, отъ котораго зависитъ это явленіе, напр. съ размягченіемъ, кровоизліяніемъ и сотрясеніемъ мозга, отравленіемъ и т. п.

Напротивъ, для насъ болѣзни памяти сами по себѣ представляютъ предметъ изученія, какъ психическія болѣзненныя явленія, которыя могутъ во многомъ выяснить здоровое состояніе ея. Что касается классификаціи этихъ болѣзней, то мы поставлены въ необходимость пользоваться, въ этомъ отношеніи, единственно—вышними сходствами и различіями.

Наши свѣдѣнія—еще слишкомъ ничтожны для того, чтобы попытаться сдѣлать естественную классификацію, т. е. основанную на причинныхъ моментахъ. Поэтому, во избѣжаніе недоразумѣній, я напередъ заявляю, что классификація, которую я привожу ниже, сдѣлана

только съ цѣлю—внести нѣкоторый порядокъ въ массу темныхъ и разнородныхъ фактовъ слѣдовательно, она, во многихъ отношеніяхъ,— совершенно произвольна.

Разстройства памяти могутъ ограничиваться одною какою нибудь категоріей воспоминаній, оставляя нетронутыми, по крайней мѣрѣ — повидимому, всѣ остальные воспоминанія: это такъ называемыя частныя разстройства. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, память поражается во всѣхъ ея проявленіяхъ; такія разстройства какбы разсѣкаютъ на двѣ или на нѣсколько частей всю нашу умственную жизнь, образуютъ въ ней пробѣлы или же медленнымъ путемъ вполнѣ разрушаютъ ее: это будутъ общія разстройства памяти.

Слѣдовательно, мы прежде всего различаемъ два большіе класса: общія и частныя болѣзни памяти. Въ этой главѣ мы займемся лишь первымъ и будемъ изучать ихъ подъ слѣдующими рубриками: 1) временныя амнезіи; 2) періодическія амнезіи; 3) прогрессирующія амнезіи, наименѣ курьезныя, но наиболѣе поучительныя; 4) въ заключеніе мы скажемъ нѣсколько словъ о врожденной амнезіи.

I.

Временныя амнезіи чаще всего начинаются внезапно и точно также неожиданно и кончаются. Онѣ продолжаются различное время—отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ лѣтъ. Самые кратковременные, чистые, обыкновенные случаи такихъ амнезій наблюдаются при эпилепсіи.

Врачи не сходятся во мнѣніяхъ относительно природы, локализаціи и причинъ этой болѣзни. Но разъясненіе этихъ противорѣчій не входитъ въ нашу задачу. Для насъ достаточно знать, что всѣ авторы единогласно признаютъ слѣдующія три формы эпилепсіи: судорожную (*grand mal*), обморочную (*petit mal*) и эпилептическое головокруженіе (*vertige*);—что они считаютъ эти формы не столько разновидностями, сколько различными степенями одного и того же болѣзненного состоянія и, наконецъ,—что приступы этой болѣзни тѣмъ пагубнѣе отражаются на умственныхъ способностяхъ больного, чѣмъ слабѣе бывають выражены ея внѣшнія проявленія. Приступы эпилепсіи сопровождаются умственнымъ разстройствомъ, которое можетъ выражаться какъ простыми странностями и безвредными нелѣпыми дѣйствіями, такъ и преступленіями. Подобныя дѣйствія носятъ на себѣ общій характеръ, который Хайлингсъ Джэксонъ (*Hughlings Jackson*) называетъ умственнымъ автоматизмомъ. Они не оставляютъ по себѣ ни малѣйшаго воспоминанія. Лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ остаются въ высшей степени слабыя слѣды памяти.

Приступъ эпилептического головокруженія поразилъ одного боль-

наго во время консультаціи съ медикомъ. Больной скоро оправился, но забылъ, что только что передъ пароксизмомъ уже вручилъ своему врачу его гонораръ ¹⁾.—Чиновникъ приходитъ въ себя за своей конторкой; мысли его нѣсколько спутаны, но онъ не чувствуетъ никакого нездоровья. Онъ припоминаетъ, что заказалъ въ ресторанѣ обѣдъ, но что было затѣмъ—этого вспомнить рѣшительно не въ состояніи. Онъ возвращается въ ресторанъ и тамъ узнаетъ, что обѣдалъ, что расплатился за обѣдъ, что на больного вовсе не походилъ и что, пообедавши, вышелъ по направленію къ своей конторѣ. Это забвеніе длилось около трехъ четвертей часа.

Другой эпилептикъ упалъ въ приступѣ своей болѣзни въ лавочкѣ, затѣмъ вскочилъ и убѣжалъ, оставивъ шляпу и свою записную книжку. Меня нашли, рассказываетъ онъ, въ разстояніи полу-километра отъ мѣста припадка; я забѣгалъ во все лавочки, отыскивая свою шляпу, но рѣшительно не сознавалъ, что дѣлалъ, и пришелъ въ себя лишь черезъ 10 минутъ на вокзалѣ желѣзной дороги.—Труссо сообщаетъ объ одномъ сановникѣ, который, находясь, какъ членъ одного ученаго общества, на засѣданіи въ Парижской Ратушѣ, вдругъ всталъ, вышелъ безъ шляпы на улицу, дошелъ до набережной, затѣмъ вернулся, сѣлъ на свое мѣсто и принималъ участіе въ преніяхъ, совершенно не помня о своемъ выходѣ изъ залы.

Нерѣдко въ періодѣ автоматизма больной продолжаетъ тѣ самыя дѣйствія, которыя началъ въ моментъ припадка, или говоритъ о только что прочитанномъ. Въ предъидущей главѣ мы привели нѣсколько подобныхъ примѣровъ.—Весьма часто въ этомъ состояніи совершаются безуспѣшныя попытки самоубійства, отъ которыхъ, по окончаніи эпилептического головокруженія, не остается ни малѣйшаго воспоминанія. Тоже самое касается и преступленій, совершаемыхъ эпилептиками.

Одинъ башмачникъ, въ день своей свадьбы, въ приступѣ эпилептической маніи убилъ сапожнымъ ножомъ своего тестя. Черезъ нѣсколько дней больной пришелъ въ себя; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о совершенномъ имъ преступленіи ²⁾.

Этихъ примѣровъ достаточно и они—нагляднѣе, чѣмъ общія описанія, для составленія яснаго понятія объ эпилептической амнези. Извѣстный періодъ умственной дѣятельности какбы не существуетъ для сознанія; эпилептикъ узнаетъ о немъ, только благодаря свидѣтельству другихъ лицъ или собственнымъ смутнымъ догадкамъ. Таковъ—фактъ,

---

¹⁾ Приведенные ниже факты заимствованы по большей части изъ мемуара Хайлингса Джексона опубликованнаго въ West Riding Asylum Reports (переводъ на франц. въ *Revue scientifique*, 19 févr. 1876) и изъ работы Фальра о душевномъ состояніи эпилептиковъ (въ *Archives de médecine*, decembre 1860, avril et octobre 1861).

²⁾ Ср. Morel. *Traité des maladies mentales*, p. 695.

что же касается до его психологическаго объясненія, то на этотъ счетъ возможны двѣ гипотезы.

Можно предполагать, или что въ періодѣ умственнаго автоматизма сознание совершенно отсутствуетъ; въ этомъ случаѣ амнезію нечего и объяснять: если ничего не было произведено, то нечему и сохраняться, и воспроизводиться;—или же сознание существуетъ, но въ такой слабой степени, что за нимъ слѣдуетъ амнезія. Я думаю, что для огромнаго большинства случаевъ справедлива вторая гипотеза.

Прежде всего, разсуждая чисто теоретически, трудно допустить, чтобы весьма сложныя дѣйствія, направленные къ различнымъ цѣлямъ, могли совершаться безъ всякаго сознанія, хотя бы перемежающагося. Какое бы широкое значеніе мы ни придавали вліянію привычки, необходимо признать, что если сознание можетъ исчезать во время однообразныхъ дѣйствій, то при разнообразіи ихъ оно должно работать.

Но эти разсужденія не выходятъ изъ предѣловъ вѣроятностей; рѣшить дѣло можетъ только опытъ. И дѣйствительно, существуютъ факты, которые доказываютъ присутствіе нѣкотораго сознанія даже въ тѣхъ весьма многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ больной не сохраняетъ ни малѣйшаго воспоминанія о своемъ припадкѣ.

„Нѣкоторые эпилептики во время приступа отвѣчаютъ коротко и съ крикомъ на вопросы, обращенные къ нимъ въ отрывистомъ и повелительномъ тонѣ. По окончаніи приступа они не помнятъ ни того, о чемъ ихъ спрашивали, ни того, что они отвѣчали. — Одному ребенку во время припадковъ, давали нюхать эфиръ или амміакъ, запахъ которыхъ былъ ему противенъ. Малютка обыкновенно кричалъ съ гнѣвомъ: „уйди, уйди, уйди!“, а потомъ вовсе ничего не зналъ о своихъ припадкахъ.“

„Иногда эпилептикамъ удается съ большимъ усиленіемъ припомнить нѣкоторые изъ фактовъ, случившихся во время приступа и преимущественно въ послѣдніе его моменты. Тогда состояніе подобныхъ больныхъ—чрезвычайно похоже на пробужденіе отъ тяжелаго сна. Сперва они не могутъ припомнить главныхъ обстоятельствъ припадка, отвергаютъ тѣ факты, которые имъ приписываютъ, потомъ мало по малу вспоминаютъ нѣкоторыя изъ подробностей, которыя, казалось, совершенно забыли“ ¹⁾.

Если здѣсь обстоятельства доказываютъ присутствіе сознанія, то можно думать, что тоже бываетъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Я не хочу однако же утверждать, что такъ бываетъ всегда. Сановникъ, о которомъ мы говорили выше, довольно хорошо ориентировался на улицѣ, избѣгая препятствій, экипажей и прохожихъ, что указываетъ на из-

¹⁾ Труссо, *Léçons cliniques*, t. II, p. 114. Фальрэ, loc. cit.

вѣстную степень сознательности; но въ аналогичномъ случаѣ, сообщаемомъ Хайлингомъ-Джексономъ больной однажды попалъ было подъ омнибусъ, а въ другой разъ едва не упалъ въ Темзу.

Чѣмъ же можно объяснить амнезію въ случаяхъ, гдѣ сознание было сохранено? Единственно, крайней слабостью состояній сознания. Всякое состояніе сознания окончательно укореняется, только благодаря, во 1-хъ, своей напряженности (силѣ), а, во 2-хъ, повторенію; въ сущности творое обстоятельство сводится къ первому, такъ какъ повтореніе есть ни что иное, какъ суммирование небольшихъ силъ. Въ данномъ случаѣ нѣтъ ни того, ни другаго изъ этихъ факторовъ. Умственное разстройство, слѣдующее за припадкомъ, по моему мнѣнію, весьма хорошо опредѣлено Джексономъ, который называетъ это состояніе „эпилептической грезой“. Одинъ изъ его больныхъ, молодой человѣкъ девятнадцати лѣтъ отъ роду, котораго нельзя было подозрѣвать въ стремленіи къ догматизированію подобнаго вопроса, самъ случайно употребилъ тоже самое выраженіе. „Послѣ приступа, онъ легъ въ постель и немедленно заговорилъ съ воображаемымъ другомъ: Подожди минуточку, Вилльямъ, я иду. Онъ всталъ, спустился съ лѣстницы, отперъ двери и вышелъ на улицу, въ одной рубашкѣ. Холодъ заставилъ его очнуться; тогда остановилъ его отецъ. А, такъ, стало быть, это была греза, сказалъ больной и снова отправился въ постель“.

Сравнимъ же сонную грезу съ умственнымъ состояніемъ эпилептиковъ, чтобъ идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Сновидѣнія, воспоминаніе о которыхъ исчезаетъ тотчасъ же, встрѣчаются необыкновенно часто. Проснувшись среди ночи, мы обыкновенно помнимъ прерванную грезу очень ясно, а по утру отъ нея не остается ни малѣйшаго слѣда. Еще поразительнѣе это бываетъ въ моментъ утренняго пробужденія. Тогда наши сны представляются намъ необыкновенно живо, а спустя часъ, воспоминаніе о нихъ изглаживается. Кому не случалось тщетно ломать голову въ усиліяхъ вспомнить сновидѣніе предшествовавшей ночи, о которомъ сохранилось въ памяти только то, что оно дѣйствительно было?

Это объясняется очень просто. Состоянія сознания, составляющія сонную грезу,—чрезвычайно слабы. Если они и представляются сильными, то не потому, что это—дѣйствительно такъ, а потому что въ данный моментъ кромѣ нихъ нѣтъ никакого другаго, болѣе сильнаго сознательнаго состоянія, которое бы могло оттѣснить ихъ на второй планъ. Но коль скоро начинается состояніе бодрствованія, то все помѣщается въ сознаниі на свое мѣсто. Внутренніе образы тускнѣютъ передъ внѣшними воспріятіями, внѣшнія воспріятія — передъ состояніемъ напряженнаго вниманія, а это состояніе, въ свою очередь,—передъ идеею, всего болѣе занимающею насъ. Вообще, созна-

ніе, въ теченіе большей части сновидѣній, обладаетъ минимумомъ напряженности.

Главная трудность, слѣдовательно, состоитъ въ объясненіи, почему въ періодѣ, слѣдующемъ за эпилептическимъ приступомъ, сознание падаетъ до минимума? Этому не могутъ объяснить намъ ни физиологія, ни психологія, потому что ни та, ни другая не знаютъ условій происхожденія сознания. Вопросъ запутывается еще болѣе тѣмъ, что амнезія касается въ этихъ случаяхъ только содержанія эпилептического бреда. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что мы находимъ у субъектовъ, страдающихъ одновременно алкоголизмомъ и эпилеціей. Больной днемъ подвергается приступу эпилептического бреда, ломаетъ все, что попадаетъ на глаза, нападаетъ на окружающихъ. Послѣ короткой ремиссіи, ночью, у больного разыгрывается алкоголическій бредъ, который, какъ извѣстно, характеризуется устрашающими видѣніями. Утромъ, придя въ себя, больной вспоминаетъ весь ночной свой бредъ; но о томъ, что было днемъ, ничего не помнитъ ¹⁾.

Требуется объяснить еще другое обстоятельство. Если амнезія зависитъ отъ слабости первичныхъ состояній сознания, то какимъ образомъ эти состоянія, по нашей гипотезѣ такія слабыя, могутъ обуславливать собою извѣстные поступки? По Хайлингеу Джэксону „умственный автоматизмъ происходитъ отъ избытка дѣятельности нервныхъ центровъ низшаго порядка, которые заступаютъ здѣсь мѣсто центровъ высшихъ, направляющихъ“. Мы имѣемъ передъ собою, слѣдовательно, лишь частный случай хорошо извѣстнаго физиологическаго закона: эксцито-моторная сила рефлекторныхъ центровъ увеличивается, когда связь ихъ съ высшими центрами нарушается ²⁾.

Если мы ограничимся одной психологической задачей, то ее рѣшить возможно. Разумѣется, если мы будемъ считать сознание „силой“, которая существуетъ и дѣйствуетъ сама по себѣ, то все станетъ темнымъ и непонятнымъ. Но если допустить, какъ мы уже сказали это въ предъидущей главѣ, что сознание есть только спутникъ нервного состоянія, которое остается основнымъ элементомъ явленія, то все сдѣлается для насъ яснымъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ предположеніи, что нервное состояніе, достаточное для произведенія извѣстныхъ актовъ, въ то же время оказывается недостаточнымъ для пробужденія сознания. Происхожденіе какого либо движенія и происхожденіе какого либо сознательнаго состоянія суть

¹⁾ Magnan, Clinique de Sainte-Anne 3 mars 1879.

²⁾ Фальра (loc. cit.) говоритъ: „Для эпилептической маніи чрезвычайно характерно то, что всѣ приступы у одного и того же больного отличаются необыкновеннымъ сходствомъ, не только въ дѣломъ, но и въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ.... Больной во время каждаго приступа выражаетъ одніи и тѣ же идеи, произноситъ одни и тѣ же слова, совершаетъ одни и тѣ же дѣйствія. Всѣ приступы отличаются поразительнымъ однообразіемъ.“

два различных и независимых факта; условія существованія одного изъ нихъ не суть условія другаго.

Замѣтимъ въ заключеніе, что роковымъ послѣдствіемъ повторныхъ эпилептическихъ приступовъ, въ особенности наступающихъ въ формѣ головокруженій, является прогрессивное ослабленіе памяти вообще. Эта форма амнезіи будетъ описана ниже.

Теперь мы переходимъ къ случаямъ временной амнезіи разрушительнаго свойства. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, капиталъ, память накопленный до начала болѣзни, остается неприкосновеннымъ: все дѣло заключалось лишь въ томъ, что нѣчто, появившееся въ сознаніи, не сохраняется въ памяти. Въ слѣдующихъ же случаяхъ часть капитала утрачивается. Случаи эти всего рѣзче бросаются въ глаза. Быть можетъ когда нибудь, съ дальнѣйшимъ развитіемъ физиологіи и психологіи, они послужатъ для выясненія во многомъ сущности памяти. Въ настоящее же время, они—не особенно поучительны, по крайней мѣрѣ—на мой взглядъ.

Случаи подобнаго рода—весьма разнохарактерны. Иногда потеря памяти начинается съ момента заболѣванія и распространяется на всѣ послѣдующія за нимъ обстоятельства, иногда же она касается послѣднихъ событій передъ болѣзнию; чаще всего она распространяется и на тѣ, и на другія, т. е. и на время впередъ отъ болѣзни, и на время назадъ отъ нея. Иногда память возвращается сама собой, внезапно, иногда—медленно и при небольшой посторонней помощи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ абсолютная потеря памяти и приходится приступать къ полному перевоспитыванію человѣка. Мы постараемся привести примѣры на всѣ такіе случаи.

„Одна молодая женщина, страстно любившая своего мужа, во время родовъ имѣла продолжительный обморокъ, послѣдствіемъ котораго была полная потеря памяти, касающаяся всего періода супружеской жизни. Всю остальную свою жизнь до самаго замужества женщина эта помнила прекрасно.... Въ первыя же минуты послѣ обморока она съ ужасомъ отталкивала отъ себя своего мужа и ребенка. Впослѣдствіи она никогда не могла вспомнить періодъ своей замужней жизни и всѣ тѣ событія, которыя случились въ теченіи его. Родителямъ и друзьямъ удалось наконецъ убѣдить ее различными доводами и авторитетомъ своего свидѣтельства въ томъ, что она—замужемъ и имѣетъ сына. Она повѣрила имъ, потому что ей легче было думать, что она утратила память о цѣломъ годѣ, нежели признать всѣхъ своихъ близкихъ обманщиками. Но ея собственное убѣжденіе, ея внутреннее сознаніе ни мало не участвовали въ этой вѣрѣ. Она глядѣла на своего мужа и своего ребенка, не будучи въ состояніи представить себѣ

какимъ волшебствомъ достался ей этотъ мужъ и какъ родила она ребенка?^а (Ш. Виллиеръ ¹).

Вотъ примѣръ неизлечимой амнезіи, простирающейся лишь на періодъ, предшествовавшей болѣзни. Что касается психологическаго смысла этого явленія, то амнезію здѣсь можно объяснять какъ разрушеніемъ остатковъ впечатлѣній, такъ и невозможностью воспроизведенія ихъ. Въ слѣдующемъ случаѣ, сообщенномъ Лэйкокомъ, амнезія простирается только впередъ отъ болѣзни и слѣдовательно можетъ быть приписываема только невозможности органическаго усвоенія и сохраненія состояній сознанія. Механикъ одного парохода упалъ на спину, при чемъ затылкомъ ударился о какой-то твердый предметъ и затѣмъ потерялъ на нѣкоторое время сознаніе. Придя въ себя, онъ довольно скоро оправился и сталъ пользоваться по прежнему полнымъ физическимъ здоровьемъ; онъ помнилъ отлично всю свою жизнь до этого случая, но, начиная съ момента паденія, не былъ въ состояніи запомнить ровно ничего, даже фактовъ, самымъ близкимъ образомъ касающихся его личности. Прибывъ въ госпиталь, онъ не могъ сказать—пришелъ ли онъ иѣшкомъ, или приѣхалъ въ экипажѣ или по желѣзной дорогѣ. Послѣ завтрака онъ тотчасъ же забывалъ, что только-что вышелъ изъ-за стола; у него не было никакого представленія о часѣ, днѣ, недѣлѣ. Онъ пробовалъ, подумавъ, отвѣчать на подобныя вопросы, но это ему не удавалось. Выговоръ словъ былъ медленный, но ясный; рѣчь осмысленная; читалъ больной правильно. Благодаря соответствующему леченію болѣзни была устранена ²).

Вообще же въ случаяхъ временной амнезіи, зависящей отъ сотрясенія мозга, наблюдается обыкновенно и ретроактивное вліяніе на память, т. е., больной, возвращаясь къ сознанію, утрачиваетъ не только память о случившемся съ нимъ и о періодѣ времени слѣдующемъ за этимъ событіемъ, но онъ теряетъ также воспоминаніе о болѣе или менѣе продолжительномъ періодѣ, предшествующемъ событію. Можно бы было представить множество примѣровъ въ этомъ родѣ; я приведу здѣсь лишь одинъ, заимствованный у Карпентера (*loc. cit.* p. 450). „Одинъ господинъ ѣхалъ съ женой и ребенкомъ въ кабриолетѣ. Лошадь испугалась и понесла. Послѣ тщетныхъ попытокъ удержать ее, этотъ человекъ былъ сброшенъ съ экипажа на землю, причемъ сильно ударился головой. Придя въ себя, онъ забылъ всѣ факты, имѣвшіе мѣсто непосредственно передъ этимъ случаемъ. Последнее, о чемъ онъ могъ вспомнить,—была встрѣча съ пріятелемъ на дорогѣ, въ раз-

¹) Lettre de Charles Villiers à G. Cuvier (Paris. Lenormant, 1802), цитируемое Louyer Villermay, въ его Essais sur les maladies de la mémoire p. 76—77. Эта небольшая работа Л. Виллермаэ, изъ которой впрочемъ нельзя многого извлечь, появилась въ Mémoires de la Société de médecine de Paris, 1817, t. 1.

²) Lauscock, On certain disorders and defects of memory p. 12.

стоянии почти 2 миль отъ того мѣста, гдѣ произошло несчастіе. Но онъ и до сихъ поръ не можетъ припомнить ни своихъ усилій остановить лошадь, ни испуга жены и ребенка“ ¹⁾).

Но вотъ случаи амнезій еще болѣе тяжкаго характера; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось прибѣгнуть къ полному перевоспитанію больныхъ. Эти случаи заимствованы мною изъ англійскаго журнала Brain.

Первое наблюденіе, сообщенное д-ромъ Мортимеромъ Грэнвилемъ, касается двадцати шести лѣтней истерической женщины, которая, вслѣдствіе чрезмѣрной работы, подверглась сильному судорожному приступу, сопровождавшемуся полной потерей сознанія. „Когда сознаніе начало возвращаться, послѣднія здравыя идеи, сложившіяся передъ началомъ болѣзни, чрезвычайно странно смѣшивались съ получаемыми новыми впечатлѣніями, совершенно какъ въ случаяхъ медленно проходящей просоночной грезы. Сидя на кровати у окна, больная смотрѣла на проходящихъ по улицѣ и всѣ движущіяся фигуры называла „ходячими деревьями“; когда ее спрашивали, гдѣ она видала, чтобы деревья ходили, она неизмѣнно отвѣчала: „въ другомъ Евангеліи“. Однимъ словомъ—ея умственное состояніе было таково, что она не могла отличить воображаемаго отъ дѣйствительности. Воспоминанія ея были неясны, и она совершенно потеряла память относительно многого, составлявшаго главный предметъ ея мыслей до болѣзни. Идеи, непосредственно предшествовавшія болѣзни, казалось, до такой степени занимали теперь умъ больнои, что отражались на всѣхъ первыхъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ вслѣдъ за возвращеніемъ сознанія, между тѣмъ, какъ болѣе давняя, чѣмъ эти идеи, мозговая работа какъ будто подверглась какой-то закупоркѣ. Напримѣръ: хотя эта женщина постоянно жила уроками, теперь она не могла вспомнить значенія самыхъ простыхъ вещей, служащихъ для письма. Когда ей вкладывали въ руку, какъ ребенку, перо или карандашъ, она не удерживала этихъ вещей даже рефлекторно. Ни видъ ихъ, ни прикосновеніе къ нимъ не вызывали у нея никакой ассоціаціи идей. Самое полное разрушеніе мозговой ткани не могло бы такъ рѣзко уничтожить результаты воспитанія и привычки. Такое состояніе продолжалось нѣсколько недѣль. Все забытое припомнилось мало по малу, весьма медленно, но тѣмъ не менѣе не потребовалось такого полного перевоспитанія, какъ въ ниже-слѣдующемъ случаѣ ²⁾).

¹⁾ Другіе случаи въ этомъ же родѣ можно найти въ Dictionnaire encyclopédique des Sciences médicales, art. Amnésie, par. J. Falret, p. 728.

Подобный параличъ памяти, какъ результатъ сотрясенія мозга,—совсѣмъ не рѣдкость. Д-ръ Мотэ (Motet) въ послѣднее время сообщалъ въ парижскомъ Sociéte de médecine одинъ случай, который возбудилъ оживленные пренія по вопросу о временной амнезій. См. Union médicale, 18 juin 1879.

²⁾ Brain, a Journal of Neurology, octobre 1879, p. 317 и слѣд.

Это второе наблюдение, принадлежащее проф. Шарпею, представляет один из самых любопытных примѣровъ перевоспитанія, когда либо описанныхъ. Изъ даннаго сообщенія автора я приведу только психологическія подробности. 24-хъ лѣтняя женщина, слабago тѣлосложенія, въ теченіи почти шести недѣль страдала непреодолимой наклонностью ко сну. Состояніе это съ каждымъ днемъ ухудшалось. Около 10 іюня ее было уже невозможно разбудить. Такое состояніе продолжалось мѣсяца два. Когда ей подносили къ губамъ питье или пищу, она глотала; насытившись, она стискивала зубы и отворачивалась. Повидимому, она различала вкусовыя впечатлѣнія, такъ какъ упорно отказывалась отъ нѣкоторыхъ блюдъ. Она просыпалась, въ теченіи этого времени, всего лишь нѣсколько разъ, и то—на самый короткій срокъ. Она не отвѣчала на вопросы и никого не узнавала; „лишь одинъ разъ она узнала свою старую знакомую, съ которой не видалась около года. Она долго смотрѣла на нее, вѣроятно, припоминая ее имя. Вспомнивъ, она повторила его нѣсколько разъ, сжимая руку знакомой; затѣмъ снова заснула“. Въ концѣ августа больная по немногу возвратилась къ своему бодрственному состоянію.

Здѣсь и начинается работа перевоспитанія. „Пробудившись отъ спячки, больная забыла почти все, что прежде знала. Все казалось ей новымъ, она никого не узнавала, даже самыхъ близкихъ своихъ родственниковъ. Своей веселостью, подвижностью, невнимательностью и восхищеніемъ, въ которое она приходила отъ всего видѣннаго и слышаннаго ею, она чрезвычайно напоминала ребенка. Вскорѣ больная сдѣлалась способною сосредоточивать вниманіе. У нея оказалась весьма хорошая память на все то, что она видѣла и слыхала со времени своего пробужденія отъ спячки, но, за то, она не помнила рѣшительно ничего изъ періода, предшествовавшаго болѣзни. Часть того, что она знала прежде, она успѣла снова выучить, это давалось ей въ нѣкоторыхъ случаяхъ необыкновенно легко, въ другихъ же, напротивъ, съ нѣкоторымъ трудомъ. Замѣчательно, что хотя тотъ способъ, которому больная слѣдовала, чтобы вернуть утраченное ею, заключался не столько въ заучиваніи съизнова, сколько въ припоминаніи стараго при помощи родственниковъ, тѣмъ не менѣе—она и теперь, повидимому, не имѣетъ ни малѣйшаго сознанія о томъ, что все это прежде ей уже было извѣстно.

„Сначала съ нею было невозможно разговаривать; вмѣсто того, чтобы отвѣчать на вопросъ, она его повторяла слово въ слово. Да и впоследствии, когда уже могла отвѣчать, она обыкновенно прежде отвѣта повторяла данный ей вопросъ. Сперва у нея былъ весьма небольшой запасъ словъ, который, впрочемъ, быстро увеличивался, но больная страннымъ образомъ перепутывала слова. Однако, вообще она смѣшивала только тѣ слова, которыя имѣли между собой какое ни-

будь отношеніе. Такъ, вмѣсто „чай“, она всегда говорила „союз“, и очень долго называла этимъ именемъ всѣ жидкости; вмѣсто „бѣлый“, говорила „черный“, вмѣсто „холодный“ — „горячій“, вмѣсто „моя нога“ — „моя рука“, вмѣсто „мой глазъ“ — „мой зубъ“ и т. п. Теперь она обыкновенно правильно употребляетъ слова, но иногда составляетъ новыя или измѣняетъ ихъ окончанія.

„До сихъ поръ она еще никого не узнала, даже изъ самыхъ близкихъ родныхъ, т. е. не помнитъ, чтобы видѣла ихъ когда нибудь до болѣзни. Она называетъ ихъ правильно по имени или также даетъ имъ свои особенныя имена, но, во всякомъ случаѣ, считаетъ этихъ лицъ своими новыми знакомыми и не имѣетъ никакой идеи о своемъ родствѣ съ ними. Со времени своей болѣзни она видѣла не болѣе 12 человекъ и, кромѣ нихъ, никакихъ другихъ знакомыхъ не знаетъ.

„Она снова выучилась читать, но при этомъ начала съ азбуки, потому что не помнила ни одной буквы. Выучивъ буквы, она начала складывать слоги, слова, и теперь читаетъ довольно хорошо. Въ этомъ ей особенно помогало то, что она пѣла пѣсни, слова которыхъ она прежде хорошо знала и, въ то время какъ она играла на фортепіано, передъ ней держали текстъ этихъ пѣсень.

„При обученіи письму, пришлось начать съ самыхъ элементарныхъ упражненій, но успѣхи, которые она дѣлала въ этомъ отношеніи, были бы слишкомъ быстры для человека, который никогда не имѣлъ понятія о письмѣ.

„Вскорѣ, послѣ выхода изъ спячки, она уже могла пѣть многія изъ прежнихъ своихъ пѣсень и играть на фортепіано безъ всякой или при очень малой помощи. Когда она поетъ, необходимо напомнить ей только первыя два-три слова строки, затѣмъ она уже сама продолжаетъ, повидимому, на память. Она можетъ играть по нотамъ даже такія піесы, которыхъ раньше не разучивала.

„Безъ труда выучилась она нѣкоторымъ карточнымъ играмъ; умѣетъ вязать и знаетъ много разныхъ рукодѣлій.

„Но, повторяю, замѣчательно, что у нея не сохранилось даже слабого воспоминанія о томъ, что, вѣдь, все это она знала и прежде, хотя, очевидно, ея перевоспитанію во многомъ содѣйствовали ея прежнія свѣдѣнія, которыхъ она не сознавала. Когда ее спрашивали, гдѣ она выучилась разбирать ноты, — она отвѣчала, что не можетъ этого сказать, и удивлялась, что этого не умѣютъ сами дѣлать тѣ лица, которыя задаютъ ей подобный вопросъ.

„Вообще, судя по нѣкоторымъ замѣчаніямъ, которыя она сама случайно дѣлаетъ, надо думать, что она обладаетъ многими общими, болѣе или менѣе сложными, идеями, которыя не могли составиться у нея уже въ періодъ ея выздоровленія“ ¹⁾.

¹⁾ В г а и н, avril 1879, p. 1. и сл.

Сколько можно судить по сообщенію Шарпея, на перевоспитаніе этой больной потребовалось около трех мѣсяцевъ. Но не слѣдуетъ думать, что это—случай, единственный въ своемъ родѣ. Одинъ англичанинъ, священникъ, получивъ при паденіи сотрясеніе мозга, нѣсколько дней находился въ безсознательномъ состояніи. Придя въ себя, онъ былъ похожъ на умное дитя. Хотя это былъ уже зрѣлаго возраста человекъ, онъ началъ при помощи учителей съизнова изучать англійскую литературу и классиковъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, его память постепенно стала возвращаться, такъ что, затѣмъ, онъ черезъ нѣсколько недѣль пользовался уже полнымъ умственнымъ здоровьемемъ и владѣлъ всеми прежними своими свѣдѣніями ²⁾).

Другой, весьма образованный тридцати-лѣтній мужчина, послѣ тяжелой болѣзни, забылъ рѣшительно все, даже названія самыхъ обыкновенныхъ вещей. Когда здоровье его возстановилось, онъ началъ учиться всему, какъ ребенокъ; сперва заучивалъ названія предметовъ, затѣмъ выучился читать и принялся за изученіе латинскаго языка. Успѣхи его были быстры. Однажды, во время урока, который давалъ ему его братъ, онъ вдругъ остановился и поднесъ руку ко лбу: „у меня въ головѣ какое-то странное ощущеніе, сказалъ онъ, теперь мнѣ дѣйствительно кажется, что все это я уже зналъ прежде“. Начиная съ этого момента, все его способности быстро возстановились.

Пока я довольствуюсь тѣмъ, что предлагаю читателямъ одни лишь факты. Мнѣ кажется, что замѣчанія, которыя подсказываются этими фактами, будутъ умѣстнѣе сдѣлать впослѣдствіи. Закончу рядъ приведенныхъ фактовъ еще однимъ, мало извѣстнымъ случаемъ временной амнезій, который составляетъ какбы переходъ къ амнезіямъ перемежающимся. Дѣйствительно, мы здѣсь увидимъ, какъ иногда постепенно образуется нѣчто въ родѣ преходящей или запасной временной памяти, которая быстро исчезаетъ вмѣстѣ съ возвращеніемъ памяти первоначальной, постоянной.

Брѣшкая, молодая, здоровая женщина случайно упала въ рѣку и едва не утонула. Въ продолженіи 6 часовъ она находилась въ безчувственномъ состояніи, затѣмъ пришла въ сознаніе. Десять дней спустя, она впала въ совершенное оупѣніе (*stupor*), которое продолжалось четыре часа. Когда, затѣмъ, она открыла глаза, она никого не узнавала; она утратила и слухъ, и рѣчь, и вкусъ, и обоняніе. Сохранились лишь зрѣніе и осязаніе, которыя были необыкновенно изошрены. Ничего не сознавая, не будучи даже въ состояніи произвольно двигаться, она походила на животное, лишенное мозговыхъ полушарій. Аппетитъ былъ хорошъ, но больную приходилось кормить и она ѣла безразлично все, глотая предлагаемую ей пищу, какъ автоматъ. Автоматизмъ былъ

²⁾ Forbes Winslow, loc. cit., p. 317, 318.

до такой степени единственною формою дѣятельности, къ которой эта женщина оставалась еще способною, что цѣлые дни проходили въ томъ, что больная раздиргивала на нитки, ошипывала и рѣзала на мельчайшіе кусочки все, что ей попадалось подъ руку: цвѣты, бумагу, платье, соломенную шляпу и т. п.; затѣмъ эти обрывки она раскладывала въ видѣ грубыхъ узоровъ. Позднѣе, ей дали все необходимое для починки: послѣ нѣсколькихъ подготовительныхъ уроковъ, она взялась за иглу и работала ею съ утра до вечера, не переставая и не дѣлая никакихъ различій между воскресными и будничными днями, даже не будучи въ состояніи понять, какая тутъ разница. У нея не оставалось никакого воспоминанія о вчерашнемъ днѣ и каждое утро она принималась за новую работу. Однако постепенно она начала, какъ дитя, усваивать нѣкоторыя идеи и пріобрѣтать нѣкоторый опытъ. Тогда ей дали болѣе сложную работу—вышивать по канвѣ. Ей доставляло, повидимому, много удовольствія разсматриваніе образцовъ узоровъ съ ихъ рисунками и гармоніей цвѣтовъ; но и тутъ она каждое утро начинала новую вышивку, забывая о вчерашней, если та не лежала на виду.

Изъ идей, относившихся къ прежнему опыту, прежде всего, повидимому, пробудились у больной тѣ, которыя касались двухъ обстоятельствъ, произведшихъ на нее нѣкогда сильное впечатлѣніе, а именно: паденія въ рѣку и любви къ одному молодому человѣку. Когда больной показывали пейзажъ, на которомъ изображалась рѣка или бушующее море, она приходила въ волненіе, за которымъ слѣдовалъ приступъ спазмодической оцѣпенѣлости съ безчувственностью. Чувство страха, которое ей внушала вода, въ особенности приведенная въ движеніе, было до такой степени сильно, что больная начинала дрожать, даже когда передъ ней переливали воду изъ одного сосуда въ другой. Замѣтили также, что, умывая себѣ руки, больная просто тихонько опускала ихъ въ воду.

Начиная съ перваго періода болѣзни, больной доставляли видимое удовольствіе посѣщенія любимаго ею молодого человѣка, и это было замѣтно даже въ то время, когда больная оставалась нечувствительной ко всему остальному. Этотъ молодой человѣкъ являлся аккуратно каждый вечеръ и видно было по нѣкоторымъ признакамъ, что больная, забывавшая съ часу на часъ все происходившее кругомъ ея, въ урочное время однако же съ трепетомъ ожидала, что вотъ-вотъ дверь отворится...

Если „онъ“ не приходилъ, больная была весь вечеръ въ дурномъ расположеніи духа. Когда ее увозили на дачу, она становилась грустной, раздражительной и часто подвергалась истерическимъ припадкамъ. Если же, напротивъ, юноша оставался при ней, ея физическое

состояніе замѣтно улучшалось и возвращеніе умственныхъ способностей и памяти было болѣе очевиднымъ.

Въ сущности возвращеніе это долгое время совершалось мало по малу. Однажды, когда ея мать была въ особенномъ огорченіи, больная, послѣ нѣкотораго колебанія, вдругъ вскричала: что случилось? И съ этой минуты она начала произносить по слогамъ нѣкоторыя слова, но все еще не могла называть ни людей, ни вещи настоящими именами. Любимымъ ея словомъ было „это“; она одинаково прилагала его и къ одушевленнымъ, и къ неодушевленнымъ предметамъ. Первое, что она назвала настоящимъ именемъ, были нѣкоторые полевые цвѣты, которые она, ребенкомъ, очень любила; но въ то же время у больной не было еще ни малѣйшаго воспоминанія о родныхъ мѣстахъ и лицахъ, знакомыхъ ей съ дѣтства.

„Въ высшей степени замѣчательнъ тотъ способъ, которымъ къ ней окончательно вернулась память. Здоровье и физическія силы больной повидимому совершенно возстановились, ея словарь значительно расширился и умственные способности постепенно увеличивались, когда до нея дошла вѣсть, что ея возлюбленный ухаживаетъ за другой женщиной. Эта идея возбудила въ больной ревность, которая наконецъ усилилась до того, что однажды больная впала въ безчувственное состояніе, по своей силѣ и продолжительности похожее на припадокъ, предшествовавшій развитію болѣзни. А между тѣмъ это былъ поворотъ къ окончательному выздоровленію. По минованіи припадка, завѣса забвенія разорвалась и больная, словно проснувшись отъ двѣнадцатимѣсячнаго сна, вдругъ узнала все окружающее ее: своихъ дѣда и бабуку, старыхъ друзей и старый родной домъ. Она пробудилась въ полномъ обладаніи своими умственными способностями и всѣми прежними свѣденіями, но не помнила ничего изъ того періода времени, который истекъ отъ перваго, вступительнаго припадка болѣзни до момента возвращенія сознанія. Она говорила, но не слушала: она была еще глуха; но теперь она по прежнему умѣла читать и писать и потому могла свободно объясняться съ своими близкими. Начиная съ этого момента, она дѣлала быстрые успѣхи, хотя глухота и продолжалась еще нѣкоторое время. По движенію губъ своей матери (но только лишь ея одной), она понимала все, что та говорила и скоро уже мать и дочь свободно бесѣдовали между собой. Больная ничего не знала и о той перемѣнѣ, которая произошла съ ея возлюбленнымъ во время ея „втораго сознанія“. Тяжелое объясненіе оказывалось неизбѣжнымъ. Больная перенесла его съ твердостью. Затѣмъ ея физическія и умственные силы вскорѣ совершенно возстановились“ (Деннъ)¹⁾.

1) Dupin, въ The Lancet, 1845, november 16—29, Carpenter, p. 460 и сл.

Ниже, сдѣлавъ общій обзоръ всѣхъ этихъ фактовъ, мы увидимъ къ какимъ общимъ выводамъ относительно механизма памяти можно прійти, основываясь на ея патологіи. Теперь мы ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями, вытекающими изъ приведенныхъ нами фактовъ.

Прежде всего надо замѣтить, что всѣ вышеприведенные случаи представляютъ, съ точки зрѣнія психологіи, два различные типа болѣзненнаго состоянія, хотя, обыкновенно, врачи описываютъ ихъ подъ общимъ названіемъ „полныхъ амнезій.“

Первый типъ (вышеприведенные случаи де Вилліера, Лэйкока, Мортимера Грэнвилля и др.) встрѣчается гораздо чаще. Если мы привели лишь немного примѣровъ этого типа, то единственно потому, что не желаемъ утомлять читателя монотоннымъ и бесполезнымъ повтореніемъ одного и того же. Въ психологическомъ отношеніи этотъ типъ характеризуется тѣмъ, что амнезіей поражаются здѣсь лишь наименѣе автоматическія и наименѣе организованныя формы памяти. Въ тѣхъ случаяхъ, которые принадлежатъ къ этой патологической группѣ, не исчезаютъ ни привычки, ни способность къ тому или другому ремеслу, напр. къ шитью, вышиванью и т. п., ни способность читать, писать и говорить на родномъ и на иностранныхъ языкахъ: однимъ словомъ, память въ своей организованной или полуорганизованной формѣ остается нетронутой. Болѣзненное разстройство ограничивается высшими, наиболѣе непостоянными, проявленіями памяти, которыя имѣютъ чисто личный характеръ и которыя, сопровождаясь сознаниемъ и локализацией во времени, составляютъ то, что мы назвали въ предъидущей главѣ, психической памятью въ собственномъ смыслѣ этого слова. Сверхъ того, мы замѣчаемъ, что амнезія здѣсь касается самыхъ свѣжихъ фактовъ, и что, начиная съ настоящаго, она распространяется назадъ—на болѣе или менѣе періодъ прошлаго¹⁾. Съ перваго взгляда этотъ фактъ поражаетъ насъ, потому что мы привыкли думать, что наши послѣднія воспоминанія отличаются наибольшою свѣжестью и силой. На самомъ же дѣлѣ наблюдаемый здѣсь результатъ—совершенно логиченъ, потому что устойчивость воспоминанія—прямо пропорціональна степени его организациі. Я не буду останавливаться на этомъ пунктѣ, такъ какъ впослѣдствіи онъ будетъ точнѣе разобранъ.

Относительно фізіологической причины амнезій этой группы можно предложить только гипотезы и весьма вѣроятно, что въ различныхъ

¹⁾ Я не могу не привести здѣсь факта, сообщаемого Броунъ-Секаромъ: одинъ больной послѣ приадака апоплексіи потерялъ воспоминаніе о пяти годахъ жизни. Пробѣль этихъ пяти лѣтъ, обнимающихъ собой эпоху женитьбы больного, кончался ровно за шесть мѣсяцевъ до дня, въ который наступила апоплексія.

случаяхъ и причина бываетъ различна. Прежде всего видно (ср. наблюдение Лэйкока), что способность усваивать новыя данныя, получаемыя путемъ опыта, временно прекращается: состоянія сознанія, по мѣрѣ ихъ появленія, исчезаютъ безслѣдно. Но что же дѣлается съ воспоминаніями, уже запечатлѣвшимися въ предшествовавшіе недѣли, мѣсяцы, годы? Вѣдь эти воспоминанія уже болѣе или менѣе долго существовали, сохранялись, вызывались; повидимому, они сдѣлались уже стойкимъ приобрѣтеніемъ, а между тѣмъ и они исчезаютъ, оставивъ по себѣ пустоту. Большой заполняетъ эту пустоту искусственно и косвеннымъ путемъ, при помощи свидѣтельства постороннихъ лицъ и своихъ собственныхъ размышленій: этимъ путемъ, худо-ли, хорошо-ли, устанавливается нѣкоторая связь между настоящимъ и тѣмъ остаткомъ прошлаго, который уцѣлѣлъ въ памяти больного. Наблюдения не подтверждаютъ, чтобы эта пустота когда либо пополнялась помощью непосредственнаго припоминанія. Поэтому можно допустить два предположенія: или запечатлѣніе въ сознаніи предшествовавшихъ состояній совершенно изглаживается, или же оно хотя и сохраняется, но бываетъ уничтожена способность этихъ состояній къ оживленію путемъ ассоціацій съ настоящимъ. Которая изъ двухъ гипотезъ, ближе подходитъ къ истинѣ, — этого рѣшить мы не можемъ.

Представителями второго типа амнезій, болѣе рѣдкаго, служатъ случаи Шарпея и Винслова (наблюдение Денна, послѣднее изъ приведенныхъ нами, образуетъ переходную форму къ группѣ перемежающихся амнезій). Здѣсь, при этомъ второмъ типѣ, работа разрушенія полная: память уничтожена во всѣхъ ея формахъ — организованной, полу-организованной и сознательной; мы имѣемъ передъ собою амнезію совершенную. Мы уже видѣли, что авторы, описывавшіе это состояніе, сравниваютъ подобнаго больного съ ребенкомъ, а его сознаніе съ *tabula rasa*. Однако эти выраженія не слѣдуетъ понимать буквально. Приведенные нами случаи перевоспитанія доказываютъ, что если весь приобрѣтенный опытъ уничтожается, то все же въ мозгу остаются нѣкоторыя скрытыя свойства. Крайне быстрые успѣхи воспитанія, въ особенности въ послѣднемъ періодѣ болѣзни, нельзя объяснить, не допустивъ такой возможности. Факты принуждаютъ насъ думать, что это возстановленіе умственной дѣятельности, которое намъ кажется дѣломъ искусства, въ сущности гораздо болѣе — дѣло природы. Память возвращается, потому что атрофированные нервныя элементы современнымъ замѣняются другими, которые обладаютъ тѣми же первичными и приобрѣтенными свойствами, какими обладали и ихъ предшественники. Этимъ еще разъ можно бы было доказать существованіе связи между памятью и питаніемъ.

Наконецъ, такъ какъ нельзя подвести подъ одну общую формулу всѣ случаи амнезій, то въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ потеря и возвраще-

ніе памяти происходят внезапно, трудно не замѣтить аналогіи съ явленіями внезапнаго прекращенія функцій вообще (*inhibitio*), явленіями, которыя составляютъ въ настоящее время предметъ ревностнаго изученія фізіологовъ и о которыхъ въ сущности мы все еще такъ мало знаемъ.

Мы сдѣлали эти замѣчанія лишь мимоходомъ. Было бы преждевременно останавливаться на нихъ долѣе. Будемъ продолжать нашъ обзоръ фактовъ и перейдемъ къ изученію періодическихъ амнезій.

II.

Изученіе амнезій, появляющихся въ періодической формѣ, скорѣе можетъ пролить свѣтъ на природу нашего „я“ и на условія существованія сознательной личности, нежели уяснить намъ механизмъ памяти съ какой либо новой его стороны. Изученіе это могло бы составить интересную главу труда, который еще никогда не появлялся въ полномъ видѣ и который можно бы было озаглавить: Болѣзни и заблужденія личности. Намъ будетъ весьма трудно выдержаться отъ того, чтобы ежеминутно не касаться при этомъ вопроса о „личности“, но я все таки постараюсь не выходить изъ предѣловъ лишь безусловно необходимаго для ясности изложенія.

Я ограничусь указаніемъ на немногіе факты, они — довольно извѣстны. Изученіе случаевъ такъ называемаго „двойнаго сознанія“ (*double conscience*)—въ большемъ ходу. Столь подробное и поучительное наблюденіе д-ра Азама лучше всякаго опредѣленія объяснить читателямъ, въ чемъ состоитъ періодическая амнезія. И такъ, я сдѣлаю бѣглый обзоръ главнѣйшихъ фактовъ, начиная съ тѣхъ, которые представляютъ самую ясную форму періодической амнезій и кончая тѣми, въ которыхъ это болѣзненное состояніе—едва выражено.

I. Наиболѣе чистый, ясный и полный случай періодической амнезій, часто цитируемый авторами, описанъ Мэкнишемъ въ его „философіи сна“ (*Philosophy of sleep*). „Одна молодая американка, проснувшись отъ продолжительнаго сна, забыла все, что знала и чему училась. Память ея превратилась въ *tabula rasa*. Больную пришлось учить всему заново. Она принуждена была снова пріобрѣтать привычку читать (сначала по складамъ), писать, считать, узнавать предметы и окружающихъ лицъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она снова впала въ глубокой сонъ и проснулась изъ него такою же, какою была до перваго сна: она обладала всѣми прежними своими свѣдѣніями и всѣми

воспоминаніями о своей юности и, наоборотъ, совершенно не помнила того, что происходило въ промежуткѣ между двумя приступами сна. Въ теченіи болѣе нежели 4-хъ лѣтъ она періодически переходила отъ одного состоянія въ другое и при томъ всегда послѣ глубокаго и продолжительнаго сна.... Она также не сознавала двойственности своей личности, какъ два отдѣльныя лица не сознають нѣкоторыхъ относительныхъ свойствъ другъ друга. Въ старомъ, обычномъ своемъ состояніи она обладала всѣми своими первоначальными свѣдѣніями. Въ состояніи же новомъ, она знала лишь то, чему успѣла научиться во время своей болѣзни. Въ старомъ состояніи у нея былъ прекрасный почеркъ. Въ новомъ она писала очень плохо, такъ какъ не успѣвала достаточно упражняться въ этомъ. Если ее желали познакомить съ кѣмъ нибудь, то необходимо было представить ей это лицо во время обоихъ ея состояній, иначе знакомство не было полнымъ. Тоже самое относилось и ко всему остальному¹⁾.

Оставивъ пока въ сторонѣ то, что касается собственно вопроса о такомъ чередованіи двухъ личностей въ одной, мы замѣтимъ только, что въ данномъ случаѣ образовались двѣ полныя и независимыя другъ отъ друга памяти. Мы видимъ, что здѣсь не только память личныхъ фактовъ, память вполне сознательная, раздѣлена на двѣ части, которыя никогда взаимно не смѣшиваются и существуютъ вполне независимо (невѣдомо) одна отъ другой, но тоже самое произошло и съ памятью полуорганической, полусознательною, которая даетъ намъ возможность говорить, читать и писать. Изъ описанія этого случая не видно, распространялось ли это раздвоеніе памяти на чисто органическія формы ея — на привычки: напр., пришлось ли эту больную съизнова учить пользоваться руками для самыхъ обыкновенныхъ нуждъ (ѣсть, одѣваться и т. п.). Даже предположивъ, что эта группа пріобрѣтенныхъ движеній осталась неприкосновенною, все же раздѣленіе состояній сознанія на двѣ совершенно независимыя группы сказалось здѣсь до такой степени рѣзко, что можетъ удовлетворить самого скептическаго наблюдателя.

Д-ръ Азамъ сообщилъ случай менѣе чистый, но который все таки близко подходитъ къ предъидущему. Нормальная память періодически являлась и исчезала. Въ промежуткахъ не развивалась новая память, но у больного оставались нѣкоторые ничтожныя обрывки прежней памяти. По крайней мѣрѣ такое заключеніе можно вывести изъ наблюденія, не особенно точнаго въ психологическихъ подробностяхъ¹⁾. Дѣло идетъ объ одномъ юношѣ, который вслѣдъ за исте-

¹⁾ Madsin у Тэна: Объ умѣ и познаніи, т. 1. и у Комба System of Phrenology, p. 173.

¹⁾ Revue Scientifique, 22 decembre 1877. Такъ, наприм. въ сообщеніи говорится, что въ одномъ изъ приступовъ больной «могъ разговаривать съ большимъ умомъ и живостью и все таки не могъ возстановить свою память» (??).

рическими или хорейскими припадками, совершенно потерялъ память прошлаго, забывъ все, чему учился, не могъ ни писать, ни читать, ни считать и не узнавалъ никого изъ окружающихъ, кромѣ отца, матери и сестры милосердія, которая за нимъ ухаживала. Однако оказывается, что въ періоды этой амнезіи (которая продолжалась обыкновенно около мѣсяца), молодой человѣкъ могъ ѣздить верхомъ, править лошадьми, велъ вообще прежній образъ жизни и совершенно правильно, въ обычное время, читалъ молитвы. Память возвращалась у него обыкновенно вдругъ. Насколько можно судить, здѣсь происходило періодическое исчезновеніе памяти и именно — совершенно неустойчивыхъ и не вполне устойчивыхъ (*demi-stables*) или, если угодно, сознательныхъ и полусознательныхъ формъ ея (не слѣдуетъ забывать, что сознательность воспоминаній находится въ обратномъ отношеніи къ стойкости ихъ). Но все то, что составляетъ организованную память, рутину, оставалось неприкосновеннымъ: самыя глубокія наслоенія памяти хорошо сохранялись. Впрочемъ, я не буду болѣе останавливаться на наблюденіи, которое вълѣдствіе сжатости своего изложенія, — не пригодно для психологическихъ разъясненій.

II. Вторая, менѣе полная, но болѣе частая, форма періодической амнезіи прекрасно описана тѣмъ же д-ромъ Азамомъ въ известномъ случаѣ Фелиды X...; аналогичное явленіе наблюдалъ у одной изъ своихъ больныхъ Д-ръ Дюфэ. Эти случаи пользуются такой известностью и при томъ относительно ихъ настолько легко справиться съ источниками, что здѣсь достаточно будетъ изложить ихъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Истерическая женщина съ 1856 г. страдала странной болѣзью, вълѣдствіе которой она жила двойной жизнью и поочередно переходила изъ одного состоянія въ другое; эти состоянія д-ръ Азамъ называетъ „первымъ“ и „вторымъ“ (*condition première et condition seconde*). Если мы возьмемъ эту женщину въ ея нормальномъ или „первомъ“ состояніи, то она является серьезной, важной, сдержанной и трудолюбивой. Но внезапно она впадаетъ въ глубокой сонъ, теряетъ сознание и, когда приходитъ въ себя, мы находимъ ее уже во „второмъ“ состояніи. Тогда ея характеръ совершенно измѣняется: она дѣлается веселой, шумливой, избрѣтательной и кокетливой. Она прекрасно помнитъ все, что происходило во время подобныхъ же предшествовавшихъ состояній и во время ея нормальной жизни. Затѣмъ, по прошествіи болѣе или менѣе длиннаго промежутка времени, она снова впадаетъ въ оцѣпѣненіе, по прекращеніи котораго оказывается уже въ „первомъ“ своемъ состояніи. Но теперь она не помнитъ ничего, что происходило въ ея „второмъ“ состояніи, а припоминаетъ лишь предшествовавшіе нормальные періоды. Прибавимъ къ этому, что по мѣрѣ того, какъ больная становилась старше, періоды

нормальнаго (перваго) состоянія дѣлались все короче и появлялись рѣже и что переходъ изъ одного состоянія въ другое, продолжавшійся прежде минутъ десять, теперь сталъ совершаться съ неувимой быстротой.

Таковы главнѣйшія черты этого наблюденія. Въ виду нашего спеціальнаго изслѣдованія, мы можемъ резюмировать ихъ въ немногихъ словахъ. Большая попеременно впадаетъ въ два различныя состоянія: въ одномъ изъ нихъ она сохраняетъ полную память, въ другомъ обладаетъ частичной памятью, которая простирается на все предшествовавшіе періоды только этого состоянія. Случай больной де Блуа сообщенный д-ромъ Дюфэ, аналогиченъ вышеописанному. Во время періода, соответствующаго „второму состоянію“ Фелиды, больная „помнитъ мельчайшіе факты, имѣвшіе мѣсто въ нормальномъ состояніи и въ періоды сомнамбулизма.“ И здѣсь замѣчалась подобная же перемѣна характера: въ періодѣ (болѣзненномъ) полной памяти больная называла свое нормальное состояніе „глухимъ“. ¹⁾

Важно замѣтить, что при этой формѣ періодической амнезіи, одна часть памяти всегда оставалась неприкосновенною у больныхъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ состояніяхъ ихъ. „Въ обоихъ состояніяхъ, говоритъ Д-ръ Азамъ, больная умѣетъ читать, писать, считать, кроить и шить“. Здѣсь не было, слѣдовательно, того полного раздвоенія памяти, какъ въ случаѣ Мэкиниша. Полусознательныя формы памяти оставались одинаково дѣятельными въ обѣихъ формахъ умственной жизни больныхъ.

III. Чтобы закончить наше обозрѣніе различныхъ видовъ періодической амнезіи, приведемъ нѣкоторые случаи, въ которыхъ это состояніе выражено лишь слегка: эти случаи встрѣчаются при сомнамбулизмѣ, естественномъ и искусственномъ. Вообще, по окончаніи приступа сомнамбулизма, больные не помнятъ о томъ, что они говорили или дѣлали; но во время каждаго новаго приступа возвращается воспоминаніе о приступахъ предшествовавшихъ. Законъ этотъ имѣетъ исключенія, но они—рѣдки. Авторы неоднократно цитировали, со словъ Макаріо, исторію одной дѣвушки, которая была изнасилована во время сомнамбулическаго приступа. Очнувшись, она вовсе не сознавала нанесеннаго ей оскорбленія: но въ слѣдующій затѣмъ приступъ она рассказала объ этомъ фактѣ своей матери. Д-ръ Менэ (Mesnet) былъ свидѣтелемъ покушеній на самоубійство, повторившихся у одной больной во время двухъ приступовъ, сряду ²⁾. Одна молодая служанка, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, каждый вечеръ считала себя епископомъ, говорила и поступала сообразно съ этимъ саномъ

¹⁾ Подробнѣе см. Azam, Revue scientifique, 1876, 20 mai, 16 septembre; 1877, 10 novembre; 1879 mars; и Dufay, ibid, 15 juillet 1876.

²⁾ Archives générales de médecine, 1860, t. XV, p. 17.

(Комбъ), а Гамильтонъ рассказываетъ объ одномъ бѣдномъ подмастерья, который, какъ только засыпалъ, воображалъ себя богатымъ отцемъ семейства, сенаторомъ; каждую ночь регулярно онъ возвращался къ этой исторіи, рассказывалъ ее вслухъ и внятнѣмъ голосомъ и отрицалъ свое истинное званіе подмастерья, когда ему о немъ напоминали. Безполезно было бы приводить здѣсь еще цѣлый рядъ всѣмъ извѣстныхъ примѣровъ въ этомъ родѣ, выводъ изъ которыхъ очевидно— тотъ, что во время приступовъ сомнамбулизма, рядомъ съ нормальной памятью, развивается еще другая частная, временная память, иногда съ страннымъ содержаніемъ.

Резюмируя главные характеристическія черты періодическихъ амнезій, подмѣченныя на приведенныхъ выше фактахъ, мы прежде всего находимъ образованіе двухъ памятей.

Въ случаяхъ полной періодической амнезій (таковъ—случай Мэкиниша) обѣ памяти исключаютъ одна другую; когда одна появляется,— другая исчезаетъ. Каждая—достаточна сама для себя; каждая, такъ сказать, требуетъ себѣ полнаго матеріала. Та организованная память, благодаря которой субъектъ можетъ говорить, читать и писать вовсе не представляетъ здѣсь основанія (фона), общаго обоимъ состояніямъ. Въ каждомъ состояніи образуется своя особая память на слова, на письменные знаки и на движенія, помощью которыхъ знаки эти изображаются.

Въ неполныхъ же случаяхъ періодической амнезій (случай Азама, Дюфэ, сомнамбулизмъ) нормальная память чередуется съ частной. Первая обнимаетъ всю совокупность состояній сознанія; вторая же— лишь ограниченную группу состояній, которая, путемъ естественной сортировки, отдѣляется отъ прочихъ и образуетъ въ умственной жизни индивидуума отрывочные ряды, временно соединяющіеся между собой. Но обѣ памяти сохраняютъ здѣсь общую основу, составленную изъ наиболѣе постоянныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—наименѣ сознательныхъ формъ памяти, которая безразлично участвуютъ въ обѣихъ группахъ.

Вслѣдствіе такого раздвоенія памяти индивидуумъ представляется самому себѣ или, по крайней мѣрѣ, постороннимъ лицамъ существомъ, живущимъ двойною жизнью. Такая иллюзія—естественна, такъ какъ наше „я“ состоитъ (или намъ кажется, что состоитъ), въ возможности ассоціировать съ состояніями настоящаго—состоянія, уже знакомыя намъ, т. е. локализованныя въ прошедшемъ помощью того механизма, который мы пытались описать выше. Здѣсь мы имѣемъ два ясные центра ассоціаціи и притяженія. Каждый изъ нихъ привлекаетъ къ себѣ одну группу состояній и остается безъ всякаго вліянія на остальные.

Очевидно, что подобное образованіе двухъ памятей, изъ которыхъ одна вполне или отчасти исключаетъ другую, не можетъ быть

первичнымъ явленіемъ; это — симптомъ болѣзненнаго состоянія, — психическое выраженіе разстройства, которое еще слѣдуетъ опредѣлить. Здѣсь, къ величайшему нашему сожалѣнію, мы встрѣчаемся съ необходимостью обсуждения, мимоходомъ, обширнаго вопроса: объ условіяхъ личности.

Прежде всего, намъ необходимо отрѣшиться отъ идеи о какомъ-то „я“, понимаемомъ, какъ сущность, отличная отъ состояній сознанія. Это — бесполезная и противорѣчивая гипотеза; это — объясненіе, достойное психологіи, которая еще не вышла изъ младенчества, которая считаетъ за простое то, что только кажется простымъ, которая изобрѣтаетъ, вмѣсто того чтобъ объяснять. Я присоединяюсь къ мнѣнію тѣхъ изъ моихъ современниковъ, которые считаютъ сознающую личность за нѣчто собирательное, считаютъ ее, такъ сказать, равнодѣйствующею силою очень сложныхъ состояній.

„Я“ въ томъ видѣ, какъ оно представляется самому себѣ, состоитъ изъ суммы состояній сознанія. Въ числѣ ихъ всегда есть одно главное состояніе, вокругъ котораго группируются состоянія вторичныя, стремящіяся вытѣснить его; эти состоянія, въ свою очередь, возбуждаются (выдвигаются впередъ) другими состояніями, едва лишь признаваемыми. Послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, состояніе, играющее первую роль, уступаетъ свое мѣсто другому, около котораго устанавливается подобная же группировка. Механизмъ сознанія можно сравнить, безъ всякой метафоры, съ механизмомъ видѣнія предметовъ. Смотря на предметъ, мы также получаемъ ясное и точное зрительное воспріятіе лишь отъ извѣстнаго пункта, вокругъ котораго распространяется поле зрѣнія; ясность и отчетливость изображенія на послѣднемъ уменьшаются по мѣрѣ удаленія отъ центра и приближенія къ окружности. Наше „я“ для каждаго даннаго момента времени, — это наше „настоящее“, непрерывно возобновляющееся, — въ большей своей части поддерживается памятью, такъ сказать, — питается ею, т. е. къ настоящему нашему состоянію постоянно присоединяются другія состоянія, которыя, будучи удалены во времени и локализованы въ нашемъ прошломъ, и составляютъ нашу личность въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется въ этотъ данный моментъ. Словомъ наше „я“ можно разсматривать съ двухъ сторонъ: или въ формѣ настоящей, текущей, — въ такомъ случаѣ оно представляетъ совокупность наличныхъ состояній сознанія; или же — въ непрерывной связи съ его прошлымъ — въ такомъ случаѣ „я“ образуется памятью посредствомъ того механизма, который описанъ нами выше.

Казалось бы, что тождественность проявленій одного и того же „я“ всецѣло основывается на памяти. Но признать это, значило бы видѣть только одну часть дѣла, увлекаясь черезчуръ желаніемъ протеста противъ ученія о „сущностяхъ“. Подкладкою этому „я“, этой

непостоянной совокупности состояній, которая ежеминутно образуется, исчезаетъ и вновь слагается, служить нѣчто болѣе постоянное, безсмысленно остающееся въ насъ: этимъ нѣчто является то смутное сознание наше; которое представляетъ результатъ всѣхъ жизненныхъ отравленій нашего организма, которое состоитъ въ воспріятіи нами ощущеній отъ органовъ собственнаго тѣла и обозначается обыкновенно названіемъ: общее чувство, *соепаesthesia*. Оно—такъ неясно, что трудно описать его въ точности. Это—способъ нашего индивидуальнаго бытія, который, повторяясь непрерывно, столь же мало подмѣчается нами, какъ наша какая нибудь привычка. Но если это чувство ускользаетъ отъ насъ въ своемъ цѣломъ и въ своихъ медленныхъ измѣненіяхъ составляющихъ наше нормальное (здоровое) состояніе, то все же оно остается способнымъ къ измѣненіямъ внезапнымъ, или просто—быстрымъ, которыя влекутъ за собою измѣненіе всей личности субъекта. Всѣ психіатры подтверждаютъ, что вступительный періодъ душевныхъ болѣзней проявляется не разстройствами познавательной сферы (интеллектуальными), а измѣненіями въ характерѣ субъекта, которыя представляютъ ничто иное какъ психическое выраженіе измѣненій общаго чувства. Точно также какое нибудь органическое страданіе, часто и не подозрѣваемое, отражается на общемъ чувствѣ, измѣняетъ обычное, свойственное индивидууму, чувство бытія въ состояніе (безпричинное, какъ говоритъ больной) печали, томленія, тоски, а иногда—въ состояніе радости, довольства, избытка силъ и полнѣйшаго счастья: все это, въ такихъ случаяхъ, — обманчивое выраженіе тяжкаго разстройства организма; самый яркій примѣръ этого рода мы встрѣчаемъ въ такъ называемомъ чувствѣ благосостоянія умирающихъ (*euphoria moribundorum*). Всѣ перемѣны общаго чувства имѣютъ фізіологическую причину, отзвукомъ которой онѣ и служатъ въ сознаніи: утверждать, что коль скоро эти перемѣны ощущаются, то нормальнаго состоянія уже не существуетъ, значило бы поддерживать то положеніе, что правильная (здоровая) жизнь не можетъ представлять никакого особаго способа существованія, потому что она—монотонна. Именно это ощущеніе бытія, чувство жизни, которое,—въ силу того, что повторяется непрерывно,—остается всегда за рубежомъ нашего сознанія, именно оно и составляетъ истинную основу личности. Оно составляетъ эту основу, потому что, будучи всегда на лицо, оставаясь всегда дѣятельнымъ, безъ отдыха и покоя, оно не знаетъ ни сна, ни временнаго замиранія и длится до тѣхъ поръ, пока длится жизнь, однимъ изъ проявленій которой оно само служитъ.

Слѣдовательно, единство „я“—не похоже на единство математической точки, но скорѣе—на единство весьма сложной машины. Это—согласное дѣйствіе жизненныхъ отравленій, сочетанныхъ между собою прежде всего посредствомъ нервной системы, этого сочетателя по пре-

имуществу, а затѣмъ—посредствомъ сознанія, естественная форма котораго—единство. И дѣйствительно, уже въ самой природѣ психическихъ состояній лежитъ то, что они могутъ существовать одновременно только въ небольшомъ числѣ, группируясь вокругъ какого нибудь главнаго состоянія, которое одно служитъ въ данную минуту выразителемъ сознанія во всей его полнотѣ.

Теперь предположимъ невозможное, а именно: что наше тѣло, по какому нибудь волшебному мановенію, разомъ стало другимъ, — что наши прежніе органы—скелеть, сосуды, внутренности, мышцы и кожа—замѣнились новыми, за исключеніемъ только нервной системы, которая осталась тою же со всѣмъ своимъ прошлымъ, занесеннымъ въ нее. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ притокъ необычныхъ жизненныхъ ощущеній произвелъ бы величайшее разстройство. Между старымъ общимъ чувствомъ, крѣпко запечатлѣвшимся въ нервной системѣ, и общимъ чувствомъ новымъ, дѣйствующимъ съ силою всякаго необычнаго, глубокаго потрясенія, воцарился бы непримиримый разладъ. Гипотеза эта осуществляется въ извѣстной мѣрѣ на болѣзненныхъ случаяхъ. Темныя органическія разстройства, напр. полная анестезія тѣла, иногда такъ измѣняютъ общее чувство, что субъектъ считаетъ свои члены превратившимися въ камень, масло, воскъ или дерево, или думаетъ, что полъ его измѣнился, или называетъ себя мертвымъ. Но, помимо этихъ патологическихъ случаевъ, вспомнимъ, что творится съ человѣкомъ въ періодъ полового развитія (*periodus rubertatis*): „Со вступленіемъ въ дѣятельность извѣстныхъ частей тѣла, которыя оставались до тѣхъ поръ въ совершенномъ покоѣ, и съ полнымъ переворотомъ, происходящимъ въ организмѣ въ эту эпоху жизни, совершается въ относительно короткій промежутокъ времени огромный наплывъ въ сознаніе новыхъ ощущеній, новыхъ склонностей, смутныхъ идей и необычныхъ стремленій. Мало по малу эти новые элементы сознанія проникаютъ въ кругъ прежнихъ идей, такъ что дѣлаются составною частью „я“ субъекта. „Я“ становится вслѣдствіе этого, совершенно другимъ; оно обновляется и самочувствіе субъекта претерпѣваетъ чрезъ это коренную метаморфозу. Пока это усвоеніе не станетъ полнымъ, — проникновеніе сознанія новыми элементами и разобщеніе элементовъ первичнаго „я“ не могутъ совершаться, не вызывая сильныхъ движеній въ нашемъ сознаніи, не подвергая его бурному потрясенію“¹⁾.

Идя далѣе, мы встрѣчаемся съ другими вопросами, на которые, къ сожалѣнію, не можемъ дать отвѣта;

1) Въ чемъ состоитъ физиологическая причина быстрыхъ и ре-

¹⁾ Гризингеръ, Душевные болѣзни. Это мѣсто представляетъ примѣръ прекраснаго анализа.

гулярныхъ измѣненій общаго чувства? На этотъ счетъ существуютъ одѣ лишь гипотезы: ссылки на состояніе сосудистой системы, на постановку тѣхъ или другихъ функцій и т. п.

2) Вслѣдствіе какихъ причинъ съ каждой формой общаго чувства соединяются только извѣстныя формы ассоціаціи съ исключеніемъ другихъ формъ ея? Объ этомъ мы ничего не знаемъ. Можно утверждать только то, что при періодическихъ амнезіяхъ сохраненіе или запечатлѣніе состояній остается въ сущности нетронутымъ, т. е. что извѣстныя измѣненія въ нервныхъ клеткахъ и динамическія ассоціаціи продолжаютъ при этомъ существовать (въ скрытномъ видѣ): поражается лишь способность къ оживленію (пробужденію) этихъ измѣненій и ассоціацій. Ассоціаціи здѣсь имѣютъ двѣ исходныя точки: состояніе **A** пробуждаетъ нѣкоторыя группы, но не способно пробудить другія; состояніе **B** дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи; но кромѣ того мы здѣсь находимъ и такія группы, которыя одинаково входятъ въ составъ обоихъ комплексовъ явленія, т. е. и состоянія **A**, и состоянія **B** (случай неполнаго раздвоенія памяти).

Въ результатъ, два фізіологическія состоянія, которыя, чередуясь, обусловливаютъ двоякое самоощущеніе, тѣмъ самымъ обусловливаютъ и двоякую форму ассоціаціи и, слѣдовательно, двоякую форму памяти.

Для полноты нашихъ замѣчаній не мѣшаетъ прибавить нѣсколько словъ о той естественной связи, которая устанавливается между одинаковыми, по своимъ отличительнымъ чертамъ, періодами амнезіи, въ особенности между отдѣльными приступами сомнамбулизма, несмотря на перерывы, иногда весьма продолжительныя, существующіе между этими періодами. Этотъ интересный во многихъ отношеніяхъ фактъ мы разсмотримъ здѣсь только относительно періодическаго и регулярнаго возврата однихъ и тѣхъ же воспоминаній. Какъ ни странно такое явленіе на первый взглядъ, оно однако же имѣетъ свое логическое основаніе и вполне согласуется съ нашимъ понятіемъ о „я“. Въ самомъ дѣлѣ, если, въ каждый данный моментъ, „я“ представляетъ собой ничто иное, какъ сумму наличныхъ сознательныхъ состояній и жизненныхъ отправленій, въ которыхъ скрываются корни нашего сознанія, то ясно, что всякій разъ, какъ этотъ фізіологическій и психическій комплексъ возстановляется въ извѣстной формѣ,—опять мы встрѣчаемъ тоже самое „я“, и опять пробуждаются тѣже самыя прежнія ассоціаціи. Во время каждаго сомнамбулическаго приступа образуется особое фізіологическое состояніе; внѣшнія чувства бывають замкнуты для большей части внѣшнихъ раздраженій, вслѣдствіе чего множество ассоціацій оказываются недоступными для возбужденія. Происходитъ упрощеніе умственной жизни, которая низводится почти до степени механическихъ условій. Очевидно, кромѣ того, что эти состоянія чрезвычайно сходны между собой, именно благодаря ихъ простотѣ, и въ тоже время рѣзко отличаются отъ состоянія бодрствованія.

Отсюда само собой понятно, что одинаковыя условія должны повлечь за собой и одинаковыя результаты, — что одни и тѣ же элементы даютъ здѣсь мѣсто однѣмъ и тѣмъ же комбинаціямъ и что здѣсь должны возбуждаться однѣ и тѣ же ассоціаціи съ непремѣннымъ исключеніемъ другихъ. Сомнамбулическіе приступы находятъ въ болѣзненномъ состояніи организма необходимыя условія для своего существованія, условія, которыя въ организмѣ здоровомъ или вовсе не встрѣчаются, или осипляются множествомъ другихъ, противоположныхъ имъ условій.

Въ здоровомъ и бодрственномъ состояніи, дѣйствительно, явленія сознанія слишкомъ разнообразны и слишкомъ многочисленны, для того чтобы одна и та же комбинація имѣла шансы повториться нѣсколько разъ. Однако въ нѣкоторыхъ странныхъ случаяхъ это встрѣчается, вслѣдствіе причинъ совершенно неизвѣстныхъ. „Одинъ священникъ“, говоритъ д-ръ Рейнольдсъ, „повидимому вполне здоровый, служилъ обѣдню въ воскресенье; онъ самъ выбралъ гимны и текстъ для пѣнія и произнесъ молитву сочиненную имъ на этотъ случай. Въ слѣдующее воскресенье онъ поступилъ буквально такимъ же образомъ, выбралъ тѣ же гимны, тотъ же текстъ, прочелъ ту же молитву и произнесъ ту же проповѣдь. Сойдя съ кафедры, онъ совершенно не помнилъ, что въ предъидущее воскресенье онъ говорилъ и поступалъ точно также. Это его сильно испугало и онъ долго опасался, что у него разовьется какая нибудь болѣзнь мозга, однако же этого не случилось. ¹⁾ Бываютъ примѣры, что опьянѣніе обуславливаетъ возвратъ одинаковыхъ воспоминаній, какъ это мы видимъ въ извѣстномъ случаѣ съ тѣмъ ирландскимъ комиссіонеромъ, который, въ пьяномъ видѣ потерявъ пакетъ, снова напился и тогда припомнилъ, гдѣ онъ оставилъ его.

Какъ мы уже говорили выше, періодическія амнезіи, какъ онѣ ни интересны, болѣе выясняютъ намъ природу „я“, чѣмъ природу памяти. Однако и въ нихъ есть нѣчто поучительное въ этомъ послѣднемъ отношеніи: мы еще вернемся къ нимъ въ слѣдующемъ параграфѣ.

III.

Прогрессивными называются тѣ амнезіи, которыя, путемъ упернаго и медленнаго процесса разрушенія, ведутъ къ полному уничтоженію памяти. Это опредѣленіе приложимо къ большей части всѣхъ подобныхъ случаевъ. Только въ видѣ исключенія болѣзненное состояніе иногда приостанавливается и дѣло не доходитъ до полного угасанія

¹⁾ Reynolds цит. Карпентеромъ, р. 144.

памяти. Течение болѣзни—весьма просто; какъ все, совершающееся исподволь, оно не бросается въ глаза, но за то оно — весьма поучительно, потому что, показывая намъ, какимъ путемъ дезорганизуется, распадается память, оно уясняетъ намъ, какимъ образомъ она организуется.

Намъ нѣтъ нужды ссылаться здѣсь на рѣдкіе, выдающіеся и исключительные случаи. Достаточно описать типъ этого болѣзненнаго состоянія, который отличается вообще большимъ постоянствомъ.

Первою причиною болѣзни бываетъ какое нибудь поврежденіе мозга съ послѣдствіями, постепенно усиливающимися (мозговое кровоизліяніе, апоплексія, размягченіе, общій параличъ, старческая атрофія и пр.) Въ начальномъ періодѣ этихъ амнезій существуютъ лишь частныя расстройства памяти. Больной страдаетъ часто повторяющейся забывчивостью, которая всегда касается недавнихъ фактовъ. Прервавъ на время какую нибудь свою работу, онъ быстро забываетъ о ней. Событія, случившіяся наканунѣ или третьягодня, полученное приказаніе, принятое рѣшеніе—все это немедленно изглаживается изъ памяти. Эта форма амнезій представляетъ заурядный симптомъ общаго паралича въ его начальномъ періодѣ. Заведенія помѣшанныхъ полны больными этой категоріи, которые на другой же день послѣ своего поступленія въ заведеніе утверждаютъ, что они находятся въ немъ уже годъ, даже — пять, десять лѣтъ; у этихъ больныхъ остается лишь смутное воспоминаніе о томъ, что они оставили свою семью и домъ; они не могутъ назвать ни текущаго дня недѣли, ни мѣсяца. Но воспоминаніе о томъ, что было сдѣлано и усвено ими до болѣзни, остается еще твердымъ и отчетливымъ. Всякому извѣстно, что и рѣзкое ослабленіе памяти въ старческомъ возрастѣ также касается преимущественно фактовъ недавнихъ.

На этомъ почти и кончаются данныя психологіи. Повидимому, она допускаетъ, что распаденіе памяти не слѣдуетъ никакому закону. Но сейчасъ мы приведемъ доказательства противнаго.

Для того, чтобы открыть упомянутый законъ, необходимо психологически прослѣдить теченіе слабоумія (*dementia*) ¹⁾. Какъ только періодъ предвѣстниковъ, о которомъ мы только-что говорили, миновалъ,—происходитъ общее и постепенное ослабленіе всѣхъ способностей, такъ что подъ конецъ индивидуумъ начинаетъ жить чисто растительною жизнью. Врачи различаютъ, смотря по причинамъ, разные виды слабоумія (старческое, паралитическое, эпилептическое и пр.). Для насъ такое раздѣленіе не имѣетъ никакой важности. Процессъ умственнаго разложенія остается въ сущности одинаковымъ, каковы бы

¹⁾ Терминъ „слабоуміе“ (*dementia*) мы употребляемъ здѣсь въ обыкновенномъ медицинскомъ (психіатрическомъ) смыслѣ, т. е. разумѣемъ подъ этимъ терминомъ извѣстное приобрѣтенное болѣзненное состояніе.

ни были его причины, и насъ интересуетъ единственно только это обстоятельство. Стало быть, передъ нами является такой вопросъ: замѣчается-ли, при этомъ процессѣ разложенія, какая либо законосообразность въ дѣлѣ утраты памяти?

Многіе психіатры, оставившіе намъ описанія случаевъ слабоумія, не останавливались надъ этимъ вопросомъ, не казавшимся для нихъ важнымъ. Тѣмъ болѣе значенія будетъ имѣть для насъ свидѣтельство этихъ врачей, если мы, сверхъ ожиданія, найдемъ у нихъ отвѣтъ на нашъ вопросъ. И въ самомъ дѣлѣ, отвѣтъ мы находимъ. Въ сочиненіяхъ лучшихъ авторовъ по психіатріи (Гризингеръ, Бальярже, Фальре, Фовилль и пр.), говорится, что амнезія, ограничивающаяся сперва недавними фактами, распространяется затѣмъ на идеи, далѣе—на чувствованія и привязанности и наконецъ—на поступки. Здѣсь мы встрѣчаемъ, слѣдовательно, достаточно данныхъ для вывода извѣстнаго закона, нужно только послѣдовательно рассмотреть эти различныя группы данныхъ.

1⁰. Наблюденіе, что постепенный упадокъ памяти касается прежде всего свѣжихъ фактовъ, такъ общеизвѣстно, что мы и не замѣчаемъ на сколько оно противорѣчитъ обычнымъ требованіямъ здраваго смысла. Всего естественнѣе было бы думать а priori, что факты, самые недавніе, воспоминанія, самыя близкія къ настоящему, суть наиболѣе отчетливы и ясны; въ нормальномъ состояніи такъ дѣйствительно и бываетъ. Но въ началѣ слабоумія происходитъ важное анатомическое разстройство: нервныя клѣтки начинаютъ перерождаться. Атрофирующіеся элементы не могутъ болѣе сохранять новыхъ впечатлѣній. Говоря точнѣе: какая либо новая модификація клѣтокъ и образованіе новыхъ ассоціацій дѣлаются невозможными или, по крайней мѣрѣ, не могутъ долго удерживаться. Анатомическихъ условій стойкости и оживленія измѣненій не достаетъ. Если фактъ—совершенно новъ, то онъ вовсе не отмѣчается въ нервныхъ центрахъ или же немедленно изглаживается ¹⁾. Если же фактъ представляетъ повтореніе предшествовавшихъ впечатлѣній, которыя еще не успѣли изгладиться, то больной относитъ его къ своему прошлому; обстоятельства, сопровождающія этотъ фактъ, быстро забываются и потому правильная локалізація его во времени становится невозможной. Но измѣненія, укоренившіяся въ нервныхъ элементахъ въ теченіе многихъ лѣтъ и успѣвшія уже организоваться, динамическія ассоціаціи и группы ассоціацій, повторявшіяся сотню и тысячу разъ, еще существуютъ, онѣ сильнѣе противостоятъ разрушенію. Такимъ образомъ и объясняется тотъ парадоксъ памяти, что новое въ ней умираетъ прежде стараго.

¹⁾ Въ одномъ случаѣ старческаго слабоумія больной въ теченіи четырнадцати мѣсяцевъ ни разу не могъ узнать своего врача, который посѣщалъ его ежедневно. (Pelmann, Archiv für Psychiatrie, 1864).

2° Но вскорѣ начинаетъ колебаться и та основа памяти, на которой до сихъ поръ больной могъ еще умственно жить. Умственныя пріобрѣтенія (научныя артистическія и профессиональныя свѣдѣнія, знаніе иностранныхъ языковъ и пр.) мало по малу утрачиваются. Личныя воспоминанія изглаживаются въ нисходящемъ (удаляющемся) порядкѣ прошедшаго. Послѣдними исчезаютъ воспоминанія дѣтства. Даже въ эпоху далеко подвинувшейся болѣзни еще припоминаются нѣкоторыя обстоятельства раннихъ лѣтъ жизни, пѣсенки, бывало, любимыя въ дѣтствѣ и т. п. Часто слабоумные забываютъ большую часть словъ роднаго языка. Нѣкоторыя выраженія случайно вспоминаются ими, но обыкновенно эти болыне повторяютъ автоматическимъ образомъ небольшой запасъ словъ, остающійся въ ихъ распоряженіи (Гризингеръ, Байльярже). Анатомическая причина этого постепеннаго умственного разложенія заключается въ атрофіи, которая поражаетъ мало по малу сначала корковое, а потомъ—и бѣлое вещество головного мозга, производя жировое и атероматозное перерожденіе нервныхъ клѣтокъ, нервныхъ волоконъ и капилляровъ мозга.

3° Лучшіе наблюдатели замѣтили, что „аффективныя способности угасаютъ гораздо медленнѣе, чѣмъ умственныя“. На первый взглядъ кажется страннымъ, что такія смутныя состоянія, какъ чувствованія, оказываются болѣе стойкими, чѣмъ идеи и вообще—умственныя (интеллектуальныя) состоянія. Но, поразмысливъ, мы убѣждаемся, что именно чувствованія представляютъ въ насъ нѣчто самое глубокое, самое сокровенное и самое живучее. Между тѣмъ какъ вся сумма нашихъ знаній, наша интеллигенція, есть нѣчто пріобрѣтенное и какбы существующее внѣ насъ, — наши чувствованія врождены намъ. Разсматриваемыя въ ихъ источникѣ, независимо отъ утонченныхъ и сложныхъ формъ, которыя они могутъ принимать, чувствованія служатъ непосредственнымъ и постояннымъ выраженіемъ нашей организаціи. Наши внутренности, мышцы, кости,—все, до послѣднихъ элементовъ нашего тѣла, содѣйствуетъ, съ своей стороны, образованію чувствованій. Наши чувствованія, это—мы сами: амнезія нашихъ чувствованій, это — забвеніе нами самихъ себя. Стало быть, нѣтъ ничего не логичнаго въ томъ, что подобная амнезія обнаруживается только въ ту эпоху, когда дезорганизація умственной жизни достигаетъ высшей своей степени и личность человѣка начинаетъ уже, такъ сказать, распадаться на обломки.

4° Долѣе всего сохраняются тѣ пріобрѣтенія памяти, которыя успѣли почти вполне организовать: обиходная рутина человѣка, его привычки, усвоенныя съ давнихъ поръ. Многіе слабоумные могутъ еще безъ посторонней помощи вставать утромъ и одѣваться, — въ свое время принимать пищу и ложиться спать, — заниматься ручными работами и играть въ карты и другія игры, иногда даже съ замѣча-

тельною ловкостью, въ то время, когда уже навсегда бѣваютъ утрачены и разсудокъ, и воля, и привязанности. Эта автоматическая дѣятельность, предполагающая только минимумъ сознательной памяти, принадлежитъ къ той низшей формѣ проявленій памяти вообще, для которой оказываются необходимыми только мозговые узлы, продолговатый мозгъ и спинной мозгъ.

И такъ, постепенное разрушеніе памяти слѣдуетъ логическому ходу, извѣстному закону. Память утрачивается постепенно, начиная съ неустойчиваго и кончая стойкимъ. Дѣло разрушенія начинается съ недавнихъ воспоминаній, которыя будучи плохо укорененными въ нервныхъ элементахъ, рѣдко воспроизводимы и, слѣдовательно, — слабо ассоціированными съ другими состояніями памяти, представляютъ организацію на самой низкой ступени ея развитія. Кончается же это дѣло памятью чувственною, инстинктивною, которая, глубоко укоренившись въ организмѣ и сдѣлавшись какъ бы частью его или болѣе того — самимъ организмомъ, представляетъ организацію на самой высокой ея ступени. Съ начальнаго предѣла до предѣла конечнаго, теченіе амнезіи, регулируемое природою вещей, слѣдуетъ линіи наименьшаго сопротивленія, т. е. наименьшей организаціи. Такимъ образомъ патологія вполне подтверждаетъ сказанное нами выше о памяти: „это — процессъ организаціи въ различныхъ его степеняхъ, лежащихъ между двумя крайними границами: новымъ состояніемъ и органическимъ запечатлѣніемъ“.

Вышеупомянутый законъ, который я назову закономъ обратнаго развитія памяти (*loi de régression ou de réversion*), по моему мнѣнію, вытекаетъ изъ фактовъ и представляется уму самъ собою. Однако же, мнѣ думается, что для разсѣянія возможныхъ сомнѣній и предупрежденія всякихъ возраженій, было бы кстати проверить этотъ законъ посредствомъ контрольнаго наблюденія.

Если память, при своемъ распаденіи, неизмѣнно слѣдуетъ только что указанному нами пути, то, при своемъ возстановленіи, она должна слѣдовать противоположному пути: формы памяти, исчезающія послѣдними, должны вновь появляться первыми, такъ какъ онѣ — наиболѣе стойки, и возстановленіе ихъ должно совершаться въ восходящемъ порядкѣ.

Довольно трудно отыскать убѣдительные случаи, подтверждающіе это ожиданіе. Прежде всего необходимо, чтобъ это были случаи самостоятельнаго возстановленія памяти. Случаи же перевоспитанія больныхъ доказываютъ мало. Къ тому же, рѣдко бываетъ, чтобъ за прогрессивными амнезіями слѣдовало выздоровленіе. Наконецъ, такъ какъ на занимающій насъ вопросъ до сихъ поръ не обращалось вниманія, то и документовъ по этому вопросу не достааетъ. Врачи, гораздо болѣе занимаясь другими симптомами, обыкновенно ограничиваются, въ

подобныхъ случаяхъ, коротенькою отмѣткою, что „память мало по малу возвращается“.

Въ своемъ опытѣ (Essai), цитированномъ выше, Люйе Вилдерме замѣчаетъ, что „когда память восстанавливается, то она слѣдуетъ, при своемъ возрожденіи, порядку, обратному тому, который наблюдается при ея исчезаніи; порядокъ этотъ: факты, имена прилагательныя, существительныя, собственныя“. Немногое можно извлечь изъ этой довольно неясной замѣтки. Но вотъ—замѣтка, болѣе ясная.

„Недавно наблюдали въ Россіи, что одинъ знаменитый астрономъ постепенно забывалъ: сперва—событія недавнихъ дней, потомъ — текущаго года, потомъ — нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ и т. д.; этотъ пробѣлъ памяти все расширялся, пока наконецъ у больного не остались только воспоминанія о дѣтствѣ. Этого человѣка считали погибшимъ. Но болѣзнь внезапно остановилась и начался неожиданный возвратъ воспоминаній; пробѣлъ заполнялся въ обратномъ направленіи: первыми возвратились воспоминанія юности, потомъ—зрѣлаго возраста, за нимъ—воспоминанія о событіяхъ недавнихъ, наконецъ — объ обстоятельствахъ вчерашняго дня. Незадолго до своей кончины этотъ человѣкъ обладалъ полною памятью ¹⁾“.

Слѣдующее наблюденіе — еще обстоятельнѣе. Оно отмѣчалось съ часу на часъ. Выписываю большую часть этого дневника ²⁾.

„Сперва я долженъ отмѣтить нѣкоторыя подробности, которыя сами по себѣ не имѣютъ большаго значенія, но которыя необходимо знать, потому что онѣ находятся въ связи съ замѣчательнымъ явленіемъ. Въ послѣдніе дни ноября одинъ офицеръ нашего полка натеръ сапогомъ лѣвую ногу. 30 ноября онъ отправился въ Версаль повидаться со своимъ братомъ. Тамъ онъ обѣдалъ, въ тотъ же вечеръ вернулся въ Парижъ и дома нашель у себя на столѣ письмо своего отца.

„Теперь излагаю самый фактъ. 1 декабря этотъ офицеръ былъ въ манежѣ и во время ѣзды уналъ вмѣстѣ съ лошадью на правый бокъ, причемъ сильно ударился о землю правымъ теменемъ. За этимъ сотрясеніемъ послѣдовало легкое обморочное состояніе. Очнувшись, онъ снова сѣлъ на лошадь „чтобы разсѣять остатокъ оглушенія“ и занимался верховой ѣздой въ теченіи $\frac{3}{4}$ часа, при чемъ ѣздилъ совершенно правильно. Однако отъ времени до времени онъ спрашивалъ конюха: „Что такое со мной случилось? Я словно только что проснулся“. Потомъ его отвели домой.

„Меня позвали къ этому больному. Онъ встрѣтилъ меня стоя, узналъ меня, поздоровался, какъ всегда, и спросилъ: „Я словно только

¹⁾ Тэнъ, „Объ умѣ и Познаніи“, т. I, кн. II, гл. II, §*4.

²⁾ „Observation sur un cas de perte de memoire“ Кемперена въ Mèmoires de l'Academie de medicine, 1835, t. IV, p. 489. Указаніемъ на это интересное наблюденіе я обязавъ д-ру Ritti врачу шарантонскаго пріюта.

что проснулся. Что такое сонно случилось?—Онъ говорилъ свободно, давалъ правильные отвѣты на многіе вопросы и жаловался только на тяжесть головы.

„Несмотря однако же на мой распросъ, а также—конюха и слуги, онъ не могъ припомнить ни того, какъ онъ натеръ ногу, ни своей поѣздки въ Версаль, ни того, какъ онъ утромъ вышелъ изъ дому, ни приказаній, которыя онъ отдавалъ слугѣ, уходя въ манежъ, ни паденія съ лошадыю, ни всего послѣдующаго. Онъ отлично узнавалъ всѣхъ, называлъ каждаго по имени, зналъ, что онъ самъ офицеръ, что онъ дежуритъ тогда-то и т. д.

„Каждый разъ, какъ я къ нему приходилъ (а навѣщалъ я его каждый часъ), ему казалось, что я пришелъ впервые въ этотъ день. Онъ не помнилъ ни одного изъ моихъ предписаній, которыя однако исполнялись имъ (ножныя ванны, растиранья и пр.). Однимъ словомъ, для него не существовало ничего кромѣ даннаго момента.

„Черезъ 6 часовъ послѣ происшествія въ манежѣ пульсъ началъ подниматься и больной наконецъ запомнилъ тотъ отвѣтъ, который былъ ему сотни разъ подсказываемъ; о паденіи съ лошади.

„Черезъ 8 часовъ послѣ этого паденія пульсъ еще усилился: больной припоминаетъ, что я былъ у него сегодня одинъ разъ.

„Спустя еще 2¹/₂ часа пульсъ вернулся къ нормѣ. Больной уже не забываетъ того, что ему сказано. Теперь онъ помнитъ о поврежденіи своей ноги и начинаетъ припоминать также, что наканунѣ былъ въ Версали; однако онъ говоритъ это нерѣшительно и сознается, что еслибы ему утверждали противное, то онъ и тому охотно повѣрилъ бы. Съ постепеннымъ возвращеніемъ памяти, больной вечеромъ могъ уже яено вспомнить о своей поѣздкѣ въ Версаль. Но въ этотъ день возвратъ памяти дальше не двинулся. Больной легъ спать,, не будучи въ состояніи припомнить того, что дѣлалъ въ Версали, какъ вернулся въ Парижъ и какъ получилъ письмо отъ отца.

„2 декабря. Проспавъ спокойно всю ночь, больной тотчасъ по пробужденіи вспомнилъ, что дѣлалъ въ Версали, какъ вернулся оттуда и какъ нашелъ на столѣ письмо соего отца. Но все видѣнное и слышанное 1-го декабря больной и до сихъ поръ не знаетъ, т. е. не можетъ припомнить самъ, а знаетъ только черезъ свидѣтелей.

„Эта потеря памяти, какъ говорятъ математики, была обратно пропорціональна времени, истекшему между дѣйствіями и моментомъ паденія; а возвращеніе памяти происходило въ опредѣленномъ порядкѣ, начиная отъ самыхъ дальнихъ и подвигаясь къ самымъ близкимъ событіямъ“.

Можно-ли желать еще болѣе доказательнаго наблюденія, чѣмъ это, записанное вѣдѣніе какой либо системы, человѣкомъ, который, очевидно, былъ весьма удивленъ совершившимся на его глазахъ фак-

томъ? На самомъ дѣлѣ, здѣсь идетъ рѣчь о временной и ограниченной амнезіи, но мы видимъ, что законъ подтверждается даже въ этихъ узкихъ границахъ. Я сожалею, что не могу представить читателю побольше фактовъ въ этомъ родѣ, не смотря на всѣ старанія разыскать ихъ. Но я надѣюсь, что найдется много подобныхъ случаевъ, если только вниманіе наблюдателей будетъ обращено на этотъ вопросъ.

Такимъ образомъ нашъ законъ, выведенный изъ фактовъ и проверенный контрольными наблюденіями, можетъ считаться справедливымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ представлены доказательства противнаго. Въ пользу же его говорятъ и нѣкоторыя другія соображенія.

Какъ ни велико общее значеніе этого закона относительно памяти, самъ онъ въ сущности является лишь частнымъ случаемъ еще болѣе общаго закона—закона біологическаго. Вѣдь это—фактъ общезвѣстный, что, въ проявленіяхъ жизни вообще тѣ, органическія образованія, которыя появляются на свѣтъ послѣдними, подвергаются перерожденію (дегенераціи) прежде другихъ. Одинъ фізіологъ сравниваетъ это явленіе съ крупными коммерческими кризисами. Старинныя фирмы противостоятъ бурѣ, тогда какъ новыя, менѣе солидныя, рушатся отъ нея со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, въ порядкѣ біологическомъ, разрушеніе совершается всегда въ направленіи, обратномъ ходу развитія: оно идетъ отъ сложнаго къ простѣйшему. Хайлингсъ Джэксонъ первый подробно доказалъ, что высшія, наиболѣе сложныя, спеціальныя, произвольныя отправленія нервной системы исчезаютъ первыми, отправленія же низшія, простѣйшія, общія, автоматическія, исчезаютъ послѣдними. Въ процессѣ разрушенія памяти мы также подтвердили эти два факта: новое погибаетъ здѣсь прежде стараго, сложное — прежде простаго. Сформулированный нами законъ, слѣдовательно,—ничто иное, какъ психологическое выраженіе закона жизни, и патологія, въ свою очередь, показываетъ намъ въ болѣзняхъ памяти біологическій фактъ.

Изученіе періодическихъ амнезій пролило нѣкоторый свѣтъ на нашу задачу. Показывая намъ, какъ образуется и разлагается память, оно помогаетъ намъ понять: что такое память? Оно открыло намъ законъ, который позволяетъ на первыхъ порахъ ориентироваться среди многочисленныхъ болѣзненныхъ разновидностей и дать намъ впоследствии возможность подвести всѣ эти разновидности подъ одну общую точку зрѣнія.

Не пытаясь на преждевременные выводы, припомнимъ то, что мы видѣли выше: прежде всего и во всѣхъ случаяхъ амнезіи — исчезновеніе свѣжихъ воспоминаній; при періодическихъ амнезіяхъ—исчезаніе всѣхъ формъ памяти, за исключеніемъ полу-организованныхъ и органическихъ; при полныхъ временныхъ амнезіяхъ — полное исчезновеніе памяти, за исключеніемъ органическихъ формъ ея: въ одномъ случаѣ

(Мэкниша)—полная утрата памяти, со включеніемъ и органическихъ формъ. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что частныя разстройства памяти управляются тѣмъ же самымъ закономъ обратнаго развитія, въ особенности, если дѣло коснется самой важной группы этихъ разстройствъ: амнезій рѣчи.

Допустивъ законъ обратнаго развитія памяти, остается лишь опредѣлить, какъ онъ дѣйствуетъ. Я буду кратокъ въ моемъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, потому что могу предложить однѣ лишь гипотезы.

Было бы очень наивнымъ—предполагать, что воспоминанія отлагаются въ мозгу слой за слоемъ, по порядку давности, въ родѣ почвенныхъ наслоеній, и что болѣзнь, спускаясь отъ поверхности въ болѣе глубокіе слои, дѣйствуетъ подобно экспериментатору, который послонно удаляетъ мозгъ животнаго. Чтобы объяснить ходъ болѣзненнаго процесса, намъ необходимо прибѣгнуть къ гипотезѣ, предложенной выше относительно физическихъ основъ памяти. Я напому эту гипотезу въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ высшей степени вѣроятно, что воспоминанія занимаютъ тѣ же анатомическія области, какъ и первичныя впечатлѣнія и требуютъ участія тѣхъ же нервныхъ элементовъ (кѣтокъ и волоконъ). Эти послѣдніе могутъ занимать весьма различныя мѣста, начиная отъ коркового вещества головного мозга и кончая спиннымъ мозгомъ. Сохраненіе и воспроизведеніе воспоминаній зависятъ 1) отъ извѣстной модификаціи кѣтокъ и 2) отъ образованія болѣе или менѣе сложныхъ группъ, которыя мы назвали динамическими ассоціаціями. Таковы для насъ—физическія основы памяти.

Первичныя пріобрѣтенія памяти, получаемыя человекомъ въ дѣтствѣ, отличаются наибольшей простотой: это суть образованіе вторичныхъ автоматическихъ движеній и воспитаніе нашихъ чувствъ. Они зависятъ главнымъ образомъ отъ продолговатаго мозга и низшихъ центровъ головного мозга; извѣстно, что въ эту эпоху жизни корковое вещество мозга развито еще несовершенно. Независимо отъ простоты, эти пріобрѣтенія имѣютъ всѣ шансы сдѣлаться наиболѣе стойкими. Во первыхъ, впечатлѣнія получаютъ дѣйственными элементами. Питаніе совершается чрезвычайно дѣятельно; а это непрестанное молекулярное возобновленіе способствуетъ только большому укорененію впечатлѣній; точное замѣщеніе новыми молекулами прежнихъ содѣйствуетъ тому, что пріобрѣтенное расположеніе нервныхъ элементовъ въ концѣ концовъ становится равнозначнымъ врожденному расположенію. Сверхъ того, динамическія ассоціаціи, образовавшіяся между этими элементами, достигаютъ степени полнаго сліянія, благодаря безчисленнымъ повтореніямъ. Стало быть, очевидно, что эти первыя пріобрѣтенія должны и лучше сохраняться, и легче воспроизводиться чѣмъ

всякія другія, и что они образуютъ наиболѣе прочную форму памяти.

До тѣхъ поръ пока взрослый индивидуумъ остается здоровымъ, впечатлѣнія и новыя ассоціаціи у него все еще обладаютъ большими шансами на устойчивость, хотя и оказываются уже гораздо болѣе сложными, чѣмъ у дитяти. Исчисленныя нами причины и здѣсь продолжаютъ дѣйствовать, хотя и съ меньшею силою.

Но если, благодаря возрасту или болѣзни, условія измѣняются, если жизненныя отправленія, въ особенности питаніе, слабѣютъ, расходъ организма становится чрезмѣрнымъ, то впечатлѣнія дѣлаются неустойчивыми, ассоціаціи—слабыми. Возьмемъ примѣръ. Представимъ себѣ человѣка въ томъ періодѣ прогрессивной амнезіи, когда недавнія обстоятельства очень быстро забываются. Человѣкъ этотъ слышитъ какой нибудь рассказъ, или видитъ пейзажъ, или находится въ спектаклѣ. Психическое явленіе такого рода сводится въ конечномъ анализѣ къ суммѣ звуковыхъ или зрительныхъ впечатлѣній, образующихъ извѣстныя, очень сложныя группы. Въ новомъ рассказѣ или новомъ пейзажѣ, обыкновенно, ново бываетъ только одно: группировка ассоціацій. Звуки, формы, цвѣта, служащіе матеріаломъ для этой ассоціаціи, въ сущности уже были испытаны и воспоминаемы много разъ въ теченіе жизни. Но, благодаря болѣзненному состоянію мозга, эта новая группировка данныхъ не можетъ запечатлѣться въ немъ: элементы, составляющіе ее, участвуютъ въ другихъ гораздо болѣе стойкихъ группахъ и ассоціаціяхъ, которыя образовались въ здоровый періодъ жизни и повторялись много и много разъ. Конечно, между новою группировкою, слабо клонящейся къ установкѣ, и старыми ассоціаціями, крѣпко утвердившимися, борьба выходитъ очень неравная. Такимъ образомъ существуютъ всевозможныя шансы за то, что эти старыя сочетанія не только опять пробудятся впоследствии, но даже займутъ мѣсто новыхъ.

Этихъ указаній достаточно. Замѣтимъ впрочемъ, что наша гипотеза о причинахъ прогрессивной амнезіи имѣетъ второстепенную важность. Будетъ ли она принята, или нѣтъ, значеніе нашего закона отъ этого не измѣнится.

IV.

О врожденныхъ амнезіяхъ можно сказать немного и я упоминаю о нихъ только для полноты. Онѣ встрѣчаются у идіотовъ, у слабоумныхъ отъ рожденія и въ меньшей степени—у кретиновъ.

Большая часть этихъ больныхъ страдаетъ общей слабостью памяти. Разнясь, смотря по индивидуумамъ, память, у нѣкоторыхъ

можетъ находиться на такой низкой ступени развитія, что усвоеніе и сохраненіе даже самыхъ простыхъ привычекъ, составляющихъ повседневную рутину жизни, становятся совершенно невозможными.

Но если общее ослабленіе памяти является здѣсь своего рода правиломъ, то на практикѣ мы встрѣчаемъ частыя исключенія изъ этого правила. Многіе изъ этихъ несчастныхъ обладаютъ, конечно, — въ какомъ нибудь ограниченномъ отношеніи, весьма замѣчательной памятью.

Наблюдали, что у многихъ идиотовъ и слабоумныхъ, внѣшнія чувства поражаются весьма неравномѣрно: такъ напр. слухъ можетъ отличаться тонкостью и точностью первостепенными, въ то время какъ другія чувства притуплены. Остановка развитія не бываетъ однообразною во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому неудивительно, что общее ослабленіе памяти иногда существуетъ одновременно съ развитіемъ и даже гипертрофіей какой нибудь частной памяти. Такъ, нѣкоторые идиоты, недоступные всякимъ другимъ впечатлѣніямъ, имѣютъ особенный вкусъ къ музыкѣ и способны запоминать длинныя аріи, которыя они слышали не болѣе одного раза. Другіе (этотъ случай встрѣчается рѣже) обладаютъ особенно развитою памятью формъ и цвѣтовъ, отличаются извѣстной способностью къ рисованію. Чаше встрѣчаютъ у идиотовъ память на цифры, числа, имена собственные, вообще на слова. „Одинъ слабоумный помнилъ день и число каждаго погребенія въ его приходѣ за тридцать пять лѣтъ. Онъ могъ съ непогрѣшимой точностью назвать имя и лѣта умершихъ и людей, участвовавшихъ въ похоронной процессіи. Но, за исключеніемъ этого синодика, онъ не зналъ ничего, у него не было ни одной идеи, онъ не могъ отвѣтить ни на одинъ вопросъ и не могъ даже самъ ѣсть“. — Нѣкоторые идиоты, которые не могутъ сдѣлать самыхъ элементарныхъ вычисленій, повторяютъ наизусть безъ запинки всю таблицу умноженія. Другіе произносятъ наизусть цѣлыя страницы, заученныя по слуху, и не могутъ запомнить и узнавать на взглядъ ни одной буквы азбуки.

Дробишъ рассказываетъ слѣдующій фактъ, котораго онъ былъ очевидцемъ: полу-идиотъ—мальчикъ, тринадцати лѣтъ, съ большимъ трудомъ выучился читать. Однако онъ съ удивительной легкостью запоминалъ порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ слова и буквы. Если онъ прѣбѣгалъ глазами страницу, напечатанную на неизвѣстномъ ему языкѣ или трактующую о неизвѣстныхъ ему предметахъ, то онъ могъ потомъ на память сложить всѣ слова, такъ какъ бы книга оставалась передъ нимъ открытой ¹⁾. Существованіе подобныхъ частныхъ памятей—на-

¹⁾ Drobisch, Empirische Psychologie, p. 95. Winslow (loc. cit., p. 561). Falret, Amnésie, Dictionn. encyclop. des sciences méd. Д-ръ Герценъ сообщаетъ мнѣ объ одномъ русскомъ изъ Архангельска, который въ настоящее время достигъ 27-ми лѣтняго возраста; онъ страдаетъ слабоуміемъ, развившимся вслѣдствіе излишествъ.

столько общезвѣстный фактъ, что имъ даже пользуются при воспитаніи идіотовъ и слабоумныхъ ²⁾).

Слѣдуетъ еще замѣтить, что у нѣкоторыхъ идіотовъ, если они заболѣвали маніей или другой острой болѣзнию, наблюдали временное возвращеніе памяти. Такъ напр. „одинъ идіотъ въ припадкѣ неистовства разсказалъ довольно сложный фактъ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ задолго передъ тѣмъ и который, повидимому, не произвелъ тогда на него ни малѣйшаго впечатлѣнія“ ³⁾).

При врожденныхъ амнезіяхъ поучительны исключенія изъ общаго правила. Законъ же только подтверждаетъ ту общезвѣстную истину, что память зависитъ отъ конституціи (сложенія) мозга, а эта конституція у идіотовъ и слабоумныхъ оказывается ненормальною. Но образованіе описанныхъ формъ ограниченной, частной памяти помогаетъ намъ понять нѣкоторыя разстройства, о которыхъ мы еще не говорили. Я—склоненъ думать, что методическое изученіе того, что наблюдается у идіотовъ, быть можетъ, позволило бы открыть анатомическія и физиологическія условія памяти. Къ этому мы вернемся въ слѣдующей главѣ.

Отъ блестящихъ способностей, которыми онъ отличался въ ранней юности, сохранилась лишь необыкновенная память, такъ что человѣкъ этотъ можетъ дѣлать въ умѣ самыя трудныя ариѳметическія и алгебраическія вычисленія и повторять слово въ слово самыя длинныя стихотворенія, прочитавъ или услыхавъ ихъ всего одинъ разъ. (См. объ этомъ самомъ случаѣ въ Проток. С.-Петербур. Общ. Психіатр. за 1880 г., помѣщ. въ Сб. соч. по суд. мед., психіатр. и проч., 1881 г. изд. Мед. Деп. М. В. Д. Ред.).

²⁾ См. Freland, On Idiocy and Imbecility. London, 1877. Айрлендъ, Идіотизмъ и тупоуміе, перев. д-ра Томашевскаго, Спб. 1880.

³⁾ Гривингеръ, loc. cit. p. 731.

Глава третья.

Ч А С Т Н Ы Я А М Н Е З И И.

Изученію частныхъ амнезій необходимо предпослать нѣсколько замѣчаній о разновидностяхъ памяти. Безъ этихъ предварительныхъ замѣчаній, факты, которые мы здѣсь приведемъ, могутъ показаться необъяснимыми и даже до нѣкоторой степени чудесными. Когда человекъ теряетъ только память словъ или забываетъ одинъ какой нибудь языкъ, помня въ то же время другіе, или когда давно забытый языкъ внезапно вспоминается, или когда человекъ лишается музыкальной памяти, и только—лишь ея одной, то съ перваго взгляда всѣ эти явленія кажутся до такой степени странными, что если бы они не были констатированы самими точными наблюдателями, то ихъ можно было бы считать просто—баснями.

Напротивъ, если мы составили себѣ ясное понятіе о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ память, то все чудесное въ этихъ фактахъ исчезаетъ и они, вовсе не поражая насъ, представляются намъ вполне естественнымъ и логическимъ слѣдствіемъ какого нибудь бо-
лѣзненнаго вліянія.

Употребленіе слова „память“ въ смыслѣ общаго термина — безусловно справедливо, слово это означаетъ свойство, общее всѣмъ чувствующимъ и мыслящимъ существамъ, а именно: возможность сохранять и воспроизводить впечатлѣнія. Однако исторія психологіи показываетъ, что люди слишкомъ склонны забывать, что реальное выраженіе этого общаго термина, какъ и всѣхъ другихъ, надо искать лишь въ частныхъ случаяхъ; что память слагается изъ памятей, также какъ жизнь организма слагается изъ жизни органовъ, тканей, анатомическихъ элементовъ, составляющихъ его. „Старая ошибка которая еще до сихъ поръ встрѣчается,—стремленіе считать память какою-то отдѣльною способностью или какимъ-то независимымъ отправленіемъ, имѣющимъ свой собственный органъ или особое мѣстонахожденіе,—зависитъ, говоритъ одинъ современный психологъ, отъ неизлечимой тенденціи олицетворять отвлеченныя понятія. Въмѣсто того чтобы признать, что слово память есть сокращенное выраженіе для обозначенія того, что свой-

ственно всѣмъ конкретнымъ фактамъ воспоминанія или суммѣ подобныхъ фактовъ, — многіе авторы приписываютъ памяти какое-то независимое существованіе“ ¹⁾).

Въ то время, какъ ежедневный опытъ уже давно доказалъ естественное неравенство различныхъ формъ памяти у одного и того же лица, психологи не хотѣли обратить вниманія на этотъ фактъ или просто отрицали его изъ предубѣжденія. Дюгальдъ Стюартъ серьезно утверждаетъ „что эти различія поражающія насъ, должны быть большею частью отнесены на счетъ различія привычекъ, существующихъ относительно употребленія вниманія, или на счетъ того выбора, который умъ дѣлаетъ изъ явленій и вещей, привлекающихъ его вниманіе“ ²⁾).

Галль первый возсталъ противъ вышеупомянутой тенденціи и началъ приписывать каждой способности отдѣльную память, отвергая существованіе памяти, какъ способности независимой ³⁾).

Современная психологія, болѣе заботясь, чѣмъ старая, ничего не упуститъ изъ виду и болѣе обращающая вниманіе на исключенія, которыя кое-чему научаютъ, собрала значительное количество фактовъ, которые не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ природномъ неравенствѣ различныхъ видовъ памяти у одного и того же индивидуума. Многочисленные и превосходные примѣры этого находимъ у Тэна. Вспомнимъ художниковъ въ родѣ Гораса Верне и Густава Дорэ, которые могутъ рисовать портреты на память, — шахматистовъ, которые, не смотря на доски, ведутъ нѣсколько партій разомъ, — счетчиковъ въ родѣ Зераха Колльбарна, которые „мысленно видятъ свои вычисленія передъ глазами“ ⁴⁾), — того субъекта, о которомъ рассказываетъ Льюисъ и который „пройдя одинъ разъ по улицѣ, длиной въ $\frac{1}{2}$ мили, могъ затѣмъ по порядку перечислить всѣ магазины этой улицы“; вспомнимъ Моцарта, который положилъ на ноты *Miserere* Сикстинской капеллы, прослушавъ эту пьесу всего два раза.

За дальнѣйшимъ подробностями я отсылаю читателя къ спеціальнымъ сочиненіямъ ⁵⁾), не желая болѣе здѣсь касаться этого вопроса. Для меня — достаточно, если читатель убѣжденъ, что неравенства памяти дѣйствительно существуютъ. Посмотримъ же, какъ они объясняются; впоследствии мы увидимъ, что они объясняются, въ свою очередь.

Что предполагаютъ подобныя частныя памяти? — Особенное разви-

¹⁾ Lewes, Problems of life and Mind, 5 vol. p. 119.

²⁾ Philosophie de l'esprit humain, t. I, p. 310.

³⁾ Gall, Fonctions du cerveau, t. I.

⁴⁾ Я имѣлъ случай замѣтить, что многіе счетчики при вычисленіяхъ наизусть не видятъ передъ собой свои цифры но «слышатъ» ихъ. Для нашего положенія безразлично будутъ ли образы звуковые или зрительные.

⁵⁾ Тэнъ, Объ умѣ, т. 1, ч. 1., кн. II, гл. I, § 1. Luys, Le cerveau et ses fonctions, p. 120. Lewes, loc. cit.

тіе того или другаго ви́шняго чувства и отличное анатомическое сложеніе соотвѣтственнаго послѣднему органа.

Для ясности возьмемъ частный случай: хорошую зрительную память. Необходимымъ условіемъ ея является хорошее строеніе глаза, зрительнаго нерва и частей мозга, участвующихъ въ актѣ зрѣнія, т. е. (согласно общепринятымъ анатомическимъ свѣденіямъ) извѣстныхъ частей Вароліева моста, мозговыхъ ножекъ, зрительныхъ бугровъ и полушарій большого мозга. Строеніе этихъ частей, будучи, согласно гипотезѣ, выше средняго уровня, дѣлаетъ ихъ прекрасно приспособленными къ воспринятію и передачѣ зрительныхъ впечатлѣній. Вслѣдствіе этого модификаціи (измѣненія), претерпѣваемая нервными элементами, и динамическія ассоціаціи, образующіяся между этими послѣдними (а въ этихъ ассоціаціяхъ, какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, и заключаются основы памяти) должны быть болѣе стойкими, болѣе отчетливыми и болѣе способными къ оживленію (воспроизведенію), чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ какомъ нибудь другомъ мозгу. Слѣдовательно, сказать, что у такого-то зрительнаго органа хорошее анатомическое и фізіологическое сложеніе значитъ сказать, что органъ этотъ представляетъ условія хорошей зрительной памяти.

Можно пойти еще дальше и замѣтить, что выраженіе: „хорошая зрительная память“—все еще слишкомъ широко. Развѣ всѣдневное наблюденіе не подтверждаетъ, что одинъ человѣкъ лучше запоминаетъ формы, другой—цвѣта? Весьма вѣроятно, что первая разновидность зрительной памяти зависитъ главнымъ образомъ отъ мышечной чувствительности глаза, а вторая—отъ чувствительности сѣтчатки и нервныхъ аппаратовъ, соединенныхъ съ послѣднею.

Тѣже замѣчанія примѣнимы къ чувствамъ—слуха, обонянія, вкуса и къ тѣмъ различнымъ формамъ чувствительности, которыя носятъ общее названіе чувства осязанія, словомъ — ко всѣмъ чувственнымъ воспріятіямъ.

Если подумать о тѣсной связи, существующей между чувствованіями, волненіями, чувствительностью вообще и тѣлеснымъ сложеніемъ каждаго человѣка, если принять во вниманіе, насколько эти психическія состоянія зависятъ отъ органовъ животной жизни, то не трудно понять, что эти органы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ играютъ для чувствованій ту же роль, какъ органы чувствъ—для воспріятій. Вслѣдствіе различій тѣлосложенія, передаваемые мозгу впечатлѣнія могутъ быть слабыми, сильными, стойкими, мимолетными: этимъ дано столько же условій, измѣняющихъ память чувствованій. Преобладаніемъ развитія одной какой либо системы органовъ (напр. половыхъ) обусловливается и преобладаніе группы соотвѣтствующихъ ей воспоминаній.

Остаются психическія состоянія высшаго порядка: отвлеченныя идеи и сложныя чувствованія. Ихъ нельзя поставить въ непосред-

венную зависимость отъ того или другаго органа; мѣсто ихъ образованія и воспроизведенія—до сихъ поръ еще неопредѣлено. Но такъ какъ и они, безъ всякаго сомнѣнія, являются слѣдствіемъ ассоціаціи или диссоціаціи первичныхъ состояній, то нѣтъ причины предполагать, что относительно ихъ явленія происходятъ иначе.

Все сказанное выше можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: неодинаковое развитіе виѣшнихъ чувствъ и различныхъ органовъ у одного и того же человѣка производитъ неодинаковыя модификаціи въ соответствующихъ частяхъ нервной системы, отсюда—неодинаковыя условія для образованія различнаго рода воспоминаній, отсюда, слѣдовательно, —и разновидности памяти. Весьма вѣроятно, что неравенство различныхъ формъ памяти у одного и того же человѣка надо считать правиломъ, а не исключеніемъ. Такъ какъ у насъ нѣтъ точныхъ способовъ для измѣренія и сравненія этихъ формъ между собой, то только-что высказанное положеніе, конечно, остается простою догадкою, но, какъ бы то ни было, мы не можемъ отказаться отъ мысли, что далеко не всѣ случаи упомянутого неравенства констатируются въ настоящее время, а только тѣ, которые отличаются значительной непропорціональностью.—Антагонизмъ, существующій между различными формами памяти, могъ бы послужить также косвеннымъ доказательствомъ нашего положенія: въ этомъ направленіи можно было бы сдѣлать весьма любопытныя изысканія, но они не входятъ въ рамки нашей задачи. ¹⁾—Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе также и на влияніе воспитанія. Несомнѣнно, что на счетъ воспитанія должно быть отнесено многое, но во всякомъ случаѣ воспитаніе только примѣняется къ тѣмъ дарамъ, которые субъектъ получаетъ отъ природы и кромѣ того извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно не могло играть никакой роли.

Въ психологіи, какъ и во всякой наукѣ о фактахъ, послѣднее слово принадлежитъ наблюденію. Однако слѣдуетъ замѣтить, что относительную независимость различныхъ формъ памяти можно было бы доказать и простымъ разсужденіемъ. Дѣйствительно, она вытекаетъ изъ двухъ общихъ предположеній, которыя можно выразить такъ: 1) всякое воспоминаніе локализуется въ извѣстныхъ опредѣленныхъ частяхъ мозга; 2) мозгъ и его полушарія „состоятъ изъ извѣстнаго количества вполне дифференцированныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою функцію, не теряя своей тѣсной связи со всѣми прочими.“ Это послѣднее предположеніе въ настоящее время принято большею частью авторовъ, изучающихъ нервную систему.

Я боюсь останавливаться здѣсь долѣе. Въ самомъ дѣлѣ, разли-

---

¹⁾ Объ антагонизмѣ памяти см. Гербертъ Спенсеръ, Основанія Психологіи Т. I,

ченіе частныхъ памятей въ фізіологіи составляетъ ходячую истину ¹⁾; но въ психологіи методу отдѣльныхъ „способностей“ до такой степени удалось приурочить память къ понятію о единствѣ, что существованіе частныхъ формъ памяти было совершенно забыто или считалось даже аномаліей. Намъ пришлось поэтому напомнить читателю дѣйствительность, напомнить, что существуютъ лишь спеціальныя или, какъ говорятъ нѣкоторые авторы, мѣстныя формы памяти. Мы охотно принимаемъ этотъ послѣдній терминъ, съ условіемъ, чтобы не было забыто, что здѣсь рѣчь идетъ о разбѣнной локализациі, согласно той гипотезѣ, о динамическихъ ассоціаціяхъ, на которую мы такъ часто ссылались. Память не разъ сравнивали съ кладовой, гдѣ въ особыхъ ящикахъ хранятся все наши свѣдѣнія. Если было бы угодно удержать подобную метафору, то ее слѣдовало бы изобразить въ болѣе дѣятельной формѣ: сравнить, напр., каждую форму памяти съ отрядомъ уполномоченныхъ, которые несутъ спеціальную службу. Одинъ изъ отрядовъ можетъ быть устраняемъ безъ замѣтнаго ущерба для дѣятельности остальныхъ. При частныхъ разстройствахъ памяти именно такъ и бываетъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, приступимъ къ патологіи. Если въ нормальномъ состояніи различныя формы памяти обладаютъ относительною независимостью, то естественно, что въ болѣзненномъ состояніи, когда одна изъ формъ исчезаетъ, другія остаются неприкосновенными. Этотъ фактъ теперь долженъ казаться намъ простымъ и не требовать никакого объясненія, ибо онъ вытекаетъ изъ самой природы памяти. Правда, что многія изъ частныхъ разстройствъ не ограничиваются отдѣльной группой воспоминаній. Мы этому не будемъ удивляться, если вспомнимъ о тѣсной внутренней солидарности между всеми частями мозга, ихъ функціями и тѣми психическими актами, которые связаны съ ними. Впрочемъ мы найдемъ нѣкоторое число случаевъ и рѣзко ограниченной амнезіи.

Полное изученіе частныхъ амнезій должно бы состоять въ томъ, чтобы, разсмотрѣвъ одно за другимъ различныя проявленія психической дѣятельности, показать на примѣрахъ, что любая группа воспоминаній можетъ исчезать временно или навсегда. Но мы далеко не въ состояніи выполнить подобную задачу. Мы не можемъ даже сказать, не встрѣчается-ли постоянно отсутствіе частнаго пораженія извѣстныхъ формъ воспоминаній и не исчезаютъ-ли эти формы только при полномъ уничтоженіи памяти. Приходится удовлетвориться ожиданіемъ, что будущее дастъ

¹⁾ Ср. Ferrier Fonctions du cerveau. Gracioso (Gratiolet. Anat. comparée etc. t. II, p. 460.) уже обращалъ вниманіе на то, что каждому чувству соответствуетъ соотносительная память и что разумъ, подобно тѣлу, также обладаетъ темпераментомъ, которые обуславливаются преобладаніемъ того или другаго разряда чувствованій.

намъ болѣе полные и болѣе доказательные патологическіе документы по этому вопросу.

Собственно говоря, существуетъ лишь одна форма частной амнезіи, которую можно основательно изучить: амнезія знаковъ (письменныхъ, словесныхъ, жестовъ, междометій). Это форма избилуетъ всякаго рода фактами, которые объясняются приведеннымъ выше закономъ. Оставляя въ сторонѣ эту форму, заслуживающую спеціальнаго изученія, мы резюмируемъ сначала то, что извѣстно о прочихъ частныхъ амнезіяхъ.

„Нѣкоторыя лица, говоритъ Кальмейль, теряютъ способность воспроизводить извѣстные тоны или извѣстные цвѣта и потому имъ приходится отказаться отъ занятій музыкой или живописью“. Другіе утрачиваютъ лишь память чиселъ, лицъ, иностраннаго языка, собственныхъ именъ, забываютъ о существованіи самыхъ близкихъ своихъ родственниковъ и т. п. Мы можемъ привести примѣры подобныхъ частныхъ амнезій.

Часто цитируютъ случай Голланда, рассказанный имъ самимъ въ его *Mental Pathology* (р. 160): „я спускался въ одинъ и тотъ же день въ двѣ глубочайшія изъ минъ Гарца. Когда я находился во второй минѣ, то почувствовалъ такую усталость и истощеніе, что положительно не могъ разговаривать съ инспекторомъ-нѣмцемъ, который меня сопровождалъ. Я забылъ всѣ нѣмецкія слова и фразы могъ припомнить ихъ лишь послѣ того, какъ поѣлъ, выпилъ немного вина и отдохнулъ нѣсколько времени“.

Этотъ случай пользуется всеобщей извѣстностью, но онъ—далеко не единственный. Д-ръ Беатти рассказываетъ, что одинъ изъ его друзей, получивъ ударъ по головѣ, совершенно забылъ греческій языкъ, въ остальномъ же память его, повидимому, нисколько не пострадала. Подобное забвеніе языковъ, приобрѣтенныхъ изученіемъ, часто наблюдалось, какъ слѣдствіе различныхъ лихорадочныхъ страданій.

„Тоже самое относится и къ музыкѣ. Ребенокъ, получивъ сильный ударъ въ голову, оставался въ безсознательномъ состояніи въ продолженіи трехъ дней. Очнувшись, онъ забылъ все, что зналъ по музыкѣ. Ничто другое не было имъ утрачено“. ¹⁾ Встрѣчались и еще болѣе сложные случаи. Одинъ больной совершенно забылъ значеніе музыкальныхъ нотъ, но могъ сыграть любую пьесу по слуху. Другой могъ писать ноты, даже сочинять и распознавать по слуху мелодіи, но былъ совершенно не въ состояніи играть по нотамъ. ²⁾—Эти факты, доказывающіе сложность нашихъ умственныхъ операцій, кажущихся намъ такими простыми, будутъ разобраны ниже. ³⁾

¹⁾ Карпентеръ, *Mental Physiology*, р. 443.

²⁾ Куссмауль, *Die Störungen der Sprache*, р. 181: Proust, *Arch. générales de médecine*, 1872.

³⁾ См. ниже, § 2.

Иногда наблюдали моментальное исчезновение некоторых наиболее организованных и наиболее стойких воспоминаний, между тем как другие, обладающие тем же характером, оставались неприкосновенными. Так Аберкромби рассказывает, что один хирург, сброшенный лошадию и ранивший себя при этом голову, придя в сознание, давал самые подробные инструкции относительно своего лечения. Но зато он не помнил, что у него есть жена и дети и такая амнезия длилась у него три дня.¹⁾ Нельзя ли объяснить это явление умственным автоматизмом. Хирург, даже в полубезсознательном состоянии, сохранил все-таки свои профессиональные знания.

Некоторые больные теряют память собственных имен, в том числе—и своего имени. Ниже, изучая амнезию знаков в полном ее развитии,—тоже встречается между прочим и в старческом возрасте,—мы увидим, что имена собственные забываются легче всего. В следующих случаях подобная амнезия была симптомом размягчения мозга.

Некто, не будучи в состоянии припомнить имени своего друга, вынужден был подвести своего собеседника к той двери, на которой была прибита мѣдная дощечка с этим именем. Другой субъект, оправившись от апоплексии, не мог припомнить имен своих знакомых, и называл их по их возрастам. Г. фонь-Б., посланник в Мадрид, а затѣм в С.-Петербург, в началѣ одного визита, когда ему пришлось назвать себя по имени, тщетно старался припомнить это имя и наконец обратился к своему товарищу: „Ради Бога, скажите мнѣ: какъ меня зовутъ? Этотъ странный вопросъ возбудилъ хохотъ и визитъ на томъ и кончился²⁾).

В других случаях за приступом апоплексии развивается лишь амнезия чиселъ. Одинъ путешественникъ, подвергавшійся очень долго влиянію сильнаго холода, получилъ значительное ослабленіе памяти. Онъ потерялъ способность считать и не могъ запомнить ни одного числа.

Также часто встрѣчается амнезия лицъ. Этому не слѣдуетъ удивляться, ибо многіе люди и в нормальномъ состояніи обладаютъ очень неразвитой и нестойкой памятью в этомъ отношеніи, представляющей всегда результатъ довольно сложнаго умственнаго синтеза. Люе Виллермэ приводитъ довольно пикантный примѣръ подобной амнезии:—„Одинъ старецъ, сидя съ своей женой, вообразилъ, что онъ находится у одной дамы, которой онъ некогда посвящалъ всѣ свои вечера, и подъ влияніемъ этой идеи, онъ безпрестанно повторялъ: сударыня, я не могу оставаться у васъ долѣе; мнѣ необходимо вернуться къ женѣ и дѣтямъ³⁾).

¹⁾ Аберкромби, *Essay on intellectual Powers*, 156.

²⁾ Wilson, p. 269. Тамъ же можно найти еще много подобныхъ же случаевъ.

³⁾ Louyer-Villermay, *Diction Scienc med.*, art. Mémoire.

„Я былъ очень коротко знакомъ съ однимъ замѣчательнымъ ученымъ,“ рассказываетъ Карпентеръ, „ему было уже болѣе 70 лѣтъ, но онъ обладалъ еще хорошимъ здоровьемъ, хотя память его уже начинала ослабѣвать, онъ забывалъ преимущественно наиболѣе свѣжіе факты и малоупотребительныя слова. Онъ еще посѣщалъ британскій музей, королевское и геологическое общества, но уже не могъ называть ихъ, какъ слѣдуетъ, а обозначалъ терминомъ: „это публичное мѣсто.“ Онъ продолжалъ бывать у своихъ друзей, но узнавалъ ихъ только у нихъ дома и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ привыкъ ихъ встрѣчать (какъ напр. въ ученыхъ обществахъ). Однажды я встрѣтилъ его у одного изъ нашихъ старыхъ общихъ знакомыхъ, который обыкновенно живетъ въ Лондонѣ, но въ то время находился въ Брайтонѣ. Старикъ не узналъ меня: потомъ это стало случаться съ нимъ всякій разъ, когда мы встрѣчались не въ моей квартирѣ... Память его продолжала падать и вскорѣ онъ умеръ отъ апоплексіи“ (loc. cit., p. 445).

Въ этомъ наблюденіи мы видимъ въ одно и тоже время амнезію именъ собственныхъ и амнезію лицъ; но самое любопытное, это—роль, которую играетъ здѣсь законъ смежности. Лица узнаются большимъ не просто потому, что они находятся въ его присутствіи. Для того, чтобы узнаваніе состоялось, необходимо, чтобы оно было возбуждено или, скорѣе, подкрѣплено дѣйствительнымъ впечатлѣніемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ болной привыкъ встрѣчать эти лица. Воспоминаніе объ этихъ мѣстахъ, укорененное опытомъ всей жизни и сдѣлавшееся почти органическимъ, остается стойкимъ. Оно служитъ опорною точкою для вызова другихъ воспоминаній. Названіе этихъ „общественныхъ мѣстъ“ не припоминается, потому что ассоціація между предметомъ и его символомъ—слишкомъ слаба. Но узнаваніе присутствующихъ тутъ происходитъ потому, что оно зависитъ отъ формы ассоціаціи очень стойкой—отъ смежности въ пространствѣ (*contiguïté dans l'espace*). Одна уцѣлѣвшая категорія воспоминаній помогаетъ возрожденію другой категоріи, которая безъ этой помощи никогда не могла бы всплыть на рубежѣ сознанія.

Не трудно было бы сдѣлать болѣе подробное перечисленіе частныхъ амнезій, но едва ли это принесетъ существенную пользу читателямъ. Намъ кажется достаточнымъ дать понять на немногихъ примѣрахъ, въ чемъ заключается это явленіе.

Весьма естественно спросить, какія именно формы памяти временно дезорганизуются или навсегда уничтожаются болѣзью, — формы, наиболѣе установившіяся или, напротивъ, наиболѣе слабыя? На это еще нельзя дать положительнаго отвѣта. Если мы будемъ руководствоваться одной лишь логикой, то надо ожидать, что болѣзненныя вліянія будутъ слѣдовать линіи наименьшаго сопротивленія. Факты, повидимому, подтверждаютъ это предположеніе. Въ большей части случаевъ

частныхъ амнезій мы видимъ, что поражаются именно наименѣ стойкія формы памяти. По крайней мѣрѣ я не знаю ни одного случая, гдѣ бы какая либо изъ органическихъ формъ памяти была временно или безповоротно уничтожена, въ то время какъ высшія (т. е. наименѣ стойкія) формы оставались бы неприкосновенными. Однако было бы чрезчуръ смѣло утверждать, что подобнаго случая и не можетъ быть.

Такимъ образомъ на поставленный вопросъ мы можемъ отвѣчать только гипотезой, пока въ этомъ направленіи не будетъ сдѣлано болѣе точнаго изслѣдованія. Да и кромѣ того, подводить гуртомъ подъ одинъ и тотъ же законъ разнородные случаи, изъ которыхъ каждый зависитъ отъ особенныхъ условій, значило бы поступать вопреки научному методу изслѣдованія. Прежде чѣмъ утверждать, что все случаи сводятся къ одной общей формулѣ, необходимо было бы подробно изслѣдовать каждый изъ нихъ со всеми его причинами. Въ настоящее время эта задача еще слишкомъ темна, чтобъ можно было надѣяться на ея удачное рѣшеніе.

Тотъ же самое можно замѣтить и относительно механизма происхожденія этихъ амнезій. Во первыхъ, мы вовсе не знаемъ фізіологическаго механизма каждой изъ формъ. Въ этомъ отношеніи намъ приходится отказаться отъ всякихъ объясненій. Что же касается психологическаго механизма, то вотъ что можно предложить о немъ. Въ частныхъ амнезіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, мы замѣчаемъ два главные случая: разрушеніе и временную пріостановку. Первый случай является непосредственнымъ результатомъ дезорганизации нервныхъ элементовъ. Во второмъ, извѣстная группа элементовъ остается нѣкоторое время изолированной и безсильной; говоря психологически, остается внѣ механизма ассоціаціи.

Такое объясненіе подсказывается случаемъ Карпентера. Внутренняя солидарность, существующая между различными частями мозга и, слѣдовательно, между различными психическими состояніями въ общемъ осталась неприкосновенною. Только извѣстныя группы, съ суммой воспоминаній, которыя онѣ представляютъ, оказываются въ нѣкоторомъ родѣ неподвижными, недоступными вліянію другихъ группъ, неспособными, на время, достигать до сознанія. Конечно, подобное состояніе можетъ зависѣть только отъ фізіологическихъ условій, которыя не поддаются нашему изслѣдованію.

II.

Мы приберегли для спеціального изученія одну изъ формъ частной амнезіи, а именно—амнезію знаковъ. Слово „знаки“ мы употребляемъ здѣсь въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. понимаемъ подъ

этимъ словомъ всѣ средства, которыми человѣкъ располагаетъ для выраженія своихъ чувствованій и идей. Вопросъ этотъ—строго ограниченъ и изобилуетъ фактами, въ одно и тоже время и сходными, и различными, такъ какъ съ одной стороны они носятъ на себѣ общій психологическій характеръ знаковъ вообще, а съ другой отличаются другъ отъ друга по самой своей природѣ: звуковыя и письменныя знаки, жесты, рисованіе, музыка. Наблюдать ихъ удается легко и часто, они—хорошо локализованы и, благодаря своему разнообразію, весьма пригодны для сравненія и анализа. Сверхъ того мы увидимъ, что на этомъ классѣ частныхъ амнезій замѣчательно оправдывается тотъ законъ разрушенія памяти, который, въ общей его формѣ, изложенъ нами въ предъидущей главѣ.

Прежде всего постараемся избѣгнуть недоразумѣній. Читатель можетъ подумать, что мы намѣрены изучать афазію. Ничуть. Въ большинствѣ случаевъ афазія дѣйствительно предполагаетъ расстройства памяти, но, кромѣ того,—и еще нѣчто, а насъ интересуютъ теперь одни лишь расстройства памяти. Исслѣдованія болѣзней рѣчи, продолжающіяся уже болѣе 40 лѣтъ, показали, что подъ общимъ именемъ афазіи описывались весьма несходные случаи. Это потому, что афазія не есть отдѣльная болѣзнь, а только—симптомъ, который видоизмѣняется, смотря по тѣмъ болѣзненнымъ процессамъ, которые его обуславливаютъ. Такъ, напр., нѣкоторые люди, страдающіе афазіей, лишены всякой возможности выражаться; другіе могутъ говорить, но не могутъ писать, или, наоборотъ, могутъ писать, но не говорить: гораздо рѣже встрѣчается потеря жестовъ. Иногда больной обладаетъ порядочнымъ словаремъ звуковыхъ и письменныхъ знаковъ, но говорить и пишетъ превратно, бессмысленно (парафазія и параграфія). Иногда онъ не понимаетъ смысла словъ, написанныхъ или произносимыхъ, хотя ни слухъ, ни зрѣніе его не поражены (случаи словесной глухоты и словесной слѣпоты, *surditas et coecitas verbalis*). Афазія бываетъ или постоянной, или временной. Нерѣдко она сопровождается гемиплегіей. Эта гемиплегія, поражающая почти всегда правую сторону тѣла, уже сама по себѣ и независимо отъ всякой амнезій, служитъ припятствіемъ для письма ¹⁾. Эти главнѣйшіе случаи представляютъ множество разновидностей, которые, въ свою очередь, видоизмѣняются смотря по субъектамъ. Изъ этого уже видно, насколько сложенъ этотъ вопросъ, но, къ счастью, намъ нѣтъ нужды входить въ подробное разсмотрѣніе его.

Наша, и безъ того уже довольно запутанная, задача заключается въ томъ, чтобы, среди этихъ расстройствъ рѣчи и вообще—способности выражаться, розыскать то, что приходится на долю собственно лишь одной памяти.

¹⁾ Лѣвши, страдающіе афазіей, всегда имѣютъ гемиплегію лѣвой стороны.

Ясно, что нам нѣтъ нужды заниматься случаями, въ которыхъ афазія зависитъ отъ идиотизма, слабоумія и потери памяти вообще; не болѣе интересны для насъ и тѣ случаи, гдѣ нарушена собственно передача возбужденія по нервамъ, такъ, напр., поврежденіе бѣлаго вещества мозга, въ окружности третьей лобной извилины слѣва, можетъ уничтожить способность выражаться, хотя сѣрое вещество остается при этомъ неповрежденнымъ ¹⁾. Но исключеніе этихъ случаевъ мало облегчаетъ наши затрудненія, такъ какъ чаще всего афазія наблюдается при совершенно иныхъ условіяхъ. Прежде всего вспомнимъ самый общій типъ афазіи.

Я думаю, что было бы бесполезно приводить здѣсь примѣры: читатель можетъ ихъ найти повсюду ²⁾. Обыкновенно, афазія начинается внезапно. Больной не можетъ говорить; онъ пробуетъ написать что нибудь—это оказывается тоже невозможнымъ; много, если ему удастся начертить нѣсколько совершенно неразборчивыхъ словъ. Выраженіе его лица однако остается осмысленнымъ. Онъ пытается объясняться помощью жестовъ. Мышцы, служащія для произношенія словъ, нисколько—не парализованы; языкъ движется свободно. Таковы—болѣе общія, или по крайней мѣрѣ наиболѣе интересныя для насъ, черты афазіи.

Что же произошло въ психическомъ состояніи больного и какую утрату потерпѣла его память? Достаточно немного—подумать, чтобы замѣтить, что амнезія знаковъ имѣетъ совершенно особенный характеръ. Ее нельзя сравнивать съ амнезіей цвѣтовъ, звуковъ, иностраннаго языка или цѣлаго періода жизни. Она распространяется на всю умственную дѣятельность и, въ этомъ смыслѣ, это—общая амнезія; а между тѣмъ, въ то же время, это—и частная амнезія, такъ какъ больной сохраняетъ свои идеи и свои воспоминанія и отдаетъ себѣ отчетъ о своемъ положеніи.

По нашему мнѣнію, амнезія знаковъ—главнымъ образомъ болѣзнь двигательной памяти; въ этомъ и заключается ея особенный характеръ и потому-то она и является намъ въ такомъ необычномъ видѣ. Но что надобно понимать подъ именемъ „двигательной памяти,“ подъ этимъ выраженіемъ, которое съ перваго раза можетъ, пожалуй, озадачить? Вопросъ этотъ еще такъ мало изученъ психологами, что

¹⁾ Случаи этого рода см. Куссмауль, Разстройства Рѣчи, (руков. Цимсена).

²⁾ Литература афазіи такъ велика, что простымъ перечисленіемъ работъ и сообщеній можно было бы наполнить нѣсколько страницъ. Съ точки зрѣнія психологической наибольшаго вниманія заслуживаютъ: Труссо, Clinique médicale, t. II; Фальрэ, art. Aphasie dans le Diction. encycl. des sciences medical.; Proust, Archives générales de médecine, 1872; Куссмауль, Разстройства рѣчи (весьма почтенная работа); Н. Jackson, On the affections of the speech, въ Brain, 1878, 1879, 1880, etc., etc.

трудно дать о немъ ясное понятіе въ нѣсколькихъ словахъ и, въ то же время, невозможно долго останавливаться на немъ здѣсь.

Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ я уже пробовалъ, хотя и въ общихъ чертахъ, показать психологическое значеніе движеній и убѣдить, что въ каждомъ состояніи сознанія должны до нѣкоторой степени принимать участіе и двигательные элементы. Чтобы не выходить за предѣлы специально занимающаго насъ вопроса, я замѣчу всякому слѣдующее: легко согласиться съ тѣмъ предположеніемъ, что воспріятія, идеи и вообще акты умственной дѣятельности укореняются въ насъ и становятся составною частью памяти только при условіи, что въ мозгу существуютъ извѣстные остатки этихъ актовъ, состоящіе, по нашему мнѣнію, въ измѣненіяхъ (модификаціяхъ) нервныхъ элементовъ и динамическихъ ассоціаціяхъ между послѣдними. Только при этомъ условіи состояніи сознанія могутъ сохраняться и оживляться. Но то же самое—необходимо и относительно движеній. Тѣ движенія, которыя насъ занимаютъ, т. е. движенія, выражающіяся членораздѣльной рѣчью, письмомъ, рисованіемъ, музыкой, жестами, могутъ сохраняться и воспроизводиться только въ томъ случаѣ, если отъ прежнихъ движеній этого рода уцѣлѣли двигательные остатки, или, согласно нашей гипотезѣ,—извѣстныя измѣненія въ нервныхъ элементахъ и динамическія ассоціаціи между этими элементами. Да наконецъ, какого бы мнѣнія кто ни держался,—ясно, что еслибы отъ слова, произнесеннаго или написаннаго въ первый разъ, ничего не оставалось въ нашемъ сознаніи, то было бы невозможно выучиться говорить или писать.

Допустивъ существованіе двигательныхъ остатковъ, намъ нетрудно будетъ понять сущность амнезіи знаковъ.

Какъ извѣстно, наша умственная дѣятельность состоитъ изъ цѣлаго ряда состояній сознанія, ассоціированныхъ между собою въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Каждый изъ предѣловъ этого ряда представляется нашему сознанію простымъ, но, въ дѣйствительности, это—не такъ. Когда мы говоримъ или когда мы мыслимъ, всѣ предѣлы ряда образуютъ между собою парныя сочетанія, состоящія изъ идеи и и ея выраженія. Въ нормальномъ состояніи сліяніе этихъ двухъ элементовъ бываетъ такъ полно, что они составляютъ какбы одно цѣлое; но болѣзнь доказываетъ намъ, что они могутъ быть разобщены. Да и кромѣ того, выраженіе „парное сочетаніе“ оказывается недостаточнымъ. Эти слова точно выражаютъ сущность дѣла лишь относительно не умѣющей писать части рода человѣческаго. Если, напр., я думаю о домѣ, то кромѣ мысленнаго представленія дома, которое является состояніемъ сознанія въ собственномъ смыслѣ слова, и кромѣ звукового

¹⁾ См. *Revue philosophique*, octobre 1879; см. также соответствующую главу въ пресходномъ соч. *Мандели*, Физиологія и Патологія души.

знака, выражающего эту идею и, повидимому, сливающегося съ ней въ одно цѣлое, существуетъ еще графическій элементъ, почти также тѣсно слитый съ идеей и дѣлающійся даже преобладающимъ, когда я пишу. Но это—не все: вокругъ звукового знака „домъ“ группируются, помощью менѣе тѣсной ассоціаціи, звуковые знаки той же идеи на другихъ извѣстныхъ мнѣ языкахъ (domus, maison, house, Haus, casa и пр.). Около письменнаго знака „домъ“ опять группируются тѣ же соотвѣтственные письменные знаки другихъ языковъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ умѣ взрослого человѣка каждое ясное состояніе сознанія представляетъ не простую единицу, но сложную группу единицъ. Собственно представленіе въ умѣ, т. е. мысль, составляетъ лишь ядро этой группы; вокругъ него группируется большее или меньшее количество знаковъ, или символовъ, опредѣляющихъ эту мысль.

Если это—хорошо понято, то механизмъ амнезіи знаковъ значительно выясняется. Амнезія знаковъ есть патологическое состояніе, въ которомъ идея остается вполне или почти неприкосновенной, тогда какъ часть или вся совокупность знаковъ, выражающихъ эту идею, — забыта на время или навсегда. Это общее положеніе необходимо должно быть пополнено болѣе подробнымъ изученіемъ.

1. Справедливо ли, что у субъектовъ, страдающихъ афазіей, идея—сохранена, въ то время какъ возможность ея выраженія словами и письменными знаками исчезаетъ? Я долженъ замѣтить, что я вовсе не намѣренъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о возможности мыслить безъ знаковъ. Нашъ вопросъ—совершенно отличенъ отъ этого. Субъектъ, страдающій афазіей, долго пользовался знаками: исчезаетъ ли у него идея вмѣстѣ съ способностью выразить ее? Факты отвѣчаютъ на это отрицательно. Хотя можно согласиться съ тѣмъ, что афазія, въ особенности продолжительная и тяжелая, всегда сопровождается нѣкоторымъ ослабленіемъ умственныхъ способностей, однако несомнѣнно, что умственная дѣятельность продолжаетъ существовать, даже когда единственнымъ способомъ выраженія этой дѣятельности остаются жесты. Примѣровъ этому много, я приведу здѣсь лишь нѣкоторые изъ нихъ.

Нѣкоторые больные, утратившіе лишь одну часть своего словаря и не могущіе вспомнить настоящее названіе предмета, прибѣгаютъ къ перифразу или описанію. Вмѣсто „ножницы“ они говорятъ: „то, чѣмъ рѣжутъ,“ вмѣсто: „окно“—„то, откуда входитъ свѣтъ“ Подобные больные называютъ человѣка по мѣсту его жительства, по его титуламъ и обязанностямъ, по изобрѣтеніямъ, которыя онъ сдѣлалъ, или по тѣмъ книгамъ, которыя онъ написалъ. ¹⁾

¹⁾ Весьма часто люди, страдающіе афазіей смѣшиваютъ слова и говорятъ напр. *огонь* вмѣсто *хлѣбъ* или же издають невнятные звуки: эти расстройства я считаю скорѣе болѣзною рѣчи, нежели памяти.

Въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ мы видимъ, что больные съ большимъ расчетомъ и соображеніемъ играютъ въ карты; другіе слѣдятъ за веденіемъ своихъ дѣлъ. Такъ, напр., крупный собственникъ, о которомъ рассказываетъ Труссо, „самъ разсматривалъ свои счета, договоры и т. п. и помощью жестовъ, понятныхъ для его родственниковъ, указывалъ, какія измѣненія нужно сдѣлать, при чемъ обыкновенно эти указанія были полезны и разумны“. Одинъ больной, совершенно лишившійся рѣчи, представилъ своему врачу подробную исторію своей болѣзни, написанную имъ въ прекрасныхъ выраженіяхъ и твердымъ почеркомъ.

Кромѣ того мы имѣемъ свидѣтельство самихъ больныхъ послѣ ихъ выздоровленія. „Я забылъ всѣ слова, говоритъ одинъ изъ нихъ, но у меня сохранились всѣ мои знанія и воля. Я прекрасно зналъ, что хотѣлъ сказать, но не могъ произнести ни слова. Когда вы меня спрашивали, я понималъ ваши вопросы и дѣлалъ усилія отвѣтить на нихъ, но никакъ не могъ припомнить слова“. ¹⁾ Ростанъ, внезапно потерявшій способность произносить и писать слова, самъ анализировалъ симптомы своей болѣзни и старался найдти связь между ними и особеннымъ пораженіемъ мозга, какъ будто дѣло шло о привычномъ для него клиническомъ разборѣ посторонняго больного“. Случай профессора Лордъ—очень извѣстенъ. „Онъ могъ составлять въ умѣ лекцію и измѣнять ея планъ, но для него было невозможно выразить какую либо изъ своихъ мыслей словесно или письменно, хоть паралича у него и не было“ ²⁾.

И такъ, мы можемъ считать доказаннымъ, что когда исчезаютъ способы выражаться,—умственные способности остаются почти непораженными и, слѣдовательно, амнезія ограничивается лишь знаками.

2. Зависитъ ли эта амнезія, какъ мы говорили, въ особенности отъ двигательныхъ элементовъ? Выше мы доказали необходимость существованія двигательныхъ остатковъ (слѣдовъ), но при этомъ не разсматривали этого вопроса во всѣхъ его подробностяхъ. Поэтому приходится снова вернуться къ нему.

Когда мы учимся говорить на нашемъ родномъ или на иностранномъ языкѣ, въ нашемъ мозгу запечатлѣваются звуки, слуховые знаки. Но это — лишь половина нашей работы. Намъ необходимо повторять эти знаки, перейти изъ воспринимающаго состоянія въ дѣятельное, перевести эти звуковые символы на голосовыя движенія. Эта операція—въ началѣ очень трудна, потому что состоитъ въ координированіи

¹⁾ Legroux, De l'aphasie, p. 96.

²⁾ Относительно фактовъ отсылаемъ читателей къ Труссо (loc cit). Lordat, ревностный спиритуалистъ, вывелъ изъ своего самонаблюденія нѣкоторыя заключенія относительно независимости духа; но это—иллюзія. По мнѣнію многихъ лицъ, знавшихъ его, онъ значительно ослабѣлъ въ умственномъ отношеніи послѣ выздоровленія. Ср. Proust; loc. cit.

весьма сложныхъ движеній. Только тогда мы „умѣемъ“ говорить, когда эти движенія воспроизводятся уже легко, т. е. когда двигательные остатки организовались.

Когда мы учимся писать, то фиксируемъ глазами изображенія буквъ на прописи; въ нашемъ мозгу запечатлѣваются при этомъ зрительные знаки; потомъ мы стараемся съ большимъ усиленіемъ воспроизвести эти знаки движеніями руки. И въ этомъ случаѣ происходитъ координація весьма тонкихъ движеній. Умѣнье писать наступаетъ лишь тогда, когда зрительные знаки непосредственно переходятъ въ движенія, т. е. опять-таки когда двигательные остатки уже организовались.

Тѣ же замѣчанія приложимы къ музыкѣ, рисованію и заученнымъ жестамъ, напр. у глухо-нѣмыхъ. Способность выражаться — гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется. Для выраженія идей и чувствованій оказываются необходимыми: слуховая (или зрительная) и двигательная память. Какое же мы имѣемъ право утверждать, что при амнезій знаковъ страдаетъ преимущественно „двигательная память“?

Вотъ что происходитъ у большей части субъектовъ, страдающихъ афазіей. Покажите имъ самый обыкновенный предметъ, напр. ножъ. Если вы его назовете невѣрно (напр. вилокъ, книгой и т. п.), то больной отрицательно покачаетъ головой, и, наоборотъ, если вы назовете его настоящимъ именемъ, больной сдѣлаетъ знакъ подтвержденія. Но немногіе изъ больныхъ въ состояніи повторить за вами это названіе. Слѣдовательно, у афазиковъ сохраняется не только представленіе (идея), но и слуховой знакъ, иначе они не узнавали бы соотвѣтственныхъ названій и не останавливали бы васъ на нихъ. Такъ какъ больные въ то же время не могутъ выражать эти слуховые знаки словами и такъ какъ голосовой аппаратъ оказывается при этомъ не пораженнымъ, то необходимо согласиться, что амнезія поражаетъ двигательные элементы.

Въ отношеніи письма можно сдѣлать тотъ же опытъ: у субъектовъ, страдающихъ афазіей безъ паралича, параллельные опыты даютъ тѣ же самые результаты и приводятъ насъ къ тому же заключенію. Больной сохраняетъ память зрительныхъ знаковъ, но утрачиваетъ память движеній, необходимыхъ для воспроизведенія этихъ знаковъ. Нѣкоторые еще могутъ копировать, но лишь только образецъ не находится передъ ними, они остаются безпомощными.

Тѣмъ не менѣе, утверждая, что двигательная амнезія имѣетъ мѣсто въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, я не настаиваю, что она представляетъ явленіе постоянное. Въ столь сложномъ вопросѣ слѣдуетъ воздерживаться отъ безусловныхъ утвержденій. Когда афазія остается неизлечимою, то больные иногда забываютъ звуковые и письменные знаки или узнаютъ ихъ съ большимъ трудомъ и не сразу. Въ этихъ случаяхъ амнезія уже не ограничивается одними двигательными элементами. Съ другой стороны извѣстны случаи, гдѣ афазики могутъ

Повторять или копировать слова. Другіе могутъ читать вслухъ, не будучи въ состояніи говорить произвольно; правда, что это—лишь исключеніе (Фальра р. 618). Многіе больные, наоборотъ, могутъ читать про себя, но не вслухъ. Случается—впрочемъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ—что они произносятъ неожиданно какую либо часть фразы, но затѣмъ повторить ее уже не могутъ. Броунъ Секаръ сообщаетъ объ одномъ врачѣ, страдавшемъ афазіей, который разговаривалъ во снѣ. Какъ ни рѣдки подобные случаи, они все же показываютъ, что двигательная амнезія не всегда бываетъ безусловно необходимою. И къ этой формѣ памяти относится тоже, что и ко всеѣмъ остальнымъ: при нѣкоторыхъ, исключительныхъ, обстоятельствахъ она можетъ возвращаться.

Мимоходомъ упомянемъ объ одной аналогіи. Афазикъ, которому удается повторить слово, произнесенное передъ нимъ, чрезвычайно похожъ на человѣка, который можетъ припомнить себѣ фактъ только при помощи другаго лица: психологическій механизмъ забвенія знаковъ—тотъ же, какъ и всякаго другаго забвенія. Онъ заключается въ диссоціаціи. Фактъ можно назвать забытымъ, коль скоро онъ не можетъ войти ни въ какой рядъ сознательныхъ состояній. У субъекта, страдающаго афазіей, идея не вызываетъ болѣе соотвѣтственнаго ей знака, но крайней мѣрѣ—соотвѣтственнаго двигательнаго символа. Но только здѣсь диссоціація происходитъ болѣе глубокая, болѣе сокровенная. Она совершается не только между предѣлами состояній, образовавшимся благодаря предшествовавшему опыту жизни, но между элементами, такъ тѣсно слитыми вмѣстѣ, что они составляютъ нѣчто цѣлое для сознанія; чтобъ доказать относительную независимость этихъ элементовъ, потребовалась бы необычайная тонкость анализа, если бы болѣзнь не взяла на себя доказательства подобнаго рода ¹⁾.

Именно эта тѣсная, внутренняя связь между идеей, ея символомъ (звуковымъ или письменнымъ) и двигательнымъ элементомъ, и дѣлаетъ столь труднымъ ясное и неоспоримое доказательство, что амнезія знаковъ есть главнымъ образомъ двигательная амнезія. Такъ какъ всякое состояніе сознанія стремится къ переходу въ движеніе, такъ какъ, по удачному выраженію Бэна, „мыслить значитъ воздерживаться отъ рѣчей и поступковъ“, то посредствомъ одного анализа невозможно провести рѣзкой границы между этими тремя элементами. Но мнѣ кажется,

¹⁾ Въ послѣднее время подъ названіемъ словесной слѣпоты и словесной глухоты (Wortblindheit, Worttaubheit) описаны многіе случаи, которые долго смѣшивали подъ общимъ терминомъ афазіи. Больной можетъ говорить и читать; зрѣніе и слухъ его хорошо сохранены, а между тѣмъ слова, которыя онъ почитываетъ въ книгѣ или слышитъ, — совершенно непонятны для него. Для него они остаются простыми зрительными или слуховыми явленіями, не связанными ни съ какой идеей; они утрачиваютъ для него значеніе извѣстныхъ символовъ. Это другая, болѣе рѣдкая форма диссоціаціи. Подробности см. Куссмауль (loc. cit., 27 гл.).

что эта память звуковыхъ и письменныхъ знаковъ, которая остается у интеллигентнаго афазика, и представляетъ именно то, что мы называемъ внутреннюю рѣчь, т. е. тотъ минимумъ самоопредѣленія (determination), безъ котораго умъ оказался бы на пути къ слабоумію, слѣдовательно собственно забвенію подвергаются здѣсь одни лишь двигательные элементы.

Справляясь у немногочисленныхъ медицинскихъ авторовъ, изучавшихъ психологію афазіи, я нахожу, что ихъ тезисъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ нашего, за исключеніемъ выраженія его: „Я спрашивалъ себя, говоритъ Труссо, не есть ли афазія простое забвеніе инстинктивныхъ и гармоническихъ движеній, которымъ мы все выучиваемся съ первыхъ дней нашего дѣтства и изъ которыхъ слѣдуются членораздѣльная рѣчь и не оказывается ли, благодаря этому забвенію, афазикъ въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и ребенокъ, котораго учатъ лепетать первыя слова, или же въ положеніи глухонѣмого, который, внезапно излечившись отъ своей глухоты, пытается подражать разговоръ другихъ людей, слышиму имъ въ первый разъ въ жизни. Тогда между больнымъ, страдающимъ афазіей, и глухонѣмымъ была бы только та разница, что первый забылъ выученное, а второй еще ничего не знаетъ“. (loc. cit., p. 718).

Тоже говоритъ и Куссмауль: „Если разсматривать память какъ общую функцію нервной системы, то мы должны допустить, для того, чтобы звуки могли сочетаться въ слова, — необходимость одновременнаго существованія памяти слуховой и памяти двигательной. слѣдовательно, память словъ оказывается двойкой: 1) существуетъ память словъ, по скольку эти послѣднія представляютъ группу слуховыхъ явленій; 2) существуетъ память словъ, какъ двигательныхъ образовъ (Bewegungsbilder). Труссо справедливо замѣчаетъ, что афазія всегда можетъ быть сведена на потерю памяти или словесныхъ знаковъ, или тѣхъ приемовъ, при посредствѣ которыхъ совершается артикуляція словъ. Равно и В. Отль различаетъ также два рода памяти словъ: во первыхъ, ту всеобщую память, благодаря которой мы сознаемъ слово, и ту память, благодаря которой мы можемъ выражать это слово“. (loc. cit., стр. 148).

Слѣдуетъ ли допустить, что остатки, соотвѣтствующіе идеѣ, ея звуковому знаку, ея письменному знаку и тѣмъ движеніямъ, которыми воспроизводятся эти знаки, — расположены по сосѣдству въ корковомъ веществѣ мозга? Какіе анатомическіе выводы можно извлечь изъ того факта, что иногда утрачивается память движеній при сохраненіи памяти внутреннихъ знаковъ, утрачивается рѣчь при сохраненіи способности (умѣнья) писать и на оборотъ? Помѣщаются ли дѣйствительно двигательные остатки въ извилинѣ Брока, какъ это, повидному, признаютъ нѣкоторые изъ авторовъ? Эти вопросы остаются открытыми

да и, кромѣ того, не касаются прямо нашей задачи. Связь существованія между символомъ и идеей, кажущаяся весьма простою для психологовъ, основывающихся на самонаблюденія, — чрезвычайно сложна для психолога-позитивиста, который не можетъ придти ни къ какимъ выводамъ, пока анатомія и физиологія не сдѣлають большихъ успѣховъ.

Теперь разсмотримъ амнезію знаковъ еще съ другой стороны. До сихъ поръ мы изучали самую природу этой амнезіи, теперь же обратимся къ вопросу о ея развитіи. Я старался показать, что амнезія эта распространяется преимущественно на двигательные элементы и что именно этому обстоятельству она обязана своими характерными признаками; впрочемъ для нижеслѣдующаго не имѣетъ никакого значенія принятіе или непринятіе этой гипотезы.

Иногда афазія бываетъ непродолжительна. Иногда она имѣетъ хроническое теченіе и если наблюдать больныхъ черезъ промежутки времени въ нѣсколько лѣтъ, то оказывается, что ихъ состояніе почти не измѣняется. Но встрѣчаются случаи, гдѣ новые приступы апоплексіи усиливаютъ болѣзнь: тогда она принимаетъ прогрессивное теченіе, представляющее для насъ наибольшій интересъ. Тогда происходитъ нѣчто въ родѣ уничтоженія по этажамъ, причемъ память знаковъ все болѣе и болѣе уменьшается, слѣдуя извѣстному порядку. Порядокъ этотъ вкратцѣ — слѣдующій: 1) слова, т. е. мыслимая (или обдуманная) рѣчь; 2) восклицательныя фразы, междометія, т. е. то, что Максъ Мюллеръ называетъ „языкомъ волненій“; 3) въ очень рѣдкихъ случаяхъ, — жесты.

Изслѣдуемъ подробнѣе эти три періода разрушенія; такимъ образомъ мы разсмотримъ амнезію знаковъ во всей ея полнотѣ.

1) Первый періодъ — самый важный, потому что здѣсь дѣло идетъ о высшихъ формахъ рѣчи, о томъ исключительно человѣческомъ языкѣ, которымъ выражается обдуманная мысль. И здѣсь опять разрушеніе слѣдуетъ извѣстному порядку. Нѣкоторые врачи, еще раньше современныхъ изслѣдованій объ афазіи, замѣтили, что въ подобныхъ случаяхъ, имена собственныя забываются раньше именъ существительныхъ; а эти послѣднія — раньше именъ прилагательныхъ. Впослѣдствіи замѣчаніе это оправдалось на многочисленныхъ наблюденіяхъ. Куссмауль въ своей послѣдней работѣ (loc. cit., стр. 154) говоритъ: „легче изглаживаются изъ памяти собственныя имена и вообще имена существительныя, чѣмъ глаголы, прилагательныя, союзы и другія части рѣчи“. Этотъ фактъ былъ отмѣченъ врачами лишь мимоходомъ. Немногіе изъ нихъ старались изслѣдовать его причины. Дѣйствительно, для врачей онъ не имѣетъ клиническаго интереса, но за то — чрезвычайно важенъ для психологіи.

Съ перваго взгляда уже можно замѣтить, что амнезія здѣсь идетъ отъ частнаго къ общему. Прежде всего она распространяется на имена

собственные, которыя имѣють чисто индивидуальное значеніе, затѣмъ — на имена нарицательныя, т. е. на болѣе конкретныя названія, далѣе — на все имена существительныя вообще, которыя въ сущности представляютъ собою имена прилагательныя въ ихъ особенномъ значеніи¹⁾; наконецъ доходить очередь до прилагательныхъ и глаголовъ, выражающихъ качества, способъ существованія предметовъ и дѣйствія. Послѣ всего, слѣдовательно, исчезаютъ знаки, выражающіе непосредственно лишь качества. Ученый, о которомъ рассказываетъ Грасіоля, забывъ имена собственные, выражался такъ: „мой братъ, сдѣлавшій такое то открытіе“, т. е. въ сущности называлъ своихъ знакомыхъ по ихъ качествамъ. Замѣчено также, что многіе идіоты способны запоминать только имена прилагательныя (Итаръ). Качественныя обозначенія — наиболѣе стойки, потому что они пріобрѣтаются раньше другихъ и составляютъ основаніе нашихъ самыхъ сложныхъ понятій.

Такъ какъ все частное является по необходимости имѣющимъ наименѣе обширный смыслъ, а все общее — наиболѣе обширный, то можно сказать, что быстрота, съ которой исчезаетъ память знаковъ, — обратно пропорціональна ихъ протяженію; далѣе, такъ какъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, извѣстный символъ тѣмъ болѣе имѣетъ шансовъ для повторенія и укорененія въ памяти, чѣмъ большее число предметовъ онъ обозначаетъ, и наоборотъ, то изъ этого видно, что законъ уничтоженія (*loi de dissolution*) въ концѣ концовъ основывается на данныхъ пріобрѣтеннаго опыта.

Въ дополненіе я приведу слѣдующій отрывокъ изъ Куссмауля: „Чѣмъ конкретнѣе понятіе, тѣмъ легче забывается, при ослабленіи памяти, означающее его слово. Причина этого — та, что наше представленіе о лицахъ и вещахъ слабѣе связано съ ихъ именами, чѣмъ такія отвлеченія, какъ состояніе этихъ предметовъ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ свойства. Лица и предметы мы легко представляемъ себѣ и безъ именъ, потому что здѣсь чувственный образъ имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ тотъ другой образъ, который служитъ символомъ, т. е. названіемъ лица или вещи. И, напротивъ, абстрактныя понятія пріобрѣтаются нами только при помощи словъ, которыя одни способны придать этимъ понятіямъ стойкую форму. Вотъ почему глаголы, прилагательныя, мѣстоименія и еще въ большей мѣрѣ — нарѣчія, предлоги и союзы болѣе тѣсно связаны съ мыслью, чѣмъ имена существительныя. Можно представить себѣ, что для образованія какого либо отвлечен-

¹⁾ „Превращеніе прилагательныхъ въ существительныя — процессъ, который постоянно встрѣчается въ образованіи языковъ и наблюдается даже въ наши дни, такъ какъ напр. французскія слова: *bon* (бонъ — банковская записка на полученіе денегъ), *brillant* (брильянтъ, т. е. блестящій), *volant* (волянъ — летокъ, извѣстный снарядъ для игры) и т. п. (F. Baudry, *De la science du langage, et de son état actuel*, p. 9). (Таковы же и русскія: спалня, завозня, портной, ходовой (шхотинецъ — у Вятчаней), и проч. Ред.).

наго понятія должны происходить въ нервно-клеточной сѣти корковыхъ слоевъ большого мозга гораздо болѣе многочисленныя явленія возбужденія и сочетанія, чѣмъ для образованія понятія конкретнаго, и что, соотвѣтственно этому, органическая связь, соединяющая отвлеченную идею съ соотвѣтствующимъ символомъ—гораздо обширнѣе, чѣмъ въ случаѣ конкретной идеи ¹⁾. Эта послѣдняя фраза, переведенная на психологическій языкъ, будетъ значить тоже, что мы сказали выше: что стойкость знака прямо пропорціональна его организаціи, т. е. количеству повторявшихся и запечатлѣвшихся его проявленій.

Филологія даетъ намъ много драгоценныхъ указаній относительно интересующаго насъ вопроса. Я не могу пренебречь этими указаніями, хотя и рискую утомить читателя избыткомъ доводовъ. Развитие языка совершается, какъ и слѣдовало ожидать, въ порядкѣ обратномъ тому, который мы наблюдаемъ при утратѣ рѣчи у афазиковъ.

Прежде чѣмъ сослаться въ защиту нашего закона на историческое развитие языковъ, казалось бы всего естественнѣе разсмотрѣть развитие языка у отдѣльныхъ индивидуумовъ: но это—невозможно. Когда мы учимся говорить, мы не сами вырабатываемъ, а перенимаемъ нашъ языкъ. Хотя ребенокъ, по удачному выраженію Тэна „изучаетъ уже готовый языкъ, также какъ истинный музыкантъ изучаетъ контрапунктъ, а истинный поэтъ просодію, т. е. изучаетъ, какъ оригинальный гений,“ тѣмъ не менѣе, въ сущности, онъ все таки не создаетъ языка. Поэтому намъ приходится довольствоваться наблюденіями надъ историческимъ развитіемъ языковъ.

Доказано, что индо-европейскіе языки произошли изъ извѣстнаго числа корней и что эти корни были двоякаго рода: глагольные или сказуемые (предикативные) и мѣстоименные или указательные (демонстративные). Первые изъ этихъ корней, отъ которыхъ произошли глаголы, прилагательныя и существительныя, „служили, по словамъ Уитнэя, знаками, выражавшими дѣйствія или качества.“ Вторые, изъ которыхъ образовались мѣстоименія и нарѣчія (предлоги и союзы суть уже позднѣйшія образованія),—не такъ многочисленны и показывали взаимныя отношенія положенія вещей. Такимъ образомъ первичная форма знака есть утвержденіе качествъ. Затѣмъ глаголь отдѣляется отъ прилагательнаго. „Имена произошли отъ глаголовъ черезъ посредство причастій, которыя суть ничто иное, какъ прилагательныя, сохраняющія еще слѣды своего отглагольнаго происхожденія.“ ²⁾ Что

¹⁾ Куссмауль. Разстройства рѣчи.

²⁾ Baudry, loc. cit., 16 Желаящихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ работамъ Макса Мюлера и Уитнэя (Whitney).

касается превращенія именъ существительныхъ въ собственные, то оно не подлежитъ сомнѣнiю.

Такимъ образомъ не объясняются-ли естественнымъ развитiемъ языка періоды утраты рѣчи у афазика, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку могутъ быть сравниваемы между собою самостоятельное созидаіе языка и утрата языка, искусственно заученнаго?

2°. Излагая въ общихъ чертахъ законъ обратнаго развитiя памяти, мы видѣли, что память чувствованiй изглаживается позднѣе, нежели память идей. Логика заставляетъ насъ заключить, что въ частномъ случаѣ, занимающемъ насъ—въ прогрессивной амнезiи знаковъ—языкъ чувствованiй долженъ исчезать послѣ разумной, обдуманной рѣчи. Факты вполне подтверждаютъ это предварительное заключеніе отъ общаго къ частному.

Лучшіе наблюдатели (Брока, Труссо, Х. Джексоны, Бродбэнтъ и пр.) отмѣтили большое число случаевъ, гдѣ афазики, совершенно утратившіе рѣчь, неспособные произвольно выговорить ни одного слова, могутъ еще произносить не только междометiя, но и цѣлыя фразы и коротенькія обычныя изрѣченiя, выражающія гнѣвъ, досаду или жалобы на болѣзнь. Одна изъ наиболѣе стойкихъ формъ подобнаго языка, это—побранки.

Мы уже говорили, что вообще прежде всего погибаетъ то, что образовалось позже всего, и что наиболѣе старыя образованiя исчезаютъ послѣдними. Здѣсь мы находимъ опять подтвержденіе этому: языкъ чувствованiй образуется раньше языка идей, а исчезаетъ послѣ него. Точно также сложное исчезаетъ прежде простаго; а вѣдь разумная рѣчь—языкъ думъ—въ сравненiи съ аффективною рѣчью—языкомъ чувствованiй—представляетъ, дѣйствительно, крайне сложную форму.

3°. Все только-что сказанное—примѣнимо и къ жестамъ. Эта форма языка, самая естественная изъ всѣхъ, представляетъ (какъ и междометiе) ничто иное, какъ родъ рефлекторнаго выраженiя. У ребенка она является задолго до членораздѣльной рѣчи. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, страдающихъ остановкою умственнаго развитiя, жесты играютъ такую же важную роль, какъ у прочихъ людей слова; поэтому такіе дикари не могутъ объясняться другъ съ другомъ въ темнотѣ.

Эта прирожденная форма рѣчи рѣдко утрачивается вполне. „Природа афазiй, при которыхъ встрѣчаются мимическія разстройства, оказывается всегда, по словамъ Куссмауля (l. c.) чрезвычайно сложною. Въ этихъ случаяхъ больные или еще сознаютъ, что ошибаются въ выборѣ своихъ жестовъ, или уже не имѣютъ объ этомъ никакого сознанiя.“ Хайлингсъ Джексоны, тщательнo изучавшій этотъ вопросъ, замѣчаетъ, что нѣкоторые афазики не могутъ ни смѣяться, ни плакать, исключая случаевъ чрезмѣрнаго душевнаго волненiя. Онъ

замѣтилъ также, что нѣкоторые больные утверждаютъ или отрицаютъ жестами совершенно случайно, на угадъ. Одинъ изъ нихъ, у котораго еще оставались въ распоряженіи кое-какія междометія и жесты, употреблялъ ихъ или не кстати, или непонятнымъ образомъ.

Случай, рассказанный Труссо, представляетъ довольно замѣчательный примѣръ чистой двигательной амнезіи, касающейся жестовъ. „Я складывалъ свои руки и двигалъ пальцами такъ, какъ это обыкновенно дѣлаетъ человѣкъ, играющій на кларнетѣ и предлагалъ больному сдѣлать тоже самое. Онъ немедленно подражалъ мнѣ съ большою точностью. Вы видите, говорилъ я ему, что я подражалъ жестамъ человѣка, играющаго на кларнетѣ. Больной отвѣчалъ утвердительною знакомъ. Черезъ нѣсколько минутъ я просилъ больного снова продѣлать этотъ жестъ. Больной обыкновенно задумывался и чаще всего оказывался совершенно не въ состояніи воспроизвести это столь простое мимическое движеніе.“

Итакъ мы видимъ, что амнезія знаковъ постепенно распространяется отъ именъ собственныхъ на существительныя вообще, затѣмъ—на прилагательныя и глаголы, наконецъ—на языкъ чувствованій и жесты. Это разрушеніе слѣдуетъ не случайному пути, но совершается въ строго опредѣленномъ порядкѣ—идеть отъ менѣе организованнаго къ болѣе организованному, отъ наиболѣе сложнаго къ наиболѣе простому, отъ наименѣе автоматическаго къ наиболѣе автоматическому.¹⁾ То что было сказано выше при установкѣ общаго закона обратнаго развитія памяти могло бы быть повторено и здѣсь и читатель, надѣюсь, согласится, что подтвержденіе нашихъ положеній на случаѣ частной амнезіи, самомъ важномъ, самомъ систематическомъ и лучше всего извѣстномъ, служитъ также однимъ изъ немаловажныхъ доказательствъ точности этого закона.

Здѣсь было бы умѣстно прибѣгнуть еще къ одной провѣркѣ нашего закона, а именно: если въ случаяхъ полной амнезіи знаковъ наступаетъ постепенное выздоровленіе, т. е. постепенный возвратъ знаковъ, то совершается-ли этотъ послѣдній въ порядкѣ, обратномъ тому, въ какомъ знаки передъ тѣмъ исчезали? Случай такого рода—рѣдки. Однако же я нахожу одно наблюденіе у д-ра Грассе, гдѣ человѣкъ страдалъ „полною невозможностью выражать свою мысль словесно, письменно и жестами. Въ слѣдующіе затѣмъ дни наблюдалось постепенное, мало по малу, возвращеніе способности объясняться жестами, затѣмъ—изустно и на письмѣ²⁾. Весьма вѣроятно, что найдутся и другіе примѣры въ этомъ родѣ, если вниманіе наблюдателей будетъ обращено на этотъ вопросъ.

¹⁾ Замѣчательно, что многія лица, страдающія афазіей и разучившіяся писать могутъ еще подписываться.

²⁾ *Revue des sciences médicales, etc.*, 1873, t. II, p. 684.

Глава четвертая

Возбужденія памяти или гипермнезии.

До сихъ поръ наше патологическое изслѣдованіе ограничивалось разрушительными формами болѣзней памяти; мы видѣли, какъ память уничтожалась или ослабѣвала. Однако встрѣчаются и противоположные случаи, гдѣ казавшееся навсегда погибшимъ вновь воскресаетъ и гдѣ поблеклыя воспоминанія снова получаютъ прежнюю силу.

Но должно-ли считать болѣзненнымъ явленіемъ подобное возбужденіе памяти, которое врачи называютъ гипермнезійей. Во всякомъ случаѣ, это—по малой мѣрѣ, аномалія. Если, въ добавокъ, обратить вниманіе, что явленіе это всегда бываетъ соединено съ какимъ нибудь органическимъ разстройствомъ или съ какимъ нибудь страннымъ и необычнымъ положеніемъ человѣка, то не останется ни малѣйшаго сомнѣнія, что изслѣдованіе гипермнезій, также входитъ въ нашу задачу. Правда, оно—не такъ поучительно, какъ изслѣдованіе амнезій, но монографія не должна ничѣмъ пренебрегать.

Кромѣ того мы увидимъ, къ какимъ выводамъ можно придти, при изученіи гипермнезій, относительно устойчивости воспоминаній. Возбужденія памяти бываютъ общія и частныя.

I

Общее возбужденіе памяти трудно опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, потому что степень возбужденія—вещь, въ полномъ смыслѣ, относительная. Для этого необходимо было бы сравнивать состояніе памяти въ различные періоды времени у одного и тогоже субъекта. Память у различныхъ людей бываетъ настолько различна по своей силѣ, что здѣсь никакой общей мѣрки прилагать нельзя: то, что является амнезійей у одного, можетъ быть гипермнезійей у другого. Въ сущности, явленіе гипермнезии состоитъ въ измѣненіи общаго тона или строя состоянія памяти, подобно тому какъ это случается и въ другихъ формахъ психической дѣятельности: въ мышленіи, въ вообра-

женіи и въ чувствительности. Сверхъ того, когда мы говоримъ, что существуетъ общее возбужденіе памяти, то это—въ сущности, лишь вѣроятное заключеніе. Такъ какъ память подчиняется условіямъ сознанія, а сознаніе—возможно только въ видѣ послѣдовательнаго проявленія состояній, то мы можемъ утверждать лишь одно: что при общей гипермнези, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, возникаетъ огромная масса разнаго рода воспоминаній.

Общее возбужденіе памяти повидимому зависитъ исключительно отъ физиологическихъ причинъ, въ особенности—отъ быстроты кровообращенія въ мозгу. Поэтому оно часто замѣчается при острыхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ. Кромѣ того она наблюдается при маниакальномъ возбужденіи, экстазѣ, гипнотизмѣ, иногда—при истерикѣ и во вступительномъ періодѣ нѣкоторыхъ мозговыхъ болѣзней.

Помимо этихъ чисто патологическихъ случаевъ, встрѣчаются еще еще другіе, болѣе необычайные, но зависящіе, по всей вѣроятности, отъ той же причины. Существуетъ много разсказовъ людей утопавшихъ, спасенныхъ отъ неминуемой смерти; въ разсказахъ этихъ согласно повторяется, одно и тоже: „когда начинается асфиксія, утопающему кажется, что предъ нимъ мгновенно проходитъ вся его жизнь со всѣми мельчайшими ея подробностями“. Одинъ изъ такихъ спасенныхъ увѣряетъ, „что ему казалось, будто вся его предшествовавшая жизнь прошла передъ нимъ въ обратномъ порядкѣ, и не въ видѣ простаго наброска, но съ весьма точными подробностями, образуя какбы панораму всего его существованія, въ которой каждое дѣйствіе сопровождалось чувствованіемъ добра или зла“.

„Одинъ человѣкъ, отличавшійся замѣчательно свѣтлымъ умомъ, переходилъ черезъ рельсы въ ту минуту, когда вдругъ показался поѣздъ, приближавшійся на всѣхъ парахъ; не оставалось ничего болѣе, какъ лечь между рельсами. И вотъ, въ то время какъ вагоны пролетали надъ этимъ обмершимъ человѣкомъ, чувство опасности привело ему на память всѣ событія его жизни, такъ что словно страничка изъ книги судебъ развернулась передъ его глазами“¹⁾.

Даже признавая извѣстную долю преувеличенія въ подобныхъ разсказахъ, все же нельзя не согласиться, что эти факты говорятъ въ пользу чрезмѣрной дѣятельности памяти въ такихъ случаяхъ, дѣятельности, о которой мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія въ нормальномъ состояніи.

Я приведу еще одинъ примѣръ, въ которомъ общее возбужденіе памяти обусловливалось опійнымъ отравленіемъ, при этомъ попрошу читателя замѣтить, насколько этотъ случай подтверждаетъ данное нами выше объясненіе механизма „узнаванія“. „Мнѣ казалось, гово-

¹⁾ Относительно этихъ и подобныхъ фактовъ см. Winslow, loc. cit.. стр. 303 и сл.

рять Т. Кэнсей (Th. Quincey) въ своихъ „Признаніяхъ опіофага, (Confessions d'un mangeur d'opium), „что я въ одну ночь переживалъ семьдесятъ или сто лѣтъ... Передо мной часто вставали самыя ничтожныя событія моей молодости, забытыя сцены первыхъ лѣтъ моей жизни. Я не могу сказать, что я вспоминалъ ихъ, потому что если бы мнѣ ихъ рассказали въ бодрственномъ состояніи, то я бы не могъ узнать въ нихъ обстоятельство моей прошлой жизни. Но когда они поднимались передъ мной подобно сонной грезѣ или какимъ-то внушеніямъ, навѣваемымъ извнѣ, окруженныя всею давно забытою обстановкою ихъ и чувствованіями, когда-то ихъ сопровождавшими,— тогда я немедленно узнавалъ ихъ“ (стр. 142).

Всѣ эти общія возбужденія памяти бывають скоропреходящими: они не переживаютъ вызывающихъ ихъ причинъ. Но встрѣчаются-ли постоянныя гипермнезіи? Если можно допустить подобный терминъ, имѣющій нѣсколько натянутый смыслъ, то его можно приложить къ тѣмъ страннымъ проявленіемъ памяти, которыя наблюдаются иногда, какъ слѣдствіе внезапнаго потрясенія. На этотъ счетъ у старыхъ авторовъ мы находимъ много довольно избитыхъ въ настоящее время исторій (Климентъ VI, Мабильонъ и др.) Нѣтъ причины сомнѣваться въ правдоподобности ихъ, тѣмъ болѣе что и современные наблюдатели, въ томъ числѣ Ромбергъ, замѣчали чрезвычайное и стойкое усиленіе памяти послѣ сотрясеній мозга, оспы и т. п. Механизмъ подобной метаморфозы совершенно непроницаемъ и потому мы на немъ не будемъ останавливаться.

II.

Частныя возбужденія памяти уже по самой своей природѣ являются строго разграниченными. Обычный тонъ памяти въ общемъ удерживается здѣсь и потому все выходящее за его предѣлы рѣзко бросается въ глаза и можетъ быть легко констатировано. Эти гипермнезіи находятся въ необходимомъ логическомъ соотношеніи съ частными амнезіями и еще разъ доказываютъ намъ, что память вообще должна быть понимаема не въ смыслѣ какого-то единства, а въ смыслѣ совокупности различныхъ ея формъ (различныхъ памятей.)

Въ дѣлѣ происхожденія частныхъ гипермнезій нельзя подмѣтить ничего похожаго на законъ. Онѣ представляются въ видѣ отдѣльныхъ фактовъ, т. е. какъ результатъ стеченія условій, еще неизвѣстныхъ намъ. Почему именно такая-то группа нервныхъ клѣтокъ, образующая извѣстную динамическую ассоціацію, приходитъ въ данномъ случаѣ въ возбужденіе прежде какой нибудь другой группы? Этого нельзя объяснить никакими причинами, физиологическими или психическими. Един-

ственные случаи, въ которыхъ можно было подмѣтить нѣчто подобное закону, и о которыхъ мы будемъ говорить ниже, касаются припоминанія различныхъ языковъ въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ.

Частныя гипермнезии чаще всего являются слѣдствіемъ болѣзнетворныхъ причинъ, на главнѣйшія изъ которыхъ мы указали выше; но бываютъ случаи, гдѣ подобныя возбужденія памяти развивались и у здоровыхъ субъектовъ. Вотъ два примѣра.

„Одна дама въ послѣднемъ періодѣ хронической болѣзни была перевезена изъ Лондона въ деревню. Ея дочь, которая еще не умѣла говорить, была также привезена къ ней и, послѣ не продолжительнаго свиданія отправлена снова въ городъ. Черезъ нѣсколько дней больная умерла. Дочь выросла, вовсе не помня своей матери. Уже въ зрѣломъ возрастѣ ей довелось увидѣть ту комнату, гдѣ скончалась мать. Не зная, что это—та самая комната, она, при входѣ въ нее, тотчасъ же задрожала; когда эту даму спросили о причинѣ такого волненія она отвѣчала: „я отчетливо чувствую, что нѣкогда была въ этой комнатѣ. Вотъ въ этомъ самомъ углу лежала дама, которая повидимому была очень больна, она нагнулась ко мнѣ и плакала ¹⁾“.

„Одинъ человекъ, одаренный выдающимся артистическимъ талантомъ (это обстоятельство слѣдуетъ замѣтить) отправился вмѣстѣ съ своими друзьями на прогулку въ окрестности одного замка въ графствѣ Сэссексъ; онъ не помнилъ чтобы когда либо бывалъ въ этомъ мѣстѣ. Приблизившись къ главнымъ воротамъ замка, онъ испыталъ однако-же чрезвычайно живое впечатлѣніе и увѣренность въ томъ, что уже видѣлъ когда-то этотъ замокъ; ему ясно припомнились не только ворота, но и люди, стоявшіе на воротахъ, а внизу подъ портикомъ—нѣсколько ословъ. Это странное воспоминаніе такъ поразило его, что онъ обратился за разъясненіями къ своей матери. Отъ нея онъ узналъ, что когда ему было всего шеснацать мѣсяцевъ, его привезли сюда въ корзинѣ, привязанной къ спинѣ осла; затѣмъ его оставили внизу вмѣстѣ съ ослами и прислугой, а старшіе отправились закушать и расположились надъ воротами замка. ²⁾“

Механизмъ воспоминанія въ обоихъ этихъ случаяхъ не требуетъ особенныхъ объясненій. Это—случай возстановленія воспоминанія по смежности въ пространствѣ. Они представляютъ только въ наиболѣе поразительной и рѣдкой формѣ то самое явленіе, которое въ жизни каждаго встрѣчается ежедневно. Кому не случалось, съ цѣлью возновить моментально ускользнувшее воспоминаніе, возвращаться въ то самое мѣсто, гдѣ въ первый разъ возникла идея объ этомъ воспоминаніи, помѣщаться, по возможности, въ тѣ же самыя матеріальныя условія и такимъ образомъ снова вспомнить позабытое.

¹⁾ Аберкромби, Essay on intellectual Powers, p. 120.

²⁾ Карпентеръ, Mental Physiology. p. 431.

Что касается гипермнезиі, обусловленной болѣзненными причинами, то я приведу здѣсь лишь одинъ примѣръ этого рода:

„Четырехлѣтній ребенокъ получилъ переломъ черепа, такъ что пришлось прибѣгнуть къ трепанаціи. Когда онъ выздоровѣлъ, то не помнилъ ничего ни объ ушибѣ, ни объ операціи. Но на пятнадцатомъ году жизни, заболѣвъ какою-то лихорадочною формою, онъ, въ бреду, точно описалъ своей матери всю обстановку операціи, людей, присутствовавшихъ въ то время въ комнатѣ, ихъ костюмы, словомъ — всѣ мельчайшія подробности. До этого времени онъ никогда не говорилъ объ этомъ случаѣ и не могъ услышать разказа о немъ отъ другихъ лицъ“¹⁾.

Припоминаніе совершенно забытыхъ языковъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться немного подольше. Я не буду описывать здѣсь случай Кольриджа, потому что онъ — слишкомъ извѣстенъ. Въ работахъ Аберкромби, Гамильтона и Карпентера можно найти много подобныхъ же случаевъ. Хлороформный или эфирный наркозъ можетъ влечь за собой такія же слѣдствія, какъ и лихорадочное возбужденіе. „Одинъ старый лѣсникъ въ молодости жилъ на польской границѣ и въ то время говорилъ исключительно по польски. Впослѣдствіи онъ переселился въ нѣмецкіе округа. Дѣти его увѣряли, что уже лѣтъ тридцать или сорокъ онъ не слышалъ и не произносилъ ни одного польскаго слова. Во время наркоза, продолжавшагося около 2 часовъ, этотъ человекъ говорилъ, молился, пѣлъ — только по польски“²⁾.

Но еще интереснѣе возвращенія одного языка — регрессивный (т. е. совершающійся въ обратномъ порядкѣ приобрѣтенія. Р.) возвратъ нѣсколькихъ языковъ; къ сожалѣнію, авторы сообщаютъ подобные случаи подъ рубрикой простыхъ курьезовъ, безъ всякихъ поясненій, необходимыхъ для правильнаго истолкованія этихъ фактовъ.

Наиболѣе чистый случай этого рода описанъ д-ромъ Решемъ (Rush) изъ Филадельфіи въ его *Medical Inquiries and Observations upon Diseases of the Mind*. „Одинъ итальянецъ, д-ръ Сканделла, человекъ замѣчательнаго образованія, поселился въ Америкѣ. Онъ хорошо владѣлъ итальянскимъ, англійскимъ и французскимъ языками. Въ Нью-Йоркѣ онъ заболѣлъ желтой лихорадкой и умеръ; въ началѣ болѣзни онъ говорилъ по англійски, въ срединѣ — по французски, а въ день смерти — по итальянски, т. е. на своемъ родномъ языкѣ“.

Тотъ же авторъ рассказываетъ въ довольно темныхъ выраженіяхъ объ одной женщинѣ, страдавшей приступами временнаго умопомѣшательства. Въ началѣ приступа она говорила на плохомъ итальянскомъ,

¹⁾ Аберкромби, loc. cit. p. 149.

²⁾ M. Duval, art. Hypnotisme въ *Nouveau dict. de médecine etc.*, p. 144.

во время наибольшей высоты болѣзни—на французскомъ и въ періодѣ ослабленія припадковъ — на нѣмецкомъ языкахъ; но какъ только наступало выздоровленіе она снова возвращалась къ своему родному языку (англійскому).

Если оставить въ сторонѣ подобный послѣдовательный возвратъ памяти нѣсколькихъ языковъ и довольствоваться болѣе простыми случаями, то можно найти достаточное количество весьма точныхъ документовъ по этому вопросу. Одинъ французъ, жившій въ Англии и вполне владѣвшій англійскимъ языкомъ, получилъ ударъ по головѣ. Во все время болѣзни онъ могъ давать отвѣты только по французски.

Но самымъ поучительнымъ мы считаемъ слѣдующій фактъ, сообщаемый тѣмъ же д-ромъ Решемъ. „Я слышалъ, говорить онъ, отъ одного лютеранскаго пастора, родомъ нѣмца, жившаго въ Америкѣ, слѣдующее. Въ его приходѣ было большое число нѣмцевъ и шведовъ и всѣ они незадолго передъ смертью молились на своемъ родномъ языкѣ. „Подобныхъ примѣровъ, говорилъ этотъ пасторъ, я бы могъ насчитать тысячи, хотя многіе изъ этихъ людей, я въ томъ увѣренъ, не говорили по нѣмецки или по шведски въ теченіи пятидесяти или шестидесяти лѣтъ“.

Винслоу также замѣчаетъ, что нѣкоторые католики, перешедшіе въ протестантизмъ, во время предсмертнаго бреда молились исключительно по уставу римской церкви ¹⁾.

Этотъ возвратъ забытыхъ языковъ и условныхъ оборотовъ рѣчи на нихъ, по моему мнѣнію, является лишь частнымъ случаемъ закона обратнаго развитія памяти. Вслѣдствіе болѣзненнаго процесса, оканчивающагося всего чаще смертью, разрушаются въ началѣ самая свѣжія наслоенія памяти; работа разрушенія, распространяясь мало по малу далѣе, доходитъ наконецъ до самыхъ старыхъ, т. е. самыхъ стойкихъ, приобрѣтеній памяти и прежде нежели уничтожить ихъ навсегда, временно приводитъ ихъ въ дѣятельность и оживляетъ въ сознаніи. Такимъ образомъ подобная гипермнезія является результатомъ чисто отрицательныхъ условій; обратное развитіе зависитъ здѣсь не отъ нормальнаго возвращенія сознательности воспоминаній, но отъ подавленія болѣе живыхъ и болѣе сильныхъ состояній сознания: такъ, слабый голосъ дѣлается слышнымъ лишь послѣ того, какъ замолкаютъ люди, обладающіе громкими голосами. Эти старыя приобрѣтенія памяти, эти привычки дѣтства или юности, выступаютъ на первый планъ, не потому что какая либо причина выталкиваетъ ихъ впередъ, но потому что нѣтъ болѣе тѣхъ воспоминаній, которыя прежде ихъ заглушали. Оживленія воспоминаній этого рода, въ строгомъ смыслѣ слова, представ-

¹⁾ Winslow, op. cit. p. 253, 265, 266, 305.

ляютъ поворотъ назадъ, къ тѣмъ условіямъ, которыя, казалось, исчезли на всегда, но которыя въ этомъ случаѣ вновь вызываются обратнымъ процессомъ разрушенія. Однако я предпочту воздержаться отъ заключеній, столь естественно вытекающихъ изъ этихъ фактовъ: это дѣло я предоставляю моралистамъ. Они могутъ подробно доказать, напр., что и нѣкоторые случаи возврата религіозныхъ убѣжденій въ предсмертный часъ, надѣлавшіе столько шума въ обществѣ, въ глазахъ проникательнаго психолога являются лишь необходимымъ слѣдствіемъ безповоротнаго разрушенія памяти.

Независимо отъ этого неожиданнаго подтвержденія нашего закона обратнаго развитія памяти, мы обязаны изученію гипермнезій еще доказательствомъ удивительной устойчивости тѣхъ скрытыхъ условій воспоминанія, которыя мы называемъ слѣдами, отпечатками или остатками. Не зная подобныхъ расстройствъ памяти, нельзя было бы и подозрѣвать возможность подобной устойчивости; въ самомъ дѣлѣ, сознаніе, предоставленное самому себѣ, можетъ подтвердить только сохраненіе извѣстныхъ состояній, изъ которыхъ слагается наша текущая жизнь, и еще немногихъ другихъ, стоящихъ въ зависимости отъ воли, потому что укоренены они привычкою.

Можно ли, на основаніи подобныхъ оживленій старыхъ воспоминаній заключить, что въ памяти рѣшительно ничто не утрачивается? что однажды вошедшее въ нее остается уже неразрушимымъ? что впечатлѣніе даже самое бѣглое можетъ оживиться въ каждый данный моментъ? Многіе авторы, въ особенности Мори, приводили въ защиту этого положенія поразительные примѣры. Однако же нѣтъ причины не соглашаться съ тѣми, кто сталъ бы утверждать, что остатки воспоминаній могутъ исчезать даже и безъ вліянія болѣзненныхъ процессовъ ¹⁾. Возможно, что извѣстныя измѣненія нервныхъ клѣтокъ и нѣкоторыя динамическія ассоціаціи уже по самой природѣ своей оказываются слишкомъ нестойкими для продолжительнаго существованія. Вообще же можно сказать, что устойчивость воспоминаній если и не абсолютное правило, то все же—правило, потому что она наблюдается въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Что касается способа, какимъ сохраняются и воспроизводятся такія отдаленнѣйшія воспоминанія, то объ этомъ мы не знаемъ ничего. Замѣчу только, какъ бы слѣдовало объяснять себѣ этотъ способъ, согласно той гипотезѣ, которой мы придерживались во всѣхъ нашихъ предшествовавшихъ разсужденіяхъ.

Если мы будемъ считать матеріальнымъ субстратомъ нашихъ воспоминаній модификаціи нервныхъ клѣтокъ и динамическія ассоціаціи

---

¹⁾ См. статью Дельбефа въ *Revue philosophique* du 1-r février 1880.

между этими послѣдними, то нельзя себѣ представить память, столь обремененную включенными въ нее фактами, что она оказалась бы недостаточною для сохраненія этихъ фактовъ, потому что если число возможныхъ модификацій клѣтокъ и ограничено, то количество возможныхъ динамическихъ ассоціацій—неисчислимо. Можно предположить что старыя ассоціаціи снова появляются, когда новыя, уничтожаясь на время или навсегда, очищаютъ для нихъ мѣсто. При значительномъ уменьшеніи числа возможныхъ оживленій воспоминаній, увеличиваются въ прямомъ отношеніи шансы на возвращеніе наиболѣе стойкихъ, т. е. наиболѣе старыхъ ассоціацій.

Впрочемъ я не буду долго останавливаться на гипотезѣ, которую нельзя провѣрить: моя цѣль—строго придерживаться того, что извѣстно, и не выходить изъ этихъ предѣловъ.

Ни къ одному изъ описанныхъ типовъ не подходитъ странная иллюзія, которая встрѣчается или, по крайней мѣрѣ, наблюдается довольно рѣдко,—о ней упоминается всего лишь въ трехъ или четырехъ случаяхъ,—и которая до сихъ поръ еще не получила особаго названія (? Ред.) Виганъ назвалъ ее довольно неудачно двойнымъ сознаніемъ, Сандеръ—иллюзіей памяти (обманомъ воспоминанія, *Erinnerungstäuschung*). Другіе авторы называли ее ложной памятью (*fausse memoire*) и это названіе кажется мнѣ болѣе подходящимъ (какъ французскій терминъ? Ред.). Явленіе это состоитъ въ томъ, что новое въ сущности состояніе кажется человѣку уже испытаннымъ прежде, такъ что впечатлѣніе, переживаемое въ первый разъ, представляется повтореніемъ стараго.

Виганъ въ своей извѣстной книгѣ о „двойственности души“ сообщаетъ, что въ то время какъ онъ присутствовалъ при похоронахъ принцессы Шарлоты въ Виндзорской капеллѣ, ему внезапно показалось, что нѣкогда онъ былъ свидѣтелемъ этого самаго зрѣлища. Иллюзія эта была мимолетна, но ниже мы встрѣтимъ и болѣе продолжительныя. Льюисъ весьма основательно сравниваетъ это явленіе съ нѣкоторыми другими, болѣе обыкновенными фактами. При путешествіи въ чужихъ странахъ случается, что на какомъ нибудь крутомъ поворотѣ тропинки или на изгибѣ рѣки предъ нами вдругъ открывается новый пейзажъ, который вызываетъ въ насъ ощущеніе, какъ будто мы его уже видѣли раньше. Читая въ книгѣ новыя мысли, иногда чувствуется, будто эти мысли уже прежде существовали въ нашемъ умѣ ¹⁾.

По нашему мнѣнію, эта иллюзія объясняется довольно легко. Получаемое въ данный моментъ впечатлѣніе вызываетъ въ нашемъ про-

¹⁾ Lewes, Problems of Life and Mind, 3 Ser., 129.

ломъ (т. е. въ скрытныхъ воспоминаніяхъ этого прошлаго. Ред.) аналогичныя, смутныя, блѣдныя и еле-замѣтныя для насъ впечатлѣнія, которыя однако же достаточны для того чтобы внушить намъ убѣжденіе, что новое состояніе, переживаемое нами, есть въ сущности только повтореніе стараго. Основное сходство обоихъ состояній сознанія быстро ощущается нами и побуждаетъ насъ къ отождествленію ихъ. Это — ошибка, но только частная, потому что, навѣрное, въ нашемъ прошломъ было что-нибудь, похожее на то реальное впечатлѣніе, которое въ эту минуту впервые испытывается нами.

Если этого объясненія достаточно для самыхъ простыхъ случаевъ, то есть другіе, гдѣ оно неприменимо.

Одинъ больной, говоритъ Сандеръ, узнавъ о смерти своего знакомаго, сильно испугался, потому что ему показалось, что онъ уже нѣкогда испыталъ это самое впечатлѣніе. „Я почувствовалъ, рассказывалъ онъ потомъ, что все это уже было когда-то: также я лежалъ здѣсь, на этой постели, также пришелъ ко мнѣ Х... и сказалъ мнѣ: „Мюллеръ умеръ“. Я отвѣчалъ: „Мюллеръ умеръ уже нѣсколько времени тому назадъ, онъ не могъ умереть два раза“¹⁾).

Д-ръ Арнольдъ Пикъ сообщаетъ самый полный изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ ложной памяти: описываемое расстройство въ этомъ случаѣ наблюдалось почти въ хронической формѣ. Нѣкто, образованный человѣкъ, очень разумно разсуждавшій о своей болѣзни и даже составившій описаніе ея, около тридцать втораго года жизни началъ страдать совершенно особымъ ненормальнымъ умственнымъ состояніемъ. Присутствовалъ-ли онъ на какомъ нибудь праздникѣ, посѣщали ли какую либо мѣстность, или встрѣчался съ кѣмъ нибудь, всякое подобное событіе, со всѣми окружающими его обстоятельствами, казалось ему до такой степени знакомымъ, что онъ былъ увѣренъ въ томъ, что однажды уже испыталъ эти самыя впечатлѣнія, что тогда его окружали тѣ же самыя личности и тѣ же самыя предметы, что и небо было тогда такое же, и погода такая же и т. д. Если онъ брался за какую нибудь новую работу, ему опять казалось, что онъ уже исполнялъ ее раньше при тѣхъ же условіяхъ. Это чувство появлялось у него иногда въ тотъ же самый день, иногда черезъ нѣсколько минутъ или нѣсколько часовъ, иногда на слѣдующій день, но всегда съ необыкновенной ясностью²⁾).

Въ этомъ явленіи ложной памяти скрывается какая-то аномалія умственнаго механизма, которая не поддается нашему опредѣленію и которую здоровый человѣкъ съ трудомъ понимаетъ. Больной, даже обладая качествами хорошаго наблюдателя, можетъ анализировать эту аномалію, только переставъ быть игрушкой своего обманчиваго созна-

¹⁾ Sander, Archiv für Psychiatrie, 1873, IV.

²⁾ Archiv für Psychiatrie, 1876, VI, 2.

нія. Миѣ кажется, что изъ выше помѣщенныхъ примѣровъ можно заключить прежде всего, что полученное впечатлѣніе воспроизводится въ видѣ образа, подобнаго „слѣдамъ ощущенія“ (говоря фізіологическими терминами—первоначальный мозговой процессъ повторяется). Этотъ феноменъ — весьма обычное въ сущности явленіе; мы знаемъ, что тоже самое происходитъ со всякимъ воспоминаніемъ, не вызываемымъ дѣйствительнымъ присутствіемъ своего объекта. Вся трудность въ объясненіи, почему этотъ образъ, возникающій спустя минуту, часъ или день послѣ реального впечатлѣнія, придаетъ послѣднему характеръ повторенія. Можно допустить, что механизмъ узнаванія, локализациі во времени, дѣйствуетъ здѣсь наоборотъ. Я съ своей стороны предлагаю слѣдующее объясненіе:

Сложившійся этимъ способомъ образъ — весьма яркъ, имѣетъ характеръ галлюцинаціи; онъ импонируетъ собою сознанію, навязывается ему, какъ дѣйствительность, потому что въ данную минуту ничто не исправляетъ эту иллюзію. Такимъ образомъ, дѣйствительное впечатлѣніе отступаетъ на задній планъ, пріобрѣтая вмѣстѣ съ тѣмъ блѣдный характеръ воспоминанія: оно локализуется въ прошедшемъ, ошибочно — съ объективной точки зрѣнія и вполнѣ правильно — съ субъективной. Хотя подобное галлюцинаторное состояніе и бываетъ весьма живо, оно все таки не можетъ изгладить дѣйствительнаго впечатлѣнія; но, отдѣляясь отъ этого впечатлѣнія, оно конечно должно показаться повтореніемъ прежняго опыта. Оно заступаетъ мѣсто дѣйствительнаго впечатлѣнія и представляется болѣе свѣжимъ, да и на самомъ дѣлѣ оно—свѣжѣе. Для насъ, какъ постороннихъ свидѣтелей, судящихъ о происходящемъ виѣ насъ, конечно должно казаться ошибочнымъ, что впечатлѣніе получено было два раза. Для больного же, который судитъ на основаніи данныхъ своего сознанія, — несомнѣнно, что впечатлѣніе было получено дважды и, въ этихъ предѣлахъ, увѣреніе больного—неоспоримо.

Въ защиту моего объясненія, я замѣчу, что явленіе ложной памяти почти всегда бываетъ связано съ какимъ либо умственнымъ расстройствомъ. Больной д-ра Пика страдалъ одною изъ формъ сумасшествія — такъ называемымъ бредомъ преслѣдованія. Возникновеніе галлюцинаторныхъ образовъ въ этомъ случаѣ было, слѣдовательно, дѣломъ весьма естественнымъ. Впрочемъ я не настаиваю, что мое объясненіе—единственно возможное. Для правильнаго истолкованія такого необычнаго состоянія — необходимо было бы имѣть въ распоряженіи гораздо большее число хорошо веденныхъ наблюденій ¹⁾.

¹ Если мы не сказали ничего о состояніи памяти при помѣшательствѣ, то это во 1-хъ потому, что подъ этимъ собирательнымъ именемъ разумѣютъ весьма различныя состоянія, а во 2-хъ, потому что о наиболѣе важныхъ измѣненіяхъ памяти (при маніи, общемъ параличѣ, слабоуміи и пр.) было уже упомянуто въ моемъ

Заключение.

I.

До сихъ поръ мы занимались описаніемъ болѣзней памяти и отысканіемъ того закона, которому онѣ слѣдуютъ въ своихъ проявленіяхъ. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію нашихъ выводовъ, замѣтимъ мимоходомъ, что причины болѣзней памяти бывають обыкновенно непосредственными, органическими. Вообще этиология этихъ болѣзней—очень темна и то немногое, что извѣстно относительно ея, нельзя считать существенно важнымъ.

Память состоитъ въ процессахъ сохраненія и воспроизведенія извѣстныхъ состояній; сохраненіе повидимому зависитъ главнымъ образомъ отъ питанія; способность воспроизведенія—отъ общихъ и мѣстныхъ условій кровообращенія.

Сохраненіе впечатлѣній, играющее самую важную роль, потому что безъ него невозможно никакое воспроизведеніе ихъ, предполагаетъ первымъ условіемъ то, что мы выражаемъ довольно неяснымъ научнымъ терминомъ: нормальная конституція мозга. Мы видѣли, что идіоты страдаютъ врожденной амнезіей, природной неспособностью фиксировать воспоминанія. Такимъ образомъ упомянутое первое условіе есть необходимое требованіе (постулатъ), оно—не только условіе вообще,

---

мѣсть. Однако будетъ не бесполезно привести здѣсь для читателей слѣдующій отрывокъ, въ которомъ они найдутъ общій взглядъ на этотъ вопросъ: „Относительно памяти должно замѣтить, что у помѣшанныхъ она находится въ чрезвычайно различныхъ состояніяхъ. Иногда она сохраняетъ полную силу для всѣхъ обстоятельствъ, какъ прежней жизни, такъ и времени болѣзни. Но гораздо чаще случается встрѣтить ея ослабленіе въ различныхъ видахъ: такъ напр. при слабоуміи... Въ другихъ случаяхъ воспоминаніе о прошедшей жизни или изглаживается совершенно (рѣдко), или отодвигается въ такую даль (это бываетъ чаще), дѣлается столь неяснымъ и чуждымъ большому, что послѣдній едва признаетъ эту жизнь своею...

„Человѣкъ выздоровѣвшій отъ помѣшательства, помнитъ обыкновенно все, происходившее во время его болѣзни, и часто можетъ передать съ удивительной точностью и ясностью малѣйшія происшествія внѣшняго міра и мельчайшія подробности своихъ побужденій и своего настроенія въ теченіи болѣзни, онъ часто можетъ описать каждый взглядъ, каждое слово, каждое движеніе своихъ посѣтителей... Подобная память замѣчается обыкновенно у выздоровѣвшихъ отъ меланхолии и умѣренной степени неистовства, рѣже—послѣ сумасшествія о которомъ больной большею частью сохраняетъ гораздо болѣе сбивчивое воспоминаніе. Когда выздоровѣвшій увѣряетъ, что ничего не помнитъ о происходившемъ во время болѣзни, то этому не должно слишкомъ вѣрять, такъ какъ чувство стыда часто заставляетъ скрывать совершенно отчетливыя воспоминанія“. (Гризингеръ, Духовныя болѣзни, стр. 79—80. См. также Маудсли въ *Reynold's System of Medicine*, vol. II, p. 26).

Ослабленіе памяти въ состояніи опьяненія всѣмъ извѣстно. Мы знаемъ много примѣровъ насилій, совершенныхъ въ этомъ состояніи, и не оставившихъ послѣ себя ни малѣйшаго воспоминанія. Хроническій алкоголизмъ ослабляетъ память, не уничтожая ее: конечный періодъ его близко подходитъ къ слабоумію съ амнезіей.

но жизненное условіе, необходимое для существованія памяти. И дѣйствительно оно встрѣчается почти у всѣхъ людей.

Если существуетъ нормальная конституція (нормальное сложеніе) мозга, то недостаточно еще, чтобы впечатлѣнія получались, а необходимо чтобы они укоренялись, органически запечатлѣвались, воплощались; необходимо чтобы они становились постояннымъ свойствомъ головного мозга; необходимо, чтобы измѣненія, запечатлѣвшіяся въ клѣточкахъ и нервныхъ волокнахъ и динамическія ассоціаціи (подвижныя сочетанія), образовавшіеся между этими элементами, оставались стойкими. Такой результатъ зависитъ только отъ питанія. Мозгъ, и въ особенности сѣрое вещество его, получаетъ огромное количество крови. Ни въ одномъ изъ органовъ не происходитъ такой дѣятельной и быстрой работы въ смыслѣ обмѣна веществъ. Внутренній механизмъ этой работы—намъ неизвѣстенъ. Самые утонченные способы гистологическаго ислѣдованія—бесильны прослѣдить перемѣщенія молекулъ и мы можемъ констатировать лишь результаты этого процесса, о всемъ же остальномъ мы заключаемъ только по наблюденію. Тѣмъ не менѣе есть факты различнаго рода, доказывающіе тѣсную связь между питаніемъ и памятью.

Ежедневное наблюденіе показываютъ, что дѣти заучиваютъ многое необыкновенно легко, что все требующее лишь одной памяти, какъ напр. языки, усваивается ими быстро. Извѣстно также, что привычки, т. е. одна изъ формъ памяти, пріобрѣтаются въ дѣтствѣ и юности скорѣе, нежели въ зрѣломъ возрастѣ. Это потому, что въ болѣе раннихъ періодахъ жизни дѣятельность процессовъ питанія такъ значительна, что новыя связи между элементами легко устанавливаются. Наоборотъ, у стариковъ быстрое изглаживаніе новыхъ впечатлѣній совпадаетъ съ значительнымъ ослабленіемъ этой дѣятельности.

Все, что заучено слишкомъ скоро, не долго сохраняется въ памяти. Выраженіе „усвоить предметъ“—совсѣмъ не метафора. Не буду долго останавливаться на истинѣ, которая повторяется всѣми, хотя и мало кто подозрѣваетъ, что этотъ психическій фактъ имѣетъ свою органическую причину. Для укорененія воспоминаній требуется время, потому что питаніе совершаетъ свое дѣло не въ одно мгновеніе и потому что то непрестанное молекулярное движеніе, изъ котораго слагаются акты питанія должно слѣдовать опредѣленному направленію; періодическое повтореніе одного и того же впечатлѣнія способствуетъ сохраненію этого направленія ¹⁾.

---

¹⁾ «Я зналъ, говоритъ Аберкромби, знаменитаго актера, которому пришлось замѣнить одного изъ своихъ заболѣвшихъ товарищей и выучить въ нѣсколько часовъ длинную и трудную роль. Это удалось ему довольно скоро и онъ прекрасно сыгралъ свою роль. Но немедленно послѣ спектакля онъ забылъ ее, такъ что когда ему пришлось играть нѣсколько дней подъ рядъ въ той же роли, то понадобилось каждый разъ учить ее заново, тѣмъ болѣе, что ему не было времени, по его словамъ,

Усталость, во всѣхъ ея формахъ, имѣетъ для памяти роковое значеніе; получаемыя въ этомъ состояніи впечатлѣнія не укореняются, воспроизведеніе ихъ дѣлается очень тягостнымъ, часто даже невозможнымъ. Такимъ образомъ на усталость слѣдуетъ смотрѣть, какъ на состояніе, въ которомъ, благодаря чрезмѣрной дѣятельности органа, питаніе его затрудняется и замедляется. Съ возвращеніемъ нормальныхъ условій память восстанавливается. Приведенный выше рассказъ Голланда о самомъ себѣ довольно рельефно подтверждаетъ это положеніе.

Мы видѣли также, что въ случаяхъ временной амнезіи, зависящей отъ сотрясенія мозга, забвеніе всегда имѣетъ обратный характеръ (идетъ отъ недавняго къ старому. Ред.); оно простирается на болѣе или менѣе обширный періодъ, предшествовавшій обстоятельству, вызвавшему болѣзнь; это правило не имѣетъ исключеній. Большинство физиологовъ, занимавшихся этимъ фактомъ, объясняютъ его недостаткомъ питанія. Органическое запечатлѣніе, которое заключается въ измѣненіи питанія мозгового вещества, не успѣваетъ здѣсь произойти.

Наконецъ, вспомнимъ, что самая тяжелая форма болѣзней памяти, прогрессивная амнезія слабоумныхъ, стариковъ и лицъ, страдающихъ общимъ параличемъ, зависитъ отъ постоянно возрастающей атрофіи нервныхъ элементовъ. Волокна и клѣтки подвергаются перерожденію; послѣднія наконецъ совершенно исчезаютъ и на ихъ мѣстахъ остается безформенной распадъ.

Совокупность этихъ физиологическихъ и патологическихъ фактовъ доказываетъ, что питаніе и сохраненіе взаимно относятся, какъ причина къ дѣйствию. Существуетъ точное совпаденіе между ихъ апогеемъ и упадкомъ. Болѣе или менѣе продолжительныя измѣненія перваго изъ этихъ актовъ тотчасъ же отражаются на другомъ. Если одинъ становится болѣе живымъ, или, наоборотъ — болѣе вялымъ, — то же происходитъ и съ другимъ. Слѣдовательно, сохраненіе воспоминаній должно быть понимаемо не въ метафизическомъ смыслѣ „состояній души“, существующихъ неизвѣстно гдѣ, но какъ состояніе мозга приобрѣтенное, предполагающее возможность состояній сознанія, если только даны жизненные условія этихъ послѣднихъ.

Крайнею быстротою обмѣна веществъ въ мозгу, которая, казалось бы, должна служить причиною скорѣе неустойчивости, чѣмъ стойкости воспоминаній, напротивъ того, всего лучше объясняется укорененіе послѣднихъ. „Возстановленіе молекулъ на измѣненномъ пути возбужденія способствуетъ запечатлѣнію извѣстнаго состоянія. При этомъ

„изучать“ ее. Когда я спросилъ его какимъ образомъ онъ въ первый разъ игралъ эту роль, онъ отвѣтилъ, что въ то время онъ совершенно не обращалъ вниманія на публику и что ему казалось, что онъ видитъ передъ собой только печатныя страницы играемой пьесы, такъ что, если бы эта иллюзія была нарушена, онъ не могъ бы докончить свою роль (loc. cit., p. 103).

происходить не простая интеграція (т. е. не только возобновленіе прежняго состава молекулъ. Ред.), но реинтеграція (т. е. возобновленіе и прежняго состава, и прежняго размѣщенія молекулъ. Ред.): вещество, испытавъ особенное измѣненіе, и возстановляется особеннымъ образомъ; вслѣдствіе этого новое приобрѣтенное свойство, такъ сказать, воплощается въ строеніи мозга ¹⁾.

Здѣсь мы коснулись главнаго значенія памяти въ біологическомъ смыслѣ: память есть запечатлѣніе, воплощеніе извѣстныхъ состояній. Такимъ образомъ неудивительно, что въ сочиненіи одного знаменитаго англійскаго хирурга, когда онъ разсуждаетъ о неизгладимомъ измѣненіи живыхъ тканей подъ вліяніемъ инфекціонныхъ болѣзней, мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто, какъ будто нарочно написанное для насъ: „Какимъ образомъ можно считать мозгъ органомъ памяти, если онъ постоянно измѣняется? Какимъ образомъ это питательное измѣненіе всѣхъ частицъ мозга не разрушаетъ памяти? Потому что въ процессѣ питанія усвоеніе веществъ совершается съ величайшею точностью. Вліяніе, производимое на мозгъ какимъ нибудь впечатлѣніемъ (будетъ ли это воспріятіе или какой нибудь актъ мышленія), укореняется и задерживается въ мозгу, потому что часть мозга, претерпѣвающая при этомъ впечатлѣніи измѣненіе, впоследствии въ точности воспроизводится въ строеніи той части, которая наслѣдуетъ ей въ порядкѣ питанія“ ²⁾. Какъ ни парадоксально кажется сравненіе инфекціонной болѣзни съ памятью, но съ біологической точки зрѣнія, оно—совершенно справедливо.

II. Вообще говоря, воспроизведеніе воспоминаній, повидимому, находится въ зависимости отъ кровообращенія. Вопросъ этотъ — гораздо темнѣе предъидущаго и для рѣшенія его у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Первое затрудненіе обусловливается быстротою явленій и ихъ вѣчной измѣняемостью. Второе—ихъ сложностью: дѣйствительно, воспроизведеніе зависитъ не только отъ общаго состоянія кровообращенія; оно зависитъ также и отъ особенныхъ условій кровообращенія въ мозгу и весьма вѣроятно, что даже ограниченныя измѣненія мозговаго кровообращенія оказываютъ здѣсь большое вліяніе. Но и это не все: нужно еще принимать въ расчетъ качество крови, равно какъ и ея количество.

Невозможно даже въ грубыхъ чертахъ опредѣлить роль cadaго изъ этихъ факторовъ въ механизмѣ воспроизведенія. Намъ приходится ограничиться указаніемъ на то, что кровообращеніе и воспроизведеніе находятся всегда въ близкомъ взаимномъ отношеніи. Вотъ главнѣйшіе факты, подтверждающіе это:

¹⁾ Маудсли, *Physiologie de l'esprit*; trad. Herzen, p. 140.

²⁾ J. Paget, *Lectures on Surgical Pathology*, t. I, p. 52. См. также Маудсли, I. c. p. 477—478.

Лихорадка, въ ея различныхъ степеняхъ, сопровождается усиленною дѣятельностью мозга. Въ этомъ принимаетъ большое участіе также и память. Мы уже видѣли, до какого возбужденія можетъ она доходить. Извѣстно, что при лихорадкѣ быстрота кровообращенія сильно возрастаетъ, что кровь измѣняется, обременяется продуктами слишкомъ быстрого обмѣна веществъ, слишкомъ быстрого ихъ сторанія. Такимъ образомъ получаютъ измѣненія въ количествѣ и качествахъ крови, выражающіяся, между прочимъ, гипермнезіею.

Даже и внѣ лихорадочнаго состоянія, самыя обыкновенныя впечатлѣнія, не возбуждавшія до того никакого интереса, очень часто оживляются въ памяти, когда гораздо болѣе важныя и внушительныя впечатлѣнія исчезаютъ. Разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, мы нерѣдко найдемъ, что эти незначительныя впечатлѣнія были получены въ моментъ сильнаго напряженія энергіи, когда физическое движеніе и удовольствіе, или то и другое вмѣстѣ, замѣтно усиливали дѣятельность сердца. Романисты уже подмѣтили ту черту человѣческой природы, что когда сильное душевное волненіе въ высшей степени возбуждаетъ кровообращеніе, то группы чувствованій, внушаемыхъ окружающими предметами, могутъ приобрѣтать необыкновенную живость и яркость, такъ что нерѣдко сохраняются на всю жизнь“ ¹⁾.

Обратимъ вниманіе также на то, какъ легко совершается воспроизведеніе въ тѣ періоды жизни, когда кровь течетъ по жиламъ быстро и въ обильномъ количествѣ, и какимъ медленнымъ и труднымъ дѣлается оно, когда старость замедляетъ кровообращеніе. Но и составъ крови у старика измѣняется, кровь становится въ пожиломъ возрастѣ бѣднѣе и шариками, и альбуминомъ.

У людей, истощенныхъ продолжительною болѣзнію, память ослабляется вмѣстѣ съ кровообращеніемъ. „Слишкомъ нервныя субъекты, у которыхъ дѣятельность сердца значительно понизилась, обыкновенно жалуются на потерю памяти.... симптомъ, который мало по малу исчезаетъ, по мѣрѣ возстановленія нормальнаго кровообращенія“ ²⁾.

Мы встрѣчаемъ усиленія памяти подъ влияніемъ измѣненій кровообращенія, вызванныхъ веществами возбуждающими, въ родѣ гашиша, опія и т. п.; эти вещества прежде нежели наступитъ періодъ угнетенія нервной дѣятельности, повышаютъ эту послѣднюю. Другія изъ лекарственныхъ средствъ производятъ обратное влияніе, какъ напр. бромистый калий, который дѣйствуетъ успокоивающимъ, снотворнымъ образомъ и, въ сильныхъ дозахъ, замедляетъ кровообращеніе. Одинъ проповѣдникъ былъ вынужденъ отказаться отъ употребленія этого сред-

¹⁾ Гербертъ Спенсеръ, Основанія Психологіи, т. I.

²⁾ Гербертъ Спенсеръ, Основанія Психологіи, т. I.

ства: онъ почти утратилъ свою память, которая возвратилась, когда онъ пересталъ принимать бромистый калий.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно вывести слѣдующее общее заключеніе: нормальное проявленіе памяти предполагаетъ дѣятельное обращеніе достаточнаго количества крови, обладающей матеріалами, необходимыми для правильнаго обмѣна веществъ. Когда эта дѣятельность усиливается—является склонность къ болѣзненному возбужденію памяти; когда она ослабѣваетъ—происходитъ амнезія. Болѣе точныхъ выводовъ нельзя сдѣлать, не рискуя прибѣгнуть къ голословной гипотезѣ. Почему именно такая-то категория воспоминаній, преимущественно предъ другими, оживляется или уничтожается въ данномъ случаѣ? Объ этомъ мы ничего не знаемъ. Въ каждомъ частномъ случаѣ амнезіи и гипермнезіи—столько непредвидѣннаго, что всякая попытка объясненія могла бы оказаться химерой. Весьма вѣроятно, что чрезвычайно мимолетныя органическія, измѣненія, безконечно-малыя причины обуславливаютъ тотъ фактъ, что извѣстный рядъ воспоминаній иногда одинъ только и выдвигается впередъ или остается глухимъ къ призыву. Но достаточно, чтобы одинъ нервный элементъ пришелъ въ сотрясеніе или, наоборотъ, парализовался: остальное объясняется извѣстнымъ механизмомъ ассоціаціи. Нѣкоторые фізіологи высказываютъ то мнѣніе, что ограниченныя и временныя пробѣлы памяти зависятъ отъ временныхъ и мѣстныхъ измѣненій калибра артерій, подъ вліяніемъ сосудодвигательныхъ нервовъ. Въ доказательство, эти авторы ссылаются на то, что возвратъ воспоминаній бываетъ въ подобныхъ случаяхъ очень быстрымъ, что обыкновенно эти пробѣлы обуславливаются какимъ нибудь сильнымъ душевнымъ волненіемъ, а душевныя волненія оказываютъ, какъ извѣстно, огромное вліяніе на всю сосудодвигательную систему.

Въ случаяхъ полной потери памяти, возвращеніе ея зависитъ отъ питанія и кровообращенія. Если возвращеніе это происходитъ быстро (что наблюдается рѣдко), то наиболѣе вѣроятной гипотезой будетъ предположеніе объ остановкѣ функціи (*inhibitio*), которая (остановка) внезапно исчезаетъ: это — самый темный изъ всѣхъ вопросовъ нервной фізіологіи.

Если возвращеніе памяти происходитъ путемъ перевоспитыванія (самый частый случай), то главная роль при этомъ выпадаетъ, повидимому, на долю питанія. Быстрота, съ которою идетъ вторичное обученіе, доказываетъ, что не все было потеряно. Клѣточки могли атрофироваться: но если ихъ ядра (которыя вообще считаются органами-воспроизводителями) даютъ жизнь другимъ клѣточкамъ, то этимъ самымъ восстанавливаются основы памяти: клѣтки-дочери—во всемъ сходны съ клѣтками-матерями въ силу склонности всякаго организма сохранять свой типъ и въ силу склонности всякаго приобрѣтеннаго измѣненія превращаться въ измѣненіе, наслѣдственно передаваемое; въ

этомъ случаѣ память является лишь однимъ изъ видовъ наслѣдственности 1).

II.

Резюмируя все сказанное, мы видимъ, что память есть общая функція нервной системы. Основаніемъ ея является свойство элементовъ—сохранять полученное измѣненіе и вступать во взаимныя сочетанія, ассоціаціи. Эти ассоціаціи, представляющія результатъ опыта, названы нами динамическими, въ отличіе отъ прирожденныхъ или анатомическихъ ассоціацій. Сохраненія состояній обезпечивается питаніемъ, которое постоянно укореняетъ эти состоянія, потому что постоянно возобновляетъ ихъ. Воспроизведеніе же состояній повидимому зависитъ преимущественно отъ кровообращенія.

Сохранять и воспроизводить: эти два существенныя свойства памяти вводятъ ее въ рядъ основныхъ условій жизни. Третье и послѣднее свойство—сознаніе, точная локалізація воспоминаній въ прошломъ, является не болѣе какъ завершеніемъ или совершенствованіемъ памяти. Психическая память представляетъ лишь высшую и самую сложную форму памяти вообще. Признавать памятью только эту форму значило бы, подобно большинству психологовъ, заранѣе осудить себя на безысходныя хлопоты со всевозможными отвлеченіями.

Установивъ эти предварительныя положенія, мы классифицировали и описали болѣзни памяти и, такъ какъ хорошее наблюденіе всегда дороже общаго описанія, такъ какъ наблюденіе—всегда поучительнѣе и доказательнѣе, то мы и старались для каждой болѣзненной формы подыскать нѣсколько ясныхъ и достовѣрныхъ случаевъ.

Пробѣжавъ массу фактовъ, повидимому напрасно загромадившихъ нашъ трудъ, мы постарались вывести изъ нихъ общія заключенія:

Во первыхъ—необходимость раздѣлить память на различныя ея формы, независимость которыхъ ясно доказывается патологическими случаями.

Далѣе мы показали, что разрушеніе памяти слѣдуетъ извѣстному закону. Пренебрегая вторичными расстройствами, продолжающимися не долго и мало поучительными, мы констатировали слѣдующее:

1) что въ случаяхъ общаго разрушенія памяти, потеря воспоминаній слѣдуетъ неизмѣнному пути: забвеніе недавнихъ фактовъ, идей вообще, чувствованій, дѣйствій; 2) что въ лучше всего изученныхъ случаяхъ частнаго разрушенія памяти (забвеніе знаковъ), потеря воспоминаній слѣдуетъ также неизмѣнному пути: забвеніе именъ собственныхъ

1) Подробнѣе см. Вrain, I. с.

именъ существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ, наконецъ — междометій, и жестовъ.

Въ обоихъ случаяхъ путь этотъ, слѣдовательно, — одинаковъ. Это — обратное движеніе отъ болѣе новаго къ старому, отъ сложнаго къ простому, отъ произвольнаго къ автоматическому, отъ менѣе организованнаго къ болѣе организованному.

Точность этого закона обратнаго развитія памяти подтверждается тѣми довольно рѣдкими случаями, гдѣ прогрессивное разрушеніе памяти оканчивается выздоровленіемъ: воспоминанія возвращались въ обратномъ порядкѣ ихъ утраты.

Законъ обратнаго развитія помогъ намъ объяснить странное возобновленіе нѣкоторыхъ воспоминаній, какбы возвратъ сознанія къ старому, къ условіямъ существованія, которыя казались исчезнувшими навсегда.

Мы нашли связь нашего закона съ слѣдующимъ физиологическимъ принципомъ: „Дегенерація поражаетъ прежде всего то, что развилось позже всего“; а также съ тѣмъ психологическимъ принципомъ, что „сложное исчезаетъ прежде простаго, потому что рѣже повторялось на опытѣ“.

Наконецъ наше изученіе патологіи памяти привело насъ къ слѣдующему главному выводу: память есть процессъ организаціи въ различныхъ ея степеняхъ, лежащихъ между двумя крайними предѣлами: новымъ состояніемъ и органическимъ запечатлѣніемъ состояній.

16424

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Глава первая.

Память, по существу,—фактъ біологической, случайно же можетъ быть и психическимъ фактомъ.—О памяти органической. — Мѣстонахождение памяти. — Измѣненія нервныхъ элементовъ; динамическія ассоціаціи между этими элементами. — О памяти сознательной. — Условія сознанія: напряженность и продолжительность извѣстныхъ состояній.—Сфера безсознательной душевной дѣятельности (безсознательная перебрація). — Нервная дѣятельность — основное условіе явленія памяти, сознаніе же—элементъ только добавочный.—О локализациі въ прошедшемъ или „узнаваніи“.—Механизмъ этой операціи.—Узнаваніе—актъ простой и мгновенный; онъ состоитъ въ присоединеніи вторичныхъ сознательныхъ состояній къ главному состоянію сознанія. — Память есть видѣніе во времени.—Теоретическая и практическая локализациі въ прошломъ. — Опорныя точки. — Сходство и различіе между локализациею въ будущемъ и локализациею въ прошломъ.—Всякое воспоминаніе—иллюзія.—Забвеніе—условіе памяти.—Возвращеніе къ исходной точкѣ разсужденій: сознательная память превращается мало по малу въ автоматизмъ. 5

Глава вторая.

Классификація болѣзней памяти.—Временныя амнезиі.—Эпилептики.—Забвеніе извѣстныхъ періодовъ жизни.—Примѣры перевоспитанія. — Медленные и внезапные возвраты воспоминаній. — Случаи переходящей (запасной) памяти.—Періодическія или перемежающіяся амнезиі.—Образованіе двухъ памятей, вполнѣ или въ частности различныхъ. — Случаи Мэкниша, Азама и Дюффэ; гипнотизмъ. — Прогрессивныя амнезиі. — Ихъ важность; онѣ открываютъ намъ законъ, управляющій разрушеніемъ памяти.—Законъ обратнаго развитія памяти (постепеннаго ея уничтоженія); — изложеніе этого закона. — Въ какомъ порядкѣ потухаютъ воспоминанія. — Провѣрочныя наблюденія: воспоминанія потухаютъ въ порядкѣ, обратномъ ихъ образованію.—Факты, подтверждающіе это.—Врожденныя амнезиі. — Случаи необыкновенной памяти у нѣкоторыхъ идіотовъ 42

Глава третья.

Понятіе о памяти вообще сводится къ понятію о существованіи различныхъ памятей.—Анатомическіе и фізіологическіе доводы въ пользу существованія част-

ныхъ памяти.—Амнезія чиселъ, именъ, лицъ и проч.—Амнезія знаковъ (символовъ).—Ея природа: это въ сущности — утрата двигательной памяти.—Исслѣдованіе этого вопроса.—Возрастающая амнезія знаковъ вполне подтверждаетъ законъ обратнаго развитія памяти.—Порядокъ исчезанія символовъ: имена собственные, существительныя, глаголы и прилагательныя, междометія и языкъ чувствованій, жесты.—Сходство между постепенностью этого исчезанія знаковъ и развитіемъ индоевропейскихъ языковъ.—Провѣрочныя наблюденія: возвратъ памяти знаковъ въ порядкѣ, обратномъ ихъ исчезанію 87

Глава четвертая.

Общія возбужденія памяти.—Ея частныя усиленія.—Возвратъ утраченныхъ воспоминаній.—Возвратъ забытыхъ языковъ.—Сведеніе этихъ фактовъ на законъ обратнаго развитія памяти.—Случаи ложной памяти (обмановъ воспоминанія).—Примѣры и попытка объясненія этого явленія. 101

Заключеніе.

Тѣсная связь между сохраненіемъ воспоминаній и процессомъ питанія,—между воспроизведеніемъ воспоминаній и состояніемъ общаго и мѣстнаго (мозговаго) кровообращенія.—Вліяніе на мозгъ количества и качества крови.—Примѣры.—Законъ обратнаго развитія памяти въ его связи съ фізіологическимъ и психологическимъ принципами объясненія.—Общій обзоръ выводовъ. 110

